

Казахский Национальный Университет имени аль-Фараби

УДК 94 (574) «1868/1917»

На правах рукописи

АБДРАХИМ МИРАС ЕРКІНҰЛЫ

**Казахские чиновники Семиреченской области во II половине XIX –
начале XX века: формирование и структура**

Специальность: 6D020300 – История

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Отечественный научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
Султангалиева Г.С.

Зарубежный научный консультант:
доктор, профессор А. Моррисон
(Оксфорд, Великобритания)

Республика Казахстан
Алматы, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРОБЛЕМЫ..	19
1.1 Методологические подходы в изучении терминов «чиновник», «служащий», «бюрократ».....	19
1.2 Историографические подходы к изучению казахского чиновничества в Семиреченской области во II половине XIX – начале XX веков.....	26
1.3 Анализ зарубежной историографии о сотруди́нстве кочевой элиты с колониальной властью.....	41
1.4 Источниковедческий анализ становления и деятельности казахского чиновничества в Семиреченской области.....	54
2. ВКЛЮЧЕНИЕ КАЗАХОВ СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ НА СЛУЖБУ В СИСТЕМУ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	67
2.1 Создание должностей в системе местного управления и условий службы.....	67
2.2 Роль учебных заведений в подготовке казахских чиновников.....	76
2.3 Мотивы вхождения казахов Семиреченской области в состав российского чиновничества.....	91
3 ДОЛЖНОСТИ, КРУГ ПОЛНОМОЧИЙ КАЗАХСКИХ ЧИНОВНИКОВ СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	101
3.1 Младшие помощники уездных начальников Семиреченской области...	101
3.2 Переводчики Семиреченской области как информанты колониальной власти.....	107
3.3 Деятельность волостных управителей в контексте общественного управления.....	119
3.4 Роль народных судей Семиреченской области в системе местного управления.....	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	139
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	146
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	168
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	173

ВВЕДЕНИЕ

Описание исследовательской работы. Диссертационная работа исследует проблемы формирования и структуры корпуса казахских чиновников Семиреченской области, которые служили в составе региональной администрации Российской империи во II половине XIX – начале XX веков.

Актуальность темы. Сегодня возникла потребность в научном изучении процесса формирования чиновничества в Казахстане, его структуры, региональных особенностей. Проводимые правительством Республики Казахстан административные реформы стимулирует интерес к изучению их исторических трансформаций в XIX-XX веках и проявление их в настоящем.

Необходимость нового обращения к феномену чиновничества вызвана также обогащением наших представлений о социальной стратификации. В советской историографии чиновничество традиционно рассматривалось с точки зрения классовой теории социальной стратификации. Чиновничество анализировалось, прежде всего, как составная часть дворянского «класса», а не как самостоятельная страта. Исследования в мировой историографии долгое время фокусировались исключительно на политических аспектах, среди которых важное место занимали вопросы взаимодействия центра и периферии, функционирования органов власти и формирования элит. Сегодня назрела необходимость исследования казахского чиновничества с новых позиций и подходов, в основе которого лежат освобождение от старых имперских стереотипов и новых мифов историографии и раскрытие особенностей, способов и моделей управления и властвования.

Детальное изучение адаптивных стратегий, личных мотивов и карьерных перспектив казахов, находившихся на службе в системах местного управления в контексте истории конкретного историко-географического региона представляется особенно актуальным. Ведь региональный подход дает больше возможностей углубленно изучать исследуемую тему, особенности деятельности локальных акторов в истории позволят рассмотреть представленную проблему с нового ракурса. В связи с этим изучение деятельности казахских чиновников в составе административной системы Семиреченской области во II половине XIX – начале XX вв. представляется актуальным и важным.

Семиреченская область, как административная единица Российской империи, была учреждена в составе Туркестанского генерал-губернаторства согласно «Временному положению об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей» от 11 июля 1867 года, затем 25 марта 1891 года последовало «Степное положение», по которому область переведена в состав Степного генерал-губернаторства. Однако 26 декабря 1897 года она была передана обратно в состав Туркестанского генерал-губернаторства [1; сс. 281-282]. Семиреченская область для российского правительства была как привлекательной в плане геополитики и экономики, так и, возможно, сложной для административного управления. С одной стороны, площадь территории

Семиреченской области составляла 346 960 кв. верст, что в то время было больше территорий Румынии, Болгарии и Сербии вместе взятых [2; с.3], и ее трансграничное положение (соседство с Китаем и среднеазиатскими государствами, по отношению к которым Российская империя имела свои стратегические планы) заставляло российское правительство выстраивать гибкую политику. С другой стороны, сложный полиэтничный состав населения, согласно Первой Всероссийской переписи населения 1897 года, помимо казахов здесь проживали русские, украинцы, таранчи, сарты, татары и другие. Соответственно и конфессиональный состав тоже не был един: если 90% населения были мусульманами, то остальные 10% составляли представители православия и других религиозных объединений [3; с. 12-13].

Исходя из вышесказанного, вопрос кооптации казахов в систему местного управления в Семиреченской области представлялся сложным для имперской власти и являлся важным шагом в укреплении своих позиций в регионе и распространении своего влияния над семиреченскими казахами в области, внедрения новых административно-территориальных структур (уезды, волости, аулы). Именно в таком ракурсе Семиреченская область во II половине XIX – начале XX вв. не являлась отдельным объектом исследования. Она всегда изучалась в разрезе социально-экономических, политических или культурных изменений в контексте Туркестанского генерал-губернаторства или всех регионов Казахстана.

Актуальность представленной проблемы расширяется и в связи со стремительным развитием постколониальных исследований в мировой науке в конце XX – начале XXI веков. И в условиях данных научно-теоретических парадигм можно по новому объяснить механизмы функционирования империализма, акцентируя внимание не на метрополию, как было модно раньше, а уже – на колонию, услышать голос «снизу», принять во внимание то адекватное знание, которое содержится в представлениях локальных акторов о своей деятельности, способность их к социальным трансформациям, которая давала им практические результаты.

Таким образом, представленная проблема является актуальной для отечественной науки и практически не изученной. Она требует глубокого анализа и разностороннего рассмотрения с учетом национальных интересов уже независимого Казахстана. Ведь по этому поводу верно отметил Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев на третьем заседании Национального курултая: «Нам нужен комплексный анализ событий в мире и их последствий для национальных интересов Казахстана. Это задача профильных ведомств, ученых и политологов» [4]. Следовательно, несомненно, очень важно для отечественной исторической науки комплексно изучить данную проблему и дать ей правильные исторические оценки.

Степень изученности исследуемой темы разделяется на две большие группы. К первой группе относятся научные труды, которые изучают вопросы институтов генерал-губернаторств, уездных и волостных управлений Российской империи. К таким исследованиям относим работы Л.М. Лысенко

[5], К. Мацузато [6], Ю.П. Злобина [7], [8], И.Л. Дамешека [9], В.В. Марюткина [10]. Вопросы о механизме чиновничества продемонстрированы в трудах Л.Е. Шепелева [11], С.И. Дегтярева [12], А.А. Оспановой [13], А.Д. Макей [14], И.А. Минеевой [15], В.А. Иванова [16] и других. Работы А.В. Ремнева [17], [18], Н.П. Матхановой [19], В.Н. Казарина [20] показывают механизмы и другие особенности деятельности царского чиновничества на территории Сибири. Труды С.Х. Еникеева [21], И.Р. Габдуллина [22] и Р.В. Кадырова [23] посвящены исследованию процесса включения татарской элиты в состав российского дворянства. Проблемы становления и формирования российского чиновничества на территории Кавказа также отражены в исследованиях Н.С. Киняпиной [24], Ж.А. Калмыкова [25], Г.Н. Малаховой [26], А.И. Хасбулатова [27] и В.О. Бобровникова [28].

Научные труды второй группы по историографии казахского чиновничества в Семиреченской области подразделяются на работы периодов дореволюционного, советского и независимости.

Историография дореволюционного периода. Одними из первых, кто обратил внимание на данный вопрос, были в основном исследователи, занимавшие те или иные позиции в колониальном аппарате империи. К ним относятся К.П. Кауфман [29], В.А. Остафьев [30], А.К. Гейнс [31], [32], [33], Ф.К. Гирс [34], И.И. Крафт [35]. Ю.Д. Южаков [36], О.А. Шкапский [37], [38], И.И. Гейер [39], П.П. Румянцев [40]. Все они по долгу своей службы находились во взаимодействии с представителями местного управления и выражали в своих трудах определенные собственные идеи.

Более подробный анализ системы местного управления в Семиреченской области приводится в отчетах К.К. Палена. В его трудах встречается количество казахских чиновников, работавших в Областном правлении области в начале XX века [41; с. 109]. Работы Г.К. Гинса [42] и В.Е. Недзвецкого [43] включили не только характеристику административной системы области, но и роль в ней лиц «туземной администрации».

Кроме того, изучение данной проблемы в разрезе всего Туркестанского генерал-губернаторства даст определенные новые горизонты исследования. В связи с этим интерес представляют труды В.П. Наливкина [44], Н.С. Лыкошина [45]. Так, основными историографическими трудами по проблеме казахского чиновничества в дореволюционном периоде являются исследования русских чиновников, которые прямо или косвенно отразили данный вопрос.

Советская историография. В советское время данная тема практически не исследовалась. Она была лишь фрагментарно описана в некоторых работах того периода. Одним из первых советских ученых, кто затронул данную проблему, был известный ученый-востоковед В.В. Бартольд. По мнению автора, они были в качестве «средостения» между российской властью и местным населением [46; сс. 359-360]. Аналогичные точки зрения встречаются и в работах Г.И. Сафарова [47] и С.Д. Муравейского [48]. П.Г. Галузо отмечает, что Российская империя, разрушив силу старой знати в регионе, вместо нее создала «аппарат туземной власти» [49; сс. 29-34]. Он утверждал, что «вся система

административного управления краем была крепостнической, военно-феодальной, грабительской» [50; сс. 68-69].

Кроме того, в 20-30 годах XX века в советской науке появились ряд научных работ, где авторами выступили советские казахские исследователи. Так, Турар Рыскулов [51] и С.Д. Асфендияров [52] резко критикуют деятельность казахских чиновников при царизме. Данные авторы называют их «пособниками» царского режима.

Написанные также в советское время работы Н.П. Ерошкина и [53] и П.А. Зайончковского [54] позволяют нам понимать общие закономерности и тенденции административного аппарата Российской империи в XIX веке.

Среди отечественных исследователей советского периода Е.Б. Бекмаханов называет местных должностных лиц «олицетворением феодально-колониальной власти» [55; с. 175]. Историк Б. Сулейменов в своих исследованиях систему местного самоуправления обозначил как продукт царских реформ [56]. Другой исследователь С.З. Зиманов же в своих исследованиях демонстрирует общественный строй казахского общества [57], особенности деятельности казахов в первой половине XIX века [58]. Ученый С.Н. Покровский обвинял волостных управителей и аульных старшин, которых он называл феодально-байской верхушкой, катализаторами распространения в обществе «подкупов, взяток и угощений» [59; сс. 17-18].

Историография проблемы в отечественной исторической науке. С обретением независимости в отечественной науке многие научные утверждения и события были пересмотрены. Исследования начались проводиться уже с позиции независимого государства. Среди них можно отметить работы К.А. Жиренчина [60], [61], Б.М. Абдрахмановой [62], [63], Ж.О. Артыкбаева [64], С.М. Машимбаева [65] и Ж.М. Джампеисовой [66]. Данные исследования позволяют понимать предпосылки, условия и обстоятельства образования казахского чиновничества в Казахской степи.

В отечественной исторической науке постановка проблемы формирования казахского чиновничества в XIX – начало XX веков была впервые обозначена казахстанским историком Султангалиевой Г.С. Она явилась руководителем научного проекта по фундаментальным исследованиям МОН РК «Казахское чиновничество в XIX-XX вв.: формирование, структура, персоналии». Под ее руководством были получены научные результаты, которые вылились в научные труды, содержащие уникальные архивные «документы и материалы, раскрывающие механизм кооптации казахов на службу» царской власти, их социальные происхождения и награды [67], а также особенности института волостных в Степи [68] и казахского дворянства [69]. Ею были даны критерии формирования и функционирования казахского чиновничества на территории Казахской степи [70], составлен образ казахских чиновников всей Казахской степи по их формулярным спискам [71], раскрыты особенности восприятия власти казахскими чиновниками и местным обществом, вскрывая социальную трансформацию кочевого общества [72].

Также имеется ряд отечественных ученых, которые рассматривают данную проблему с разных позиций. Например, если исследователь С.С. Сайфулмаликова дает описание процесса образования волостей в Семиреченской области [73], то другой отечественный историк М. Койгельдиев также рассматривал казахское чиновничество в контексте истории колонизации Семиречья Российской империей [74; 64-102 бб.].

В работе К. Исабаева автор приводит имена 286 лиц казахского происхождения из Семиречья, которые были награждены колониальной властью в разные годы за различные заслуги [75; сс. 85-95].

Диссертационные исследования З.Ш. Макажановой [76], [77], Г.К. Калиевой [78], А.М. Еспенбетовой [79] и Д.А. Рахимкулова [80] показывают разные особенности казахского чиновничества в целом в Казахской степи.

Айтмухамбетов А.А. в своей работе в разрезе всех регионов Казахстана в XIX – начале XX вв. подробно дает характеристику казахского студенчества, деятельность казахских служащих, в том числе из Семиреченской области, в профессиональном, общественном и политическом отношении [81]. Также в исследовании Н.А. Адельбаевой рассматривается деятельность русско-туземных школ в плане подготовки переводчиков и писарей для царской администрации из коренного населения Семиречья [82].

Отдельного внимания заслуживают научные труды отечественного историка Удербаяевой С.К., которая является автором целого ряда трудов по проблеме казахского чиновничества в Семиреченской области и Туркестанском крае. Ее исследования охватывают проблемы интеграции казахской элиты в новое административное устройство царской власти [83], деятельности казахского чиновника Ишмухамеда Суяк-оглы Аблайханова [84], особенностей социального происхождения и уровня образования казахских чиновников региона [85], особенно С. Сабатаева [86] и Г.Б. Валиханова [87], а также роль учебных заведений в подготовке подобных кадров местной структуры власти [88], [89]. Удербаяева С.К. имеет труды по особенностям волостного института в Семиреченской области, в частности, ею описаны роль социального положения [90], круг их полномочий [91], механизм их назначения [92], а также вопросы их материального обеспечения [93]. У нее имеются и работы по проблеме создания волостей в Семиреченской области [94], [95], [96] и казахского чиновничества Туркестанского генерал-губернаторства, где отражены разные аспекты данной проблемы [97], [98], [99], [100].

Также по проблеме казахского чиновничества интерес для нас представляют научные труды исследователя Т.Т. Далаевой. Ею изучены эволюция социокультурной идентичности казахских чиновников [101], деятельность волостных управителей по легитимации местной власти [102] и механизмы награждения казахских чиновников со стороны царской власти [103], [104]. Другой исследователь Г.Б. Избасарова также исследует принцип функционирования и переход казахских султанов в новое имперское сословие [105], [106], [107].

З.Г. Сактаганова исследует фактор «злоупотребления и мздоимства чиновников низового звена» со стороны казахских чиновников во время восстания 1916 года [108]. Исследования А. Бисеновой и К. Медеуовой показывают, как «образованные» казахи начала XX века подверглись критике со стороны поэтов и других общественных деятелей из-за их чрезвычайно сильных стремлений занять определенные должности в управлении [109; сс. 219-220].

В последние годы в отечественной науке появился ряд научных работ молодых казахстанских историков, которые прямо или косвенно затрагивали тему казахского чиновничества в Семиреченской области. К ним относятся работы Ш.А. Ильясова [110], Тулешовой У.Ж. [111; с. 69], Ш.А. Бисембаевой [112] и А.А. Бимолдановой [113]. Они тоже заслуживают внимания, так как в них содержатся и сведения о казахском чиновничестве в регионе в контексте разных исследовательских проблем.

Зарубежная историография. Зарубежную историографию по данной теме можно разделить на три основные группы. Так, первая группа по зарубежной историографии проблемы содержит научные труды известных западных, в основном американских ученых. Например, научные работы американского историка Марка Раева отлично демонстрируют нам отношения царской власти к нерусским народам [114]. Он утверждает, что имперская политика России проводила мероприятия по административной ассимиляции своих подданных на окраинах [115; сс. 39-40]. Аналогичная точка зрения встречается и в работе другого американского ученого Фредерика Старра [116; сс. 8-9].

Американские ученые Уолтер Пинтнер и Дон Роуни [117], а также Ричард Роббинс [118] подробно анализировали все механизмы и эффекты системы местной администрации в позднеимперский период. Кроме того, работы немецкого ученого А. Каппелера и американского исследователя А. Рибера по истории Российской империи тоже представляют большой интерес. Если первый из них объясняет, как создавалась царская империя и описывает в ней роль разных народов с их системами власти [119], то второй – обозначил «имперскую бюрократию» как один из инструментов поддержания жизнедеятельности Российской империи [120].

Следующую вторую группу по зарубежной историографии, в свою очередь, можно также поделить на две подгруппы. Здесь первая подгруппа охватывает все исследования западных ученых XIX-XX веков. Так, по данному вопросу интересно взглянуть на работу немецкого ученого Франца Ксавье фон Шварца. Он указывает, что «Волостные или аульные старосты избирались самими киргизами (казахами – авт.), причем через каждые три года. Они же были подвластны русским начальникам округов...» [121; сс. 180-181]. Аналогичное описание встречается и в трудах немецкого ученого Георга Благовещенского [121; сс. 265-266].

Ко второй подгруппе зарубежной историографии относятся все исследования после распада Советского Союза. Так, интересно взглянуть на научные труды американского исследователя Вирджинии Мартин. Ее

исследования отлично показывают трансформацию казахской кочевой элиты Среднего жуза в новую административную систему Российской империи [122]. Кроме того, ученый в других своих исследованиях рассматривает вопросы, касающиеся ожиданий и мотивов казахских чиновников в коллаборации с колониальной властью [123], [124].

Среди зарубежных исследователей стоит также отметить и работы английского историка, профессора Оксфордского университета Александра Моррисона. Он в своих трудах отмечает зависимость царской власти от сотрудничества с местными чиновниками [125]. Кроме того, в его работе о восстании 1916 года автор указывает на разные позиции волостных управителей: если одни поддерживали революционное движение, другие – были на стороне царской власти [126].

Японский ученый Томохико Уяма рассматривает деятельность местных чиновников в контексте истории формирования казахской интеллигенции, алашордынцев в начале XX века, определенная часть которой были государственными служащими при царском режиме [127; сс. 85-86]. Также в своем научном труде Уяма Томохико отмечает характерные черты локальной администрации, такие как взяточничество местных чиновников, коррумпированность выборной системы и фракционность избирателей [128].

Вопросы казахских чиновников в качестве «посредников» империи рассматривали западные ученые И. Охайон [129] и Йан Кемпбелл [130]. В определенной степени аналогичное мнение встречается и в работе другого западного исследователя по истории Центральной Азии Паоло Сартори [131]. Американский ученый Грегори Афиногенов, отмечая роль казахских посредников, обращает внимание на присяги, клятвы на верность, данные представителями казахской элиты чиновникам царской власти. Он указывает на различия восприятия данных присяг казахскими лидерами и русскими чиновниками [132].

Также для нас большой интерес представляют работы зарубежных ученых, исследования которых касаются имперской истории Северного Кыргызстана. Данный регион в дореволюционном периоде был в составе Семиреченской области, составляя Пишпекский и Пржевальский уезды. Так, сведения о местных лицах, находившихся на службе царского правительства в Семиреченской области, имеются в работах Светланы Жаксон [133], [134] и Д. Дуйшембиевой [135]. Японский ученый Т. Акияма широко рассматривает взаимоотношение манапов с местной администрацией и проводит параллели с деятельностью казахских султанов Семиреченской области в условиях колониализма [136]. В 2021 году на английском языке вышла книга Тетсу Акияма о влиятельной киргизской личности XIX-XX вв. Шабдан батыре [137].

К третьей группе зарубежной историографии относятся научные работы исследователей из современной России и стран постсоветского пространства. Так, С.Н. Абашин утверждает, что сама идея формирования «туземной» администрации в Степи изначально не пользовалась абсолютной поддержкой. Представители царской власти по этому поводу высказывались по-разному,

особенно не было однозначной реакции на введение среди казахов выборного начала [138]. Также интересны работы О.Е. Сухих [139], Е.В. Безвиконной [140], Н.Г. Суворовой [141], М.Е. Шушковой [142], [143] Т.В. Котюковой [144].

Кроме того, проблема формирования чиновничества из местного населения региона фрагментарно были рассмотрены и в работах других российских ученых Д.В. Васильева [145], И.В. Волкова [146], Р.Ю. Почекаева [147] и Д.Г. Янченко [148].

В силу исторических и географических обстоятельств изучение Туркестанского региона учеными из Узбекистана и Киргизии вполне объяснимо. Так, в своем исследовании узбекские историки С.Б. Тиллебаев [149] и Алимджанов Бахтиер [150] исследует некоторые аспекты системы местного управления Туркестанского края. Среди киргизских исследователей можно отметить работы ученых Б.И. Борубашова [151], [152] и А. Маматовой [153].

Источниковедческий анализ проблемы. Источниковая база по проблеме казахского чиновничества в Семиреченской области является очень разнообразной. Учитывая разный характер исторических источников нами предложены следующие их группы.

1. Основной источниковой базой по данной теме, безусловно, являются архивные материалы. Здесь нами были рассмотрены материалы, хранящиеся в фондах Центрального государственного архива Республики Казахстан (далее – ЦГА РК), Национального архива Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз) и Российского государственного исторического архива Российской Федерации (далее – РГИА РФ).

Самой главной и объемной базой источниковедческих материалов по казахским чиновникам Семиреченской области являются архивные документы 44 фонда «Семиреченское областное правление» ЦГА РК. В них содержатся практически все официальные документы делопроизводства управления Семиреченской области. Также отмечаем ценность материалов фонда 64 ЦГА РК «Канцелярия степного генерал-губернатора», так как в 1882-1899 годы Семиреченская область в административном плане подчинялась Степному генерал-губернаторству. Соответственно в материалах данного фонда также имеется множество документов, содержащих сведения о казахских чиновниках области, их карьерных путях, деятельности, наградах и других вопросах.

Также по проблеме казахского чиновничества в Семиреченской области важно выделить материалы фонда 94 ЦГА РК «Верненская мужская гимназия министерства народного просвещения г. Верный Семиреченской области». В данном фонде имеется очень много сведений о числе казахских выпускников данной гимназии, их успеваемости и отношений с администрацией учебного заведения или области.

Большую ценность как источники представляют материалы, извлеченные из архивного фонда №1 «Канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства» Центрального государственного архива Республики Узбекистан. Документы разного характера, хранящиеся в данном фонде, помогают раскрыть

особенности взаимоотношения администрации Туркестанского края с местными казахскими чиновниками.

Из материалов Российского государственного исторического архива необходимо отметить фонды 391 «Переселенческое управление МЗ» и 1291 «Земский отдел МВД». В них содержатся материалы, которые раскрывают отношения царской власти к местным чиновникам в Казахской степи, в том числе и Семиреченской области.

2. Вторую группу источников по казахским чиновникам Семиреченской области составляет Полное собрание законов Российской империи. Данный сборник законодательных актов царского государства содержит в себе все нормативные документы, правовые акты и положения, касающиеся политико-административной жизни царской империи, включая и Семиреченской области.

3. Следующую группу источников составляют сведения статистического характера. К ним относятся материалы, опубликованные в 1893 и 1905 годах Изданием центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской империи. Первый из них охватывает официальные сведения по волостям и населенным пунктам Семиреченской области [154]. Вторым источником по этой категории считаются материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. Данный выпуск охватывает подробные статистические сведения по Семиреченской области. Среди подобных сведений можно встретить и отдельные данные по количеству представителей казахского населения, занятых в административных делах, числу полученных ими статусов дворян и других [3].

4. Четвертую группу источников составляют официальные справочные книги, обзоры, адрес-календари и списки граждан, которые были в рядах государственной службы. Они были изданы в городах Верный, Омск и Ташкент соответственно. Подобные справочные материалы охватывали информации по чиновникам региона, их должностям, времени службы в управленчестве.

Так, например, «Обзоры Семиреченской области» были изданы в Верном с 1882 по 1915 годы. В них печатались статистические, описательные материалы разного характера. Со временем, как объем, так и количество разделов стало увеличиваться [155; сс. 12-13]. Также в них постоянно отражался раздел о народном образовании, где указывались и количество казахских учеников в области, посещающих разные учебные заведения, которые в будущем стали уже чиновниками.

Соответственно, в адрес-календарях «должностных лиц правительственных и общественных установлений Степного генерал-губернаторства» 1891-1893 годов [156], [157], [158] и справочных книжках «о должностных лицах правительственных и общественных установлений Омского военного округа и Степного генерал-губернаторства» 1894-1898 годов [159], [160], [161], [162], [163] имеются и сведения по казахским чиновникам Семиреченской области. В них фрагментарно содержатся имена казахских чиновников, которые служили в данный период в структуре управления данного генерал-губернаторства.

Особый интерес представляют «Адрес-календари служащих в Семиреченской области». Известно, что данный сборник в этой области до 1896 года не издавался. В период с 1897 по 1905 годы он был издан лишь пять раз. В последующие годы «адрес-календари» не были изданы в связи с отсутствием средств у статистического комитета Семиреченской области [164; с. 342]. Так, его первый выпуск вышел в 1897 году [165]. Со следующего 1898 года данный справочник уже назывался как «Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области» [166]. В 1899 году она не была издана [164; с. 343]. Позже подобные книжки были изданы еще в 1900 [167], 1901 [168] и 1905 годах [169]. Подобные сведения встречаются и в «Списках лицам гражданского и других ведомств, служащим в Семиреченской области» [170].

Кроме того, подобные сведения встречаются и в «Списках лицам гражданского и духовного ведомств, служащим в Туркестанском крае», изданных уже в Ташкенте. В его выпусках за 1900 [171], 1901 [172] и 1902 [173] годы встречаются аналогичные сведения.

5. К пятой группе источников относятся отчеты графа Константина Константиновича Палена (1861-1923), который возглавил ревизию Туркестанского края Особым указом от 18 июня 1908 года. В результате проведенной данной ревизии в 1908-1909 гг. граф К.К. Пален опубликовал свои отчеты в виде книг. Итого в 1910 году было опубликовано 19 книг, в следующем году – 1 книга. Каждая книга включала в себя отдельные описания, данные по раздельному вопросу [174; с. 126].

В книгах-отчетах сенатора К.К. Палена имеются также сведения о характере казахского чиновничества в начале XX века. Особенно они хорошо отражены в его книгах «Сельское управление: Русское и туземное» [175], «Городское управление» [176], «Уездное управление» [177] и «Областное управление» [178].

6. К шестой группе источниковой базы относятся материалы местных официальных периодических изданий «Семиреченские областные ведомости», «Туркестанские ведомости» и «Слово». Встречающиеся в них информации о казахском чиновничестве в области отличаются своей разнообразностью и отражают определенные позиции. Кроме того, к данной группе источников можно отнести и материалы, опубликованные на страницах журнала «Айқап» и газеты «Қазақ» в начале XX века. В них, как известно, отразились многие проблемы жизни Казахской степи. Среди подобных проблем часто указывались произвол и коррупционность казахских чиновников, раздробление народа во время процесса избирания волостного управителя, а также другие проблемы общества, связанные с системой местного управления в Семиреченской области и Казахской степи в целом.

7. Седьмую группу источников по проблеме казахского чиновничества в Семиреченской области составляют опубликованные источники. Например, в сборнике документов «История Казахстана в русских источниках», составленном археографом Б.Т. Жанаевым, продемонстрированы «алфавитные,

именные, формулярные и послужные списки» лиц из казахской кочевой элиты, которые находились на службе царской России в XIX – начале XX веков [179].

Особо стоит выделить сборники документов и монографии в документах, составленных группой отечественных ученых под редакцией исследователя Г.С. Султангалиевой. Они являются, несомненно, уникальными опубликованными источниками, так как включают в себя архивные материалы, касающиеся структуры и механизма казахского чиновничества всей Казахской степи. Включенные в него архивные сведения отлично демонстрируют нам процесс кооптации казахских чиновников в единую имперскую административную систему [70]. В другом ее сборнике имеются архивные материалы о волостях и волостных управителях, впервые введенные в научный оборот и раскрывающие все особенности института волостных [71]. Также под редакцией Г.С. Султангалиевой имеется еще монография в документах про казахское дворянство в XIX – начале XX веков. В нее включены архивные материалы, которые демонстрируют «пути вхождения казахов в привилегированное сословие Российской империи» [72].

8. Следующую группу источников составляют материалы устного народного творчества. В казахской степи акыны-поэты всегда в своем творчестве отражали собственные реакции на определенные явления и решения. Поэтому их творчество, а именно, разные произведения, содержащие позиции авторов по отношению к определенным лицам или событиям, тоже могут быть ценными источниками информации.

В итоге по проблеме взаимодействия казахской кочевой элиты с царской властью в Семиреченской области ценные сведения содержатся в сочинениях, произведениях таких акынов как Суюнбай Аронулы, Бактыбай Жолбарысулы, Жамбыл Жабаев, Гали Орманов, Ильяс Жансугуров и других. Данные литераторы были выходцами из Семиреченской области, и, следовательно, в их творчестве можно найти отдельные моменты по тому или иному вопросу казахского чиновничества в регионе.

9. Следующую группу составляют произведения представителей казахской интеллигенции в начале XX века. В трудах А. Бокейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова, С. Торайгырова, М. Жумабаева и других представителей-алашордынцев нередко встречаются их взгляды по отношению к системе местного самоуправления в Казахской степи. Подобные произведения являются очень ценными источниками, так как позволяют нам глубже понять проблему казахского чиновничества в Казахской степи в начале XX века.

10. К последней группе источниковой базы относятся материалы полевой работы. Подобные источники также обладают своеобразными ценными сведениями и могут послужить источниками по тем или иным историческим событиям.

В ходе выполнения данной исследовательской работы автором были проведены полевые работы по сбору материалов устной истории на территории современной области Жетысу. В результате были найдены уникальные рукописи, которые содержат сведения о Танеке батыре и его потомках. Как

известно, сам Танеке Дусетов и его сыновья Есимбек и Кожабек находились на государственной службе в составе имперской системы управления [180; л. 11]. Данная рукопись в настоящее время хранится у правнука Танеке батыра – Жаната Есимбекова. Содержание рукописи содержит генеологическую, хронологическую цепь сведений о Танеке батыре и его сыновьях, которые, будучи казахами, служили царской России.

Цель и задачи диссертационной работы. Целью диссертации является изучение особенностей формирования и структуры действия корпуса казахских чиновников на территории Семиреченской области во II половине XIX – начале XX веков. И для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- обозначить теоретико-методологические аспекты исследуемой проблемы;
- систематизировать методологические подходы в изучении терминов «чиновник», «бюрократ» и «служащий»;
- раскрыть особенности изученности данной проблемы в мировой и отечественной гуманитарной науке;
- определить типы исторических источников, дать характеристику;
- показать механизмы включения казахов Семиреченской области на службу в систему местного управления;
- выделить группы должностей в системе местного управления для казахского населения и условия службы;
- оценить роль светских учебных заведений в подготовке казахских чиновников в местные управленческие звенья;
- системным методом определить внутренние и внешние мотивы вхождения казахов Семиреченской области в состав российского чиновничества;
- дать историческую оценку деятельности младших помощников уездных начальников;
- раскрыть социо-культурный портрет казахских переводчиков области в контексте теорий постколониализма;
- обозначить особенности волостной системы в Семиреченской области на примере волостей Копальского уезда;
- показать роль народных судей области в системе местного управления.

Методология и методы исследования. Данная диссертационная работа выполнена с использованием системного, проблемно-хронологического методов исследования, что позволило отследить те фундаментальные изменения, которые происходили на территории Семиреченской области во II половине XIX – начале XX веков. Также сохранение принципов объективности и историзма максимально ориентированы на объективный анализ и оценку фактов, относящихся к исследуемой теме.

Более того, в исследовании были использованы принципы сетевого анализа. Сетевой анализ позволил анализировать объект с междисциплинарной точки зрения и лучше понять сущность процессов, оценивая их в том числе и количественно. Кроме того, сетевой анализ был применен для исследования

взаимодействия как отдельных индивидов/политических акторов, так и институтов, вовлеченных в систему имперских отношений, что позволяет анализировать их элементы (вовлеченность, адаптацию, реакцию местного населения к представителям «туземной» администрации). Применение данной методологии предоставило нам возможность выяснить, как приспособлялись и встраивались представители местного населения к новым переменам, как меняли свое мнение, поведение и ментальность, какие элитарные качества сохранили и какие пришлось поменять в новом статусе казахским чиновникам.

Также в исследовании было важно использование метода историко-сравнительного анализа. Данный подход помог определить новые черты в деятельности казахских чиновников в регионе. Сравнение их уровней образования, социальных происхождений, личных мотивов поступления на государственную службу, послужных списков и наград дало возможность увидеть их социо-культурный портрет в казахском обществе региона. Сравнение и сопоставление между собой как официальных, так и неофициальных источников предоставило новые возможности рассмотреть проблему с разных ракурсов.

Кроме того, немаловажную роль в исследовании занимает «Новая социальная история», которая основана на принципах междисциплинарности. Согласно данному научному подходу очень важно изучение социальной мобильности, которая рассматривается как важнейший фактор для определения социальных границ внутри общества. Поэтому использование «новой социальной истории» помогло выявить новые социальные трансформации в казахском обществе Семиреченской области. Также с помощью данного метода исследования были обозначены образы казахских чиновников как в литературе, так и в исторических исследованиях.

Объектом исследования является история Семиреченской области, которая с 1867 по 1917 годы как административная единица была в составе управленческой системы Российской империи.

Предметом исследования являются казахские чиновники разного ранга, которые были на государственной службе колониального управленческого аппарата Российской империи.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- Определена последовательность смены доминирующих течений и приоритетов в теоретико-методологическом пространстве исторического и социального знания на рубеже XIX и XXI вв.;

- Компаративистским подходом раскрыты параметры значений терминов «чиновничество», «служащий», «бюрократия» в контексте исторического измерения социальной действительности казахского общества

- Объяснительная модель вопроса о создании должностей для представителей казахского населения раскрыта в контексте создания имперских административных структур и их функционирования.

- Использован плодотворный методологический подход социальной психологии при исследовании вопроса о внутренних и внешних мотивах казахов, инкорпорированных на должности в систему местного управления.

- Рассмотрена роль колониальных учебных заведений региона через призму «социальной инженерии» имперской власти;

- Впервые обозначены особенности деятельности младших помощников уездных начальников области из числа казахского населения;

- Введены в научный оборот имена казахских переводчиков, волостных управителей, народных судей и создан их социо-культурный портрет.

Хронологические рамки диссертации составляют период с момента образования Семиреченской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 году до прекращения существования Российской империи в 1917 году.

Географические рамки исследования составляют казахские волости, расположившиеся во II половине XIX – начале XX веков на территории Верненского, Джаркентского, Лепсинского и Копальского уездов Семиреченской области, которые находились на территории нынешней Алматинской области и области Жетысу Республики Казахстан.

Научные положения, выносимые на защиту:

1. Сравнительный анализ содержания терминов «чиновник», «бюрократ» и «служащий» в отечественной и зарубежной историографии позволил определить принципиальные критерии различий между этими понятиями.

2. Анализ терминов «посредники», «коллабораторы» или же «информанты» в зарубежной историографии XIX-XX веков раскрывают разные подходы изучения посреднической роли казахов, находившихся на службе в системе местного управления

3. Методом системного анализа исторические источники по проблеме казахского чиновничества в Семиреченской области во II половине XIX – начале XX веков были классифицированы на 10 групп. Все они в разной степени являются уникальными и содержат в себе определенные ценные информации. Рассмотрение всех подобных источников, а также их сравнение, сопоставление между собой даст возможность смотреть на проблему максимально разносторонне.

4. Раскрыты особенности формирования системы должностей для представителей казахского населения в административной структуре управления Семиреченской области. Позиции на низовом звене системы управления, а именно волостного управителя, аульного старшины и народного судьи были гарантированы представителям местного населения на законодательном уровне. Однако в действительности казахи в области могли занять также должности помощников уездного начальника, уездных фельдшеров, а также переводчиков во всех уровнях управления.

5. С распространением светского образования в Семиреченской области в конце XIX – начале XX веков произошли существенные изменения.

Изменился образовательный уровень казахского чиновничества в Семиреченской области (в основном выпускники учительской семинарии, гимназий, уездных русско-туземных школ), преобразились представления казахов о службе в системе местного управления, также и их контент и требования к занятию должностей.

6. Круг мотивов вступления казахов на государственную службу в Семиреченской области намного шире, чем обычно они представляются в исторических исследованиях. Эти причины охватывают как личные интересы чиновника, так и интересы всего народа. Естественно, разные причины формировались в контексте разных обстоятельств и возможностей. Однако, все они указывают на адаптацию казахов к новой системе управления в Семиреченской области.

7. Позиция младшего помощника уездного начальника использовалась в качестве плавного перехода от использования услуг местной элиты к замене их русскими чиновниками. К концу 70-х годов XIX в. имперская власть отказалась от услуг младших помощников уездных начальников. Однако должность младших чиновников по особым поручениям военного губернатора сохранилась до 1917 г.

8. На базе различных источников составлен список казахских переводчиков области, которые были незаменимой частью системы власти царского режима в конце XIX – начале XX вв. Определен их социо-культурный портрет и роль во взаимодействии власти с местным населением.

9. Методом статистического анализа мною были выявлены данные по созданию казахских 142 волостей на территории 6 уездов Семиреченской области. Определены социальные характеристики волостных управителей, назначенных на должность с 1867 по 1918. Определен их вклад в развитие образования казахского населения, социально-экономического развития волостей и т.д.

10. Народные судьи имперского судопроизводства играли немаловажную роль в системе местного управления. Нередко было случаи, когда бии при первой возможности стали волостными управителями или помогали последним держаться у власти максимально побольше сроков. Ведь народные судьи были в тесном взаимодействии с волостными управителями.

Научная и практическая значимость диссертационной работы. Настоящая исследовательская тема имеет высокую степень значимости. Она способствует модернизации общественного сознания казахстанского общества и развитию отечественной исторической науки. Полученные в ходе исследований результаты позволят использовать исторический опыт для развития административной системы и совершенствования политической, экономической, образовательной элит не только в современном Казахстане, но и во всем регионе Центральной Азии. Также результаты исследования могут войти в учебники по новой истории Казахстана

Аппробация исследовательской работы. Диссертация выполнена на базе кафедры всемирной истории, историографии и источниковедения

Исторического факультета КазНУ им. аль-Фараби. Основные результаты и заключения исследования были опубликованы в материалах конференции (2), журналах, рекомендованных Комитетом по обеспечению качества в сфере науки и высшего образования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (9), а также входящих в базу данных Web of Science (1). Всего – 12 статей. Отдельные разделы исследования были продемонстрированы в виде докладов в работах известных международных научных конференций Европейского общества исследования Центральной Азии (ESCAS) в 2019 году в Великобритании и Общества изучения Центральной Евразии (CESS) в 2022 году в Республике Узбекистан.

Структура диссертации. Данная диссертационная работа состоит из введения, трех глав, каждая из которых состоит как минимум из трех подпунктов, заключения, списка использованной литературы и приложений.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРОБЛЕМЫ

1.1 Методологические подходы в изучении терминов «чиновник», «бюрократ» и «служащий»

В современной мировой социо-гуманитарной науке нередко можно увидеть использование терминов «чиновник», «служащий» и «бюрократ» как синонимы. Они часто выступают как взаимозаменяющие слова. Однако, при применении данных категорий, не всегда учитываются их различия или границы между ними. Ведь данные термины хоть и близки по смыслу, однако, в действительности имеют разные коннотации и свои особенности. Следовательно было бы разумно продемонстрировать различия между ними, при этом, показывая примеры их использования.

С другой стороны, обозначение четких границ таких понятий как «чиновник», «бюрократ» и «служащий» поможет правильно построить постановку проблемы в дальнейшем. В связи с этим обратимся к определениям данных терминов, которые переплетаются друг с другом. Сравнение и сопоставление данных дефиниций позволит нам определить границы между ними и обозначить их смысловые установки.

В первую очередь обратим внимание на значение термина «чиновник» и его изучение в мировой гуманитарной науке. Здесь попытаемся проанализировать его определения, данные в различных толковых словарях. Так, прежде всего, обратимся к определению слова «чиновник» в энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, которая была издана еще в дореволюционный период. В ней имеются описания различий военных и гражданских чиновников. Если военные чиновники носят обязательные военные униформы, проходят обязательную воинскую службу и имеют определенные воинские звания [181; с. 845], то гражданские чиновники же составляют особый класс служащих, которые имеют образования и служат в гражданских ведомствах [182; сс. 436-438]. То есть, последние отличаются своими более интеллектуальными знаниями и способностями.

В словаре С.И. Ожегова (1984 года издания) данный термин означает государственного служащего, имеющего чин, служебное звание и того, «кто ведет свою работу с холодным равнодушием, без интереса, бюрократически» [183; с. 768].

В Большом энциклопедическом словаре 1998 года издания слово «чиновник» обозначено как государственный служащий, имевший определенный классный чин по «Табели о рангах» Петра I. Однако в широком смысле чиновниками также называли и тех государственных служащих, которые не имели чинов. К ним можно отнести канцеляристов или копиистов [184; с. 1353].

В словаре Д.Н. Ушакова (2014 года издания) данное слово описывается тремя значениями: 1) Государственный служащий (дореволюционное, заграничное); 2) Человек, относящийся к своей работе с казенным

равнодушием, без деятельного интереса, бюрократ (укор.); 3) Архиерейский служебник, книга, по которой служит архиерей (церк.) [185; с. 757].

Рассмотрев данные факты, нетрудно заметить, что вышеназванные словари указывают нам на два момента. Первое, энциклопедии, изданные в советское время слово «чиновник» понимают и как бюрократ. И второе, все они выделяют тот факт, что чиновник, это лицо, которое имело определенный чин и служило Российской империи.

Кроме того, помимо определений в толковых словарях термин «чиновник» имеет обозначения и со стороны исследователей, обративших внимание на данный вопрос. Особенно здесь выделяются дореволюционные авторы, которые были непосредственными свидетелями политико-административных изменений, проводимых царским правительством. Они в своих исследованиях стараются дать определения термину и указать его конкретные критерии, а также примеры использования.

В XVIII-XIX веках слово «чиновник» рассматривалось в разрезе государственной службы и чиновничества в Российской империи. Отдельно тема чиновничества обратила на себя внимание на фоне административных реформ в Российской империи в середине XIX века. Так, одним из первых, кто обратил внимание на определение чиновника, был русский правовед, заслуженный профессор и декан юридического факультета Казанского университета Николай Константинович Нелидов (1832-1888). В своей исследовательской работе «Юридические и политические основания государственной службы» он проанализировал разные мнения относительно слова «чиновник», особенно попытался объяснить различия между чиновником и государственным служащим. Сам же он определяет чиновника тем лицом, на которого возложено исправление определенной должности органом государственного начала. А само слово «чиновник», по его мнению, усвоено только законодательством Российской империи и русским языком еще со времен Петра I и его известной «Табели о рангах». Широкое использование данного термина в русском языке он связывает с частыми применениями его в связи «с рангами, классами и чинами, в которых состоит должность» [186; сс. 136-137]. Н.К. Нелидов также призывал относить «лиц, посвятивших себя частным профессиям», такие как преподаватели, врачи и адвокаты «должны быть причисляемы к классу чиновников» [186; с. 75].

Русский государственный деятель Владимир Алексеевич Евреинов в своей работе «Гражданское чинопроизводство в России» назвал чиновников «сословием людей без прошедшего и будущего, имеющее свое особое направление» [187; с. 51]. Другой русский писатель, историк, журналист Евгений Петрович Карнович (1823-1885), определяя слово «чиновник», пытался вернуть его исконное значение. Ведь он считал, что в древнее время «чиновником» называли книгу по церковной службе, где корень этих слов «чин» обозначал «дело», «порядок». Поэтому, по мнению автора, «чиновник» – это деятель и упорядчик. Также Е.П. Карнович обращает внимание на то, что слово «чиновник» используется по отношению к лицам, занимающим

невысокие позиции в структуре власти, тогда как тех, кто занимает высокие должности в управлении, называют «сановниками». В связи с этим он выражает свое несогласие с данными обозначениями, так как, по мнению автора, чиновниками должны называть «каждого представителя правительственной власти, несмотря на различие занимаемой им иерархической степени» [188; сс. 4-7].

Русский ученый И. Ольшевский в своем трактате «Бюрократия» обозначил два типа чиновников: «чиновник-бюрократ» и противоположный ему тип «чиновник-гражданин». Если первый из них описывался как должностное лицо с высокомерием, в рутинных делопроизводствах и формализма, то второй олицетворял собой «ангела» в административных делах [189]. Также Б. Бразоленко называет чиновников лицами «отчужденными от жизни», которые живут в условиях «сухого формализма» [190].

А вот ученые В. Мачинский и Н.А. Рубакин рассматривали термин «чиновник» как синоним слов «администратор» и «бюрократ», которые обозначали агентов общественной власти [191], [192]. Исследователь М. Батырев чиновниками называл меркантильных людей, которые стремились к материальным ценностям и рычагам управления и влияния [193].

Как мы видим, дореволюционные авторы в основном негативно отзывались о чиновниках. Кроме того, известные представители русской литературы, такие как Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.А. Гончаров [194; сс. 117-118] высмеивали образ чиновников через свои творчества. Таким образом, их статус приобрел еще более отрицательные оценки как со стороны ученых, так и поэтов-писателей дореволюционного периода.

А в советское время понятие «чиновник» было официально заменено «государственным служащим», а сам термин «чиновничество» не использовался в научной литературе. По этим и другим причинам проблемы системы управления и власти, чиновничества долгое время не исследовались. Исключениями были лишь работы, написанные в первые годы советского периода М.С. Александровым, Д.А. Магеровским и И.М. Троцким, которые рассмотрели чиновников в системе управления и чиновничества в Российской империи [194; с. 118].

Следующей значимой работой по чиновникам был труд советского историка П.А. Зайончковского. По его мнению, именно высшее и среднее звено государственного аппарата составляют чиновничество [54; с. 3]. Также он добавляет, что сами чиновники – это те лица, которые «имеют классный чин и состоят на службе в государственных учреждениях, а также канцелярские служащие, занимающие аналогичное положение в правительственном аппарате и впоследствии получающие классный чин» [54; с. 4].

В зарубежной историографии 50-90-х годов XX вв. также предприняты попытки изучения термина «чиновник». Так, известный американский ученый Марк Раев в своей книге «The Russian Autocracy and Its Officials» описывал чиновников Российской империи как людей с «низким уровнем образованности и открытыми к коррупции» [195; с. 15]. Он считал, что чиновники были

деморализованные и относились к рядам тех служащих, которые не желали «улучшать свои интеллектуальные горизонты».

Другой известный ученый Уолтер Пинтнер в своей работе «The evolution of Russian officialdom» дает полное описание чиновничества в Российской империи. Относительно чиновников У. Пинтнер отмечает, что они имели определенные должностные ранги и были «подобны бюрократам из Западной Европы» [196; сс. 90-96].

Западные ученые Р. Пайпс [197] и Т. Хара [198] попытались дать определение чиновнику в своих трудах. Они считали, что все чиновники это и есть «бюрократы» Российской империи. Также в их трудах основное внимание уделялось не на классовые критерии чиновников, а их профессиональные и личностные качества.

На третьем этапе истории изучения термина «чиновник» важно отметить, что с распадом СССР открылись новые возможности исследования. Произошел распад Советского союза, были открыты научные границы, начался период отхода от марксистско-ленинской идеологии. В научном обороте появились новые подходы по фундаментальным вопросам. Многие проблемные вопросы стали объектами переосмысления с учетом новых научных теорий и парадигм. Следовательно, и термин «чиновник» стал рассматриваться уже по-новому.

В настоящее время многие ученые стараются дать всестороннее объяснение термину «чиновник». Ученый А.А. Ипатова в своей работе «Зачем современной России чиновник?» рассматривает историю использования термина «чиновник». Особенно автор обращает внимание на негативные оттенки данного слова. Приводя разные примеры из литературы, публицистики и осуществляя интервью среди респондентов, отмечает особенности восприятия гражданами слова «чиновник». В результате автор, указывая на историческую преемственность в установлении негативных отношений к данному термину, отмечает роль образа дореволюционного чиновника Российской империи в целом [194]. А исследователь Лазукова Е.А. анализирует такие понятия как «госслужащий», «чиновник» и «бюрократия» и приходит к мнению, что данные категории могут быть синонимами друг другу, но они не идентичны полностью и могут отличаться в зависимости от случая их применения [199]. В статье Заграничнова Е.С. обращается особое внимание на коннотативную семантику слова «чиновник» и приводятся разные примеры [200].

Таким образом, термин «чиновник» означает государственного служащего еще со времени Российской империи. Однако, как мы видим сейчас, несмотря на то, что уже больше века назад был упразднен «Табель о рангах» и соответственно слово «чиновник» было заменено другими категориями, это слово «чиновник» до сих пор активно используется в современном обществе. Особенно такая тенденция свойственна постсоветским странам ввиду определенным общим периодам их истории.

Кроме того, отрицательная репутация «чиновника» имеет свои глубокие корни, так как еще с дореволюционного периода в мировой истории при

определении чиновника преобладали негативные окраски. И такие оценки последовали как со стороны русских или советских авторов, так и зарубежных, западных ученых.

Далее обратимся к определениям слова «бюрократ», часто используемого термина вместе с «чиновником». Данное понятие также было рассмотрено учеными. Их утверждения относительно бюрократа или в целом бюрократии очень многообразны. Некоторые их формулировки бюрократии иногда даже противоречат друг другу.

Сначала рассмотрим высказывания и позиции западных мыслителей, которые затрагивали тему бюрократии в своих исследованиях. Так, мы видим, что одним из первых, кто разносторонне изучал данный вопрос, был социолог М. Вебер. Сам он лично поддерживал идею бюрократии, считая ее «идеальной рациональной организацией» власти. При этом он имеет в виду именно «рациональную бюрократию». Также позицию М. Вебера поддержали другие ученые Г. Гегель и В. Вильсон. Они выступили сторонниками его идей и даже усовершенствовали его некоторые утверждения. Также немало было и западных ученых, кто критиковал бюрократию. К ним можно отнести Р. Мертон, Ф. Селзник, М. Крозье, П. Бурдые и других [201; с. 53-54].

Кроме того, тема бюрократии активно была рассмотрена в трудах русских ученых на рубеже XIX-XX веков. Их взгляды как свидетелей своего времени, несомненно, являются ценными для понимания термина «бюрократия». Прежде всего сразу бросается в глаза, как дореволюционные исследователи, описывая бюрократию, обозначали ее как отдельный класс в обществе. Так, например, известный дореволюционный правовед А.Д. Градовский отмечал, что бюрократия является «особым организмом должностей, даже особым классом лиц, резко выделенный из остального общества и связанный исключительно с центральной властью» [201; с. 457]. Данную точку зрения дополняет исследователь В. Ивановский. Более того, он даже определяет критерии, по которому он относит бюрократию к отдельному классу в обществе. По его мнению, такие особенности бюрократии как тесная связь с властью, четкие внутренние иерархии, единообразные интерпретации административных норм, а также быстрый рост состава управления определяют сущность данной проблемы [202; с. 7-15].

Однако, в начале XX века другие дореволюционные ученые-социологи, обратившие на проблему бюрократии, выражали свои несогласия с утверждениями вышеназванных исследователей. Так, по мнению М. Александрова и В. Мачинского, бюрократия, несмотря на проявленные в ней явные признаки отдельного класса, все же не относилась к нему. А главной ее деятельностью было лишь «обслуживание экономически и политически господствующих общественных классов» [203; с. 89].

Другой советский историк А.Н. Медушевский также уделил свое внимание проблеме чиновничества и бюрократии. Тем более в основе его анализа подобных вопросов лежал вопрос о характере и особенностях чиновничества и бюрократии в Российской империи. В своей работе он четко указывает, что

бюрократия является результатом длительной исторической эволюции. Также, по его мнению, бюрократия зависит от особенностей конкретного общественного строя и тем самым воспринимается «неодинаково в политических системах разного типа» [204; с. 3].

Как мы можем заметить из вышесказанного, термин «бюрократия» имеет как положительные, так и отрицательные характеристики. Также становится очевидным, что она относится к более привилегированному звену чиновничества. Таким образом, можем утверждать, что бюрократия является некой социальной группой внутри системы чиновничества, у которой свои внутренние четкие иерархии и особенности.

Теперь обратимся к обозначению значения термина «служащий», который также часто используется наравне со словами «чиновник» и «бюрократ». Для этого рассмотрим его определения, данные в известных толковых словарях.

Так, согласно словарю Брокгауза и Ефрона термин «служащий» относится к лицу, который имеет определенный круг прав и обязанностей», но при этом в плане иерархии стоит ниже чиновника [184; сс. 439-442].

А вот по толковому словарю Ефремовой Т.Ф. слово «служащий» означает «должностное лицо, работающее по найму в различных сферах умственного труда, управления, обслуживания, торговли и т.п.» [205; с. 692]. В словаре Д.Н. Ушакова имеется похожее определение, согласно которому служащий это «лицо, работающее по найму в области умственного труда, а также, в отличие от рабочего, лицо, выполняющее по найму работу в области непроизводственного физического труда» [185; сс. 631-632]. Аналогичное определение дается и в толковом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [183; с. 517].

Кроме того, термин «служащий» был хорошо рассмотрен в научном труде исследователя Е.А. Лазуковой. Ею были проанализированы критерии обозначения термина «служащий» на примере истории или административной системы ряда стран Европы и США. Как заметила автор, в Англии государственными служащими могут быть работники тюрем, налоговых служб, промышленных заведений. В Германии служащими могут быть преподаватели и учителя, тогда как в США в их ряды относят даже работников почтовой службы. В Китае и Японии государственными служащими являются административные работники с разными уровнями их позиции. В результате автор отмечает, что слово «служащий» по значению варьируется в разных странах мира по значимости, где, если в одной системе чиновники считаются также служащими, а в других – уже нет [199; сс. 56-57].

Следовательно, сначала по толковым словарям становится понятным, что служащими называли тех лиц, кто были на службе государства в целом. При этом ни в одном из толковых словарей не отмечено наличие у них чинов или других привилегий. Наоборот, везде были обозначены сферы их деятельности: учителя, врачи, ветеринары и т.д. Согласно их описаниям, служащие выполняли свои деятельности в разных сферах общества. Они могли быть задействованы как в управлении, так и в медицине, образовании, строительстве или т.п.

Таким образом, разбирая разные определения и сравнивая между собой термины «чиновник», «бюрократ» и «служащий», мы приходим к мысли, что данные слова имеют очень близкие по значению смыслы. В некоторых случаях они могут друг друга заменить или дополнить. Однако, это не говорит о том, что они являются одинаковыми категориями. Ведь, несмотря на их общие признаки и сходства, они все же отличаются друг от друга.

Рассматривая данную проблему в контексте казахского чиновничества, которая была на государственной службе у администрации Российской империи, обращаем также внимание на утверждения отдельных отечественных исследователей, которые обозначают казахских служащих и чиновников в структуре власти царского режима.

Казахстанский историк Айтмухамбетов А.А. в своей работе слова «служащий» и «чиновник» использует практически в одном значении. Разница лишь в том, что все чиновники, вне зависимости от их уровня и ранга в структуре управления, они все являются служащими. Соответственно всех казахских чиновников он обозначает как служащими [81].

Другой отечественный исследователь Султангалиева Г.С. уже конкретно показывает критерии чиновников Российской империи, в том числе и казахских, которые были частью имперского административного аппарата. По ее исследованиям, казахские чиновники получили все атрибуты чиновника, к которым относятся «казенное жалованье, офицерский и даже генеральские чины, право ношения мундира и знаков отличия, ордена, медали, награды» [67; сс. 3-5]. Также ею были перечислены должности, на позиции которых казахи могли служить в составе имперской системы управления. Из этого списка должностей во второй половине XIX – начале XX веков в Семиреченской области казахи могли занять должности волостных управителей, младшего чиновника особых поручений областного управления, младшего помощника уездных начальников, переводчиков, письмоводителей областных и уездных управлений [67; с. 4].

Также надо заметить, что оба вышеназванные отечественные исследователи отмечают, что казахи имели как гражданские, так и военные чины от колониальной власти.

В связи с этим мы можем обозначить отличия терминов «чиновник», «бюрократ» и «служащий» следующим образом.

Служащий – это лицо, который задействован больше в управлении регионом и составляющий низшее звено в административном устройстве государства. Он может выполнять разные деятельности умственного или интеллектуального характера, значимость которых можно описать низким уровнем важности. Также стоит добавить, что служащий не имел определенных чинов и других правительственных привилегий.

Что касается чиновника, – это лицо, занимающее определенную должность в управлении, который составляет среднее и высшее звено административной системы. Чиновники удостоились определенных чинов согласно «Табелю о рангах», а также имели свои специфические круги обязанностей и полномочий.

А бюрократа можно описать членом определенной социальной группы, состоящей из числа чиновников, который пользовался отдельными привилегиями в управлении.

1.2 Историографические подходы к изучению казахского чиновничества в Семиреченской области во II половине XIX – начале XX веков

Для комплексного понимания историографии казахского чиновничества в Семиреченской области во II половине XIX – начале XX веков, а также для системного и хронологически логичного представления проблемы, степень изученности исследуемой темы разделяется на две большие группы. К первой группе относятся работы более обобщенного характера и рассматривающие проблему казахского чиновничества в обозначенной области в контексте чиновничества всей империи или ее отдельных окраин. Ко второй же группе относятся те исследования, которые непосредственно касаются проблемы настоящей научной работы.

К первой группе относятся научные труды, которые помогают воссоздать общую картину проблемы. Особенно важно рассмотреть исследования, объектом которых были административное устройство Российской империи, институт чиновничества в окраинах империи, особенности бюрократии и система награждения государственных чиновников. Они способствуют рассмотрению исследуемой проблемы максимально разносторонне.

Здесь очень важно отметить труды, которые изучают вопросы централизации или децентрализации власти в Российской империи, ее институтов генерал-губернаторств, уездных и волостных управлений. К таким исследованиям относим работы Л.М. Лысенко [5], К. Мацузато [6], Ю.П. Злобина [7], [8], И.Л. Дамешека [9], В.В. Марюткина [10]. В них хорошо отражены общие особенности царского чиновничества. Вопросы о механизме чиновничества, его разные аспекты и проявления продемонстрированы в трудах Л.Е. Шепелева [11], С.И. Дегтярева [12], А.А. Оспановой [13], А.Д. Макей [14], И.А. Минеевой [15], В.А. Иванова [16] и других.

Также исследования по особенностям чиновничества Российской империи в окраинных ее территориях позволяют смотреть на проблему целостно. В то же время в них до некоторой степени прослеживаются определенные параллели с нашей исследуемой темой. Следовательно, здесь особо отмечаем работы А.В. Ремнева [17], [18], Н.П. Матхановой [19], В.Н. Казарина [20], которые показывают механизмы и другие особенности деятельности царского чиновничества на территории Сибири. Труды С.Х. Еникеева [21], И.Р. Габдуллина [22] и Р.В. Кадырова [23] посвящены исследованию процесса включения татарской элиты в состав российского дворянства. Проблемы становления и формирования российского чиновничества на территории Кавказа также отражены в исследованиях Н.С. Киняпиной [24], Ж.А. Калмыкова [25], Г.Н. Малаховой [26], А.И. Хасбулатова [27] и В.О.

Бобровникова [28]. Несомненно, все вышеназванные работы способствуют рассмотрению проблемы более шире и дают сведения обобщающего характера.

Ко второй группе по историографии казахского чиновничества в Семиреченской области входят труды и исследования, которые прямо или косвенно отражают моменты по исследуемой теме. Они представлены в хронологическом порядке и соответственно подразделяются на работы периодов дореволюционного, советского и независимости.

Историография дореволюционного периода. При изучении историографии казахского чиновничества в Семиреченской области, очевидно, мы обратимся к трудам дореволюционного периода, которые содержат те или иные сведения по исследуемой теме. И здесь мы должны учесть, что практически все эти труды являются исследованиями или заметками известных путешественников, этнографов и других ученых-ориенталистов, которые были также частью колониальной власти. Все они были в определенной степени неотъемлемой частью чиновнического аппарата Российской империи, которые по долгу своей службы находились в Казахской степи во второй половине XIX – начале XX вв. Они помимо своей основной службы в составе управленческой власти параллельно проводили разные исследования.

Кроме того, в работах, написанных русскими чиновниками, имеются различные сведения об административном устройстве, численности управленческого аппарата и деятельности правительственных органов в Семиреченской области. Также в контексте подобных сведений можно встретить и данные по казахскому чиновничеству в области.

Так, одним из первых, кто обратил внимание на данный вопрос, был Туркестанский генерал-губернатор Константин Петрович фон Кауфман (1867-1882 гг.). Здесь он, несомненно, как начальник края, по долгу своей службы генерал-адъютантом находился у истоков истории генерал-губернаторства, и его отчеты, циркуляры и другие документы имеют огромную ценность и значимость в определении и оценивании исторических событий того периода. К.П. фон Кауфман непосредственно участвовал в организации управления областью и привлечении казахов в административные дела имперской власти. Поэтому его мнения и доводы хорошо отражены в его отчетах «по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства». Данный проект отчета был издан в 1885 году титулярным советником П. Хомутовым и охватывает отчеты К.П. Кауфмана в период с 7 ноября 1867 года по 23 марта 1881 года.

Описывая принципы административного управления и привлечения в него казахского населения, К.П. Кауфман отмечал, что начало организации «туземного», народного управления проводилась одновременно с открытием Сырдарьинского и Семиреченского областных правлений от 4 декабря 1867 года и 19 февраля 1868 года соответственно. Он утверждал, что «...низшее управление, собственно туземное, долженствовавшее действовать по местным обычаям и законам и лишь под общим наблюдением русской власти, основывалась на выборном начале» [29; с. 35].

Однако, после своего введения, такое выборное начало немало подвергалось критике со стороны ученых-ориенталистов. Одним из первых таковых был исследователь В.А. Остафьев, который старался показать реальный характер подобного нововведения Российской империи. Он описывает, как выборы местных чиновников сопровождались произволом и коррупцией, партийностью и раздором среди населения. Автор считал, что «подкуп, подставка при киргизских (казахских – М.Е.) выборах вещь самая обыкновенная». Также В.А. Остафьев акцентирует внимание на том, что в действительности механизмы выборных начал не всегда были реализованы. Ведь по мнению исследователя, из-за произвола и коррумпированности местной администрации, должностные лица из числа казахского народа не избирались, а лишь назначались «русской администрацией или родоправителями» [30; сс. 51-52].

Другим российским чиновником, обратившим внимание на данную проблему, был Александр Константинович Гейнс, член Степной комиссии в 1865 году. В составе Степной комиссии он изучал, анализировал, разрабатывал проекты и вносил изменения в Положения по управлению Туркестанским регионом. Более того, он позже был главным редактором временного Положения, тем самым был непосредственным участником всех административных преобразований в регионе [31; с. 39]. Соответственно, очевидно, что у него имелись свои определенные видения по вопросам включения казахов в систему местного управления в Семиреченской области. Некоторые из них он освещал в своих трудах. Например, он предлагает ввести должности «волостных старшин, по избранию народа» вместо «полуассальных султанов». Потому что, по его мнению, султаны являются «особенным народом в народе, степными космополитами», интересы которых противоречат интересам простого народа. Следовательно он предлагал внести выборные начала среди кочевников региона [32; сс. 120-121].

Также у А.К. Гейнса имеется «Объяснительная записка к положению и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей» [33], где он подробно излагает причины и доводы тех или иных его решений и предложений по вопросу управления Туркестанским краем.

Если со стороны К.П. фона Кауфмана и А.К. Гейнса мы видим инициативу введения выборных начал среди «туземцев», то в 80-х годах XIX века русский государственный деятель, действительный тайный советник Федор Карлович Гирс предлагал изменить систему избирания волостных управителей, которые были главными акторами выборных процессов. В это время его взгляды по отношению к выборам уже сформировались с учетом всех недостатков административной реформы 1867-1868 годов. Следовательно, он предлагал преобразовать форму исполнения должности, а также ограничить круг возможностей и компетенции волостных управителей с целью снизить напряжения вокруг занимания данной должности. С этой целью русский чиновник выдвинул свое предложение об отнятии компетенций волостного управителя по сбору податей, которая служила «приманкой для соискателей на

места волостных управителей». Также Ф.К. Гирс предлагает «установить не одного, а трех лиц на должность волостного», из которых местный губернатор выбрал бы самого достойного [34; с. 46-47]. Таким образом, мы видим, как Ф. Гирс, который в 1882 году провел ревизию в Туркестанском крае, внес свои предложения по административному устройству региона уже после введения новых преобразований.

Следующий дореволюционный исследователь, кто прямо или косвенно затронул тему включения казахов на службу в систему местного управления в Семиреченской области, был российский чиновник Иван Иванович Крафт. Он, будучи советником Тургайского областного управления по инородческим вопросам и свободно владея казахским языком, активно занимался изучением истории и этнографии казахского народа. В своем труде «Судебная часть в Туркестанском крае и Степных областях» рассматривает трансформацию казахского народного суда в имперскую, тем самым описывает процесс появления уже российских судебных исполнителей – народных судей из состава местного коренного населения [35; с. 95]. Кроме того, в этой же работе автор намекает на взаимовыгодное сотрудничество между волостным управителем и народным судьей, которые стараются помогать друг другу быть избранными на должности.

Интересные сведения встречаются и в работе Юрия Дмитриевича Южакова, русского чиновника и писателя очерков по истории Туркестана. В его «Итогах двадцатисемилетнего управления нашего Туркестанским краем» автор детально описывает волостные выборы в кочевых обществах генерал-губернаторства. Оценивая данный избирательный процесс, Ю.Д. Южаков отмечает, что если на первых выборах избирались действительно уважаемые, достойные лица, то в последующих – «уже выступили чистюльцы, корыстолюбцы и явились партии». В следствие этой тенденции, как утверждает автор, такие понятия как подкупы выборов, враждебность между партиями, взяточничество, коррупционность и кляузничество стали неотъемлемыми элементами выборной системы [36; сс. 25-26].

Исследователь и статист Орест Авенирович Шкапский также освещал систему местного народного управления в области. Он в своих трудах «Киргизы-крестьяне (Из жизни Семиречья)» [37] и «Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области» [38] широко рассматривал вопросы аграрной политики колониальной власти. Кроме того, Шкапский О.А. описывает систему самоуправления в регионе, при этом отмечая стремления местной аристократии к восстановлению своих былых возможностей в степи и нецелесообразность выборной системы среди кочевников. Он утверждает, что принцип самоуправления, основанный на выборных началах, хоть и был проектирован с определенной целью установить «новую жизнь», но в действительности не достиг желаемого результата.

Другой российский чиновник этнограф Иван Иванович Гейер в своем труде, посвященном Туркестанскому региону, приводит данные по личному составу правительственных органов генерал-губернаторства. Этот труд

уникален тем, что среди таких сведений автор называет казахского чиновника, служившего в управлении области. В частности, И.И. Гейер отмечает, что Тубек Есенгулов был на должности ветеринара в Джаркентском уезде Семиреченской области [39]. Однако, в данном списке Т. Есенгулов оказался единственным казахом-служащим в Семиреченской области.

Известный российский статист Петр Петрович Румянцев, который возглавлял статистические работы в Семиреченской области, в своей работе «Киргизский народ в прошлом и настоящем», обозначает историю казахов 1822-1891 годов как периодом «перехода русского Правительства от системы утверждения ханов к системе непосредственного им управления на общих основаниях». Он утверждал, что именно в это время ханская власть и привилегия султанов уничтожены, а белая и черная кость уравнивается в правах и обязанностях. Кроме того, здесь же, автор подробно описывает механизм избрания или назначения «новых» казахов на службу в системе местного управления [40; сс. 33-34].

А русский государственный деятель Константин Константинович Пален, которому 19 марта 1908 года была возложена Высочайшим указом сенаторская ревизия Туркестанского края, в своих отчетах подробно описал административное устройство Семиреченской области. Сенатор К.К. Пален утверждает, что в то время в Областном правлении области служили 36 штатных чиновников, 8 из которых считались выходцами из коренного населения [41; с. 109]. Также сенатором был дан подробный анализ работы администрации области и указаны произволы и ошибки чиновников Семиреченской области.

Российский ученый Георгий Константинович Гинс в 1913 опубликовал свои этнографические заметки по результатам поездки в Туркестан и Семиречье, где по поручению Переселенческого управления, созданного в связи с крестьянской реформой Столыпина, исследовал правоотношения в области пользования водными ресурсами. Находясь в Средней Азии, Г.К. Гинс также собирал и этнографические материалы. В одной из таких работ – «В киргизских аулах (Очерки из поездки в Семиречью)» автор, описывая народонаселение, устройство и хозяйство казахов и киргизов близ Джунгарского Алатау, обращает внимание на быт и манеры поведения местных волостных управителей, которых он встречал на своем пути [42; сс. 11-15].

Кроме того, Г.К. Гинс в своем труде подробно описывает процесс избирания волостного в Семиреченской области. Он детально демонстрирует этапы и особенности прохождения избирательного процесса и действия избирателей. При этом он, резюмируя свое мнение о выборах волостного, отмечает: «Сколько жестокости, лжи, подлогов вызывают эти выборы» [42; сс. 302-304].

Владислав Ефимович Недзвецкий, который работал в администрации Семиреченской области, написал свой труд под названием «Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области». Здесь автор описывает административную систему области, отметив при этом и

особенности власти в кочевых волостях. Несмотря на громкое название книги, в самом труде имеются очень поверхностные сведения о казахском чиновничестве области, тогда как все внимание уделяется лишь общему административному устройству и статистическим данным в целом [43; с. 8].

Кроме того, при рассмотрении проблемы историографии казахского чиновничества в Семиреченской области очень важно взглянуть на данную проблему в контексте других вопросов. Например, изучение данной проблемы в разрезе всего Туркестанского генерал-губернаторства даст определенные новые горизонты исследования. Оно поможет посмотреть на проблему в другом ракурсе.

В связи с этим интересно рассмотреть труды известных русских ориенталистов, которые жили и работали в Туркестанском генерал-губернаторстве и посвятили свои исследования изучению народного образования, школьной системы в регионе. Рассмотрение проблемы казахского чиновничества в Семиреченской области в контексте таких трудов также является актуальной, так как оно даст возможность взглянуть на проблему с новой стороны.

Так, например, большой интерес представляет работа известного ученого-этнографа, русского офицера Владимира Петровича Наливкина. Он в Туркестанском регионе занимался сначала административной, затем – просветительской и научной деятельностью, потратив на них почти «полвека» своей жизни. Он отлично владел «туземными» языками и проводил в крае много полевых исследований. Среди них имеются и сведения об особенностях местного самоуправления в Туркестанском генерал-губернаторстве.

В.П. Наливкин в 1913 году издал свой труд «Туземцы раньше и теперь». В данной работе ученый демонстрирует изменения, которые произошли в регионе с приходом царской власти. Оценивает те или иные попытки Российской империи по реформированию жизни «туземцев», в том числе, и в административном плане. В частности, автор с сожалением отмечает все ошибки и недостатки системы местного самоуправления в крае. По его мнению, колониальная власть сама же создала армию местных чиновников, которые в реальности не служили народу или управлению, а имели лишь свои личные интересы. Следовательно, автор пишет, что русские администраторы сами построили в регионе «живую стену», которая стояла между ними и «туземным» народом [44; сс. 71-73].

Другой исследователь Нил Сергеевич Лыкошин (1860-1922), проработавший на разных должностях в Туркестанском регионе от помощника начальника г. Ташкента, помощника начальника Чимкентского уезда до военного губернатора Самаркандской области, в 1916 году издал свою книгу с названием «Полжизни в Туркестане», ссылаясь на долгий срок своей службы в Туркестанском регионе. Данная работа содержит уникальные сведения о системе избирания народных биев, волостных управителей в Туркестанском регионе. Особый интерес в его труде также представляет вопрос об образовании «туземных» мальчиков в «русско-туземных» школах, которые в

будущем имели возможность построить себе карьеру чиновника в аппарате колониальной власти [45].

Таким образом, нетрудно заметить, что основными историографическими трудами по проблеме казахского чиновничества в дореволюционном периоде являются исследования русских чиновников, которые прямо или косвенно отразили данный вопрос. Они, находясь на службе в Казахской степи, были непосредственными участниками разных изменений в регионе, а также изучали систему местного самоуправления в области и ее особенности. Рассмотрение их взглядов имеет определенную ценность в изучении данной проблемы.

Также, рассматривая позиции русских чиновников относительно казахского чиновничества в области или в целом в Туркестанском регионе, можно проследить динамику изменения их взглядов относительно позиции казахов в административной системе колониальной власти. Так, например, если в начале введения в Казахской степи выборных начал такие русские чиновники как К.П. фон Кауфман и А.К. Гейнс поддерживали и предлагали внести подобные изменения среди населения Степи, то уже в 80-х годах XIX века другой российский чиновник Ф.К. Гирс, анализируя первые «плоды» новых административных изменений, предлагает усовершенствовать введенную систему. А к концу XIX века и начале XX века практически все, кто исследовали данную тему, уже были недовольны такой системой. Они единогласно отмечали недостатки выборных начал среди «туземцев» и считали подобные реформы неудачными по реализации.

При этом обращает на себя внимание и то, как проблема коррупционности и фракционности среди представителей местного самоуправления была неотъемлемой частью многих дореволюционных исследований и заметок.

Кроме того, не стоит забывать и то, что все вышеназванные авторы были сами царскими чиновниками-учеными, следовательно, присутствие у них в работах имперского взгляда неудивительно. А их позиции на проблему только с одного ракурса - с точки зрения колониального правительства - также являются вполне объяснимым фактором.

Советская историография. В советское время данная тема практически не исследовалась. Она была лишь фрагментарно описана в некоторых работах советского периода. К тому же советская идеология внесла тоже свои коррективы. Теперь всякие попытки описать систему местного самоуправления в Семиреченской области при царизме опирались на новые парадигмы и освещались лишь в рамках советской идеологии.

Известно, что в дореволюционный период исследователи местной административной системы предлагали и выступали за введение выборных начал в регионе, а затем, спустя несколько десятилетий, они же сами замечали недостатки системы. Несмотря на это, дореволюционные авторы считали систему местной администрации в регионе одной из нужных мер по унификации государственного аппарата.

Однако, в советское время многие позиции уже были кардинально изменены и началась тенденция осуждать царскую инициативу по введению

системы местного самоуправления. Особенно это заметно по тем научным трудам, в которых данная тема освещается в контексте колониальной истории всего Туркестанского края.

Здесь сначала обратимся к трудам, касающихся данного вопроса, опубликованных в 20-30 годы XX века. Эти работы являются первой волной научных исследований, которые прямо осуждают и придерживаются однобокой позиции по отношению к вопросу о включении казахов в единое имперское административное устройство.

Так, например, одним из первых советских ученых, кто затронул данную проблему, был известный ученый-востоковед Василий Владимирович Бартольд. Он еще в 20-х годах XX века в своих «Сочинениях» объясняет предпосылки создания местного самоуправления в Туркестанском регионе, а также описывает изменения в жизни «туземцев» после их инкорпорации в единую государственную систему империи. Несмотря на то, что все сведения Бартольда о местной системе административного устройства в Туркестанском регионе в основном относятся к «туземцам» оседлых волостей, данный труд автора все же является ценным по своему значению. Ведь его суждения об общей системе власти в геренал-губернаторстве в целом также можно применить и к Семиреченской области.

Для нас интерес представляют научные утверждения Бартольда о положении «почетных туземцев» в регионе. По мнению автора, они были в качестве «средостения» между российской властью и местным населением. Также ученый-востоковед обращает внимание на то, как царская власть в регионе упразднила «родовую аристократию», создав вместо нее «аристократию образования и денежную» [46; сс. 359-360].

Утвердившаяся в 20-30-х годах XX века в историографии критика колониальной Российской империи способствовала тому, что в исследованиях этого периода использовались такие термины по отношению к казахам, находившимся на службе в системе местного управления, как «отбросы», «помощники царской власти» и т.д.

Работа советского государственного деятеля Сафарова Георгия Ивановича (1891-1942) по истории революционного движения в Туркестане включила «общественную основу колониального гнета и колониальной эксплуатации в Туркестане», произвола и взяточничества со стороны царского чиновничьего аппарата региона в целом. К ним автор добавляет еще «отбросов туземного общества», к которым Сафаров Г.И. причислил «переводчиков, подпольных адвокатов, спекулянтов, туземных полицейских» [47; с. 52]. Аналогичную точку зрения можно встретить и в работе другого советского исследователя Муравейского Сергея Дмитриевича. В его «Очерках по истории революционного движения в Средней Азии (опыт краткого пособия для совпартшкол и школ политграмоты)» автор также критикует колониальную власть в Туркестане, при этом местных чиновников в лице «переводчиков, спекулянтов, туземных полицейских» он называет «хорошими помощниками» русских чиновников. Также ученый обращает внимание на то, что «в русско-

туземных школах» готовились «прямые союзники» чиновничьего аппарата [48; с. 8].

Следующим советским исследователем, кто обратил внимание на проблему местного управления в Семиреченской области в контексте колониальной истории Туркестанского генерал-губернаторства, был Петр Григорьевич Галузо. Он сначала в своем труде «Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции)», изданной в 1929 году, подробно описывает историю колонизации Туркестанского края. В частности, он отмечает, что Российская империя, разрушив силу старой знати в регионе, вместо нее создала «аппарат туземной власти». Анализируя эффективность деятельности данного аппарата среди местного населения, П.Г. Галузо констатирует, что «туземная администрация это паразитически эксплуататорский нарост на хозяйственном организме края». Кроме того, здесь в работе автор не мог обойти стороной тему выборов должностных лиц из числа местного населения. Он резко критикует данную систему, введенную колониальной властью. По его мнению, избирательные кампании создают среди населения большой ажиотаж из-за жадности многих занять должности, тем самым иметь для себя материальные блага за счет сбора налога с народа. Народные судьи также имеют плохие репутации из-за их подкупности и склонности к взяточничеству [49; сс. 29-34].

Стоит добавить, что проблему избирания волостных управителей он подробно описал и в своем труде, изданном в 1965 году, который был посвящен проблеме аграрных отношений на юге Казахстана в 1867-1914 гг. В нем ученый также демонстрирует особенности местного самоуправления в Туркестанском генерал-губернаторстве, в том числе, и в кочевых волостях региона. Также в данной работе Г.П. Галузо, показывая все отрицательные стороны данного процесса, утверждал, что «Вся система административного управления краем была крепостнической, военно-феодальной, грабительской» [50; сс. 68-69].

Кроме того, в 20-30 годах XX века в советской науке появился ряд научных работ, где авторами выступили советские казахские исследователи. В их работах также можно заметить, как они резко осуждали все действия царской власти по реформированию системы власти не только в Семиреченской области, но и Казахской степи полностью. Так, в труде Турара Рыскулова «Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 году» «туземные» чиновники Семиреченской области были охарактеризованы как «присосавшиеся к администрации элементы», которые «по своему эксплуатировали и облагали «добровольно» или «принудительно» трудящихся оседлых и кочевых» [51; с. 99]. Здесь автор в основном имел в виду казахских чиновников, находившихся на службе Империи. Также Т. Рыскулов называл их «связующим звеном туземной администрации» в грабеже простого народа. Подобная точка зрения проявляется и в работе С.Д. Асфендиярова. Автор называет казахских переводчиков «колониальными сбродами» и резко критикует их деятельность [52; с. 15]. С другой стороны, необходимо учитывать, что со сменой политических парадигм в 20-30 годах XX века и появлением нового

политического режима и коммунистической идеологии, осуждение царского режима советскими исследователями вполне объяснимый факт.

Во второй половине XX века в советской исторической науке появились научные труды, в которых проблема включения казахов в систему местного управления в Семиреченской области была затронута в контексте других вопросов. Следует сначала обратить внимание на работы, в которых данная проблема рассмотрена в общеимперском значении. Так, советский историк Ерошкин Николай Петрович в своей работе «История государственных учреждений дореволюционной России» описывает «туземную администрацию» как вспомогательную часть общей системы власти в регионе. Он подвергает сомнению «выборность» должностных лиц «туземной» администрации в Казахской степи. По его мнению, местные чиновники выбирались лишь формально, так как «все должностные лица, выбранные из феодальных и буржуазных верхов населения, утверждались губернаторами». Их же автор называет «опорой царизма в управлении краем» [53; с. 256].

Также для нас интерес представляет работа П.А. Зайончковского «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.», в которой автор дает общие сведения о развитии управленческой системы Российской империи в целом. Несмотря на то, что в данном труде мало внимания уделяется окраинам царской России, все равно это исследование позволяет нам понимать общие закономерности и тенденции административного аппарата Российской империи в XIX веке [54].

Кроме того, среди отечественных исследователей советского периода имеются работы, которые включают отдельные моменты, касающиеся казахского чиновничества в Семиреченской области или же всей Казахской степи. Они, безусловно, также составляют большой интерес, позволяя нам осмыслить проблему более шире и комплексно. В связи с этим обратимся к работе Е.Б. Бекмаханова «Присоединение Казахстана к России» (1957). В данном исследовании автор называет местных должностных лиц «лицетворением феодально-колониальной власти». При этом историк описывает местное население как жертву «феодально-байской знати», «беспощадно эксплуатирующей народные массы». Здесь нетрудно заметить, как автор использует теорию классовой борьбы для объяснения деятельности волостных управителей и аульных старшин. Более того, Е.Б. Бекмаханов не скрывал своего недоверия к результатам выборов должностных лиц «туземной» администрации. Он считал, что только с помощью подкупа и дорогих подарков можно было одержать победу на выборах, следовательно, «избранным обычно оказывался наиболее богатый и знатный» [55; с. 175].

В 50-60 годах XX века был опубликован ряд работ, которые рассматривают данную проблему в контексте административных реформ царского режима в XIX веке. В частности, историк Бегежан Сулейменов в своих исследованиях показывает, как административные реформы в 60-70 годах XIX века отразились на жизни казахов. В том числе автор указывает и на систему местного самоуправления, которую он обозначил как продуктом данных реформ [56].

Другой исследователь С.З. Зиманов же в своих исследованиях демонстрирует общественный строй казахского общества [57], особенность деятельности казахских чиновников в первой половине XIX века [58]. Его труды, несомненно, дают возможность взглянуть на предпосылки создания корпуса казахских чиновников на фоне административных преобразований не только в Семиреченской области, но и в целом Казахской степи.

Отдельно стоит упомянуть работу советского историка С.Н. Покровского, который занимался непосредственно историей Семиреченского края. Его работа посвящена истории установления советской власти в данном регионе. Описывая дореволюционную историю Семиречья, автор не обходит стороной и вопросы системы местного управления. В частности, С.Н. Покровский обвинял волостных управителей и аульных старшин, которых он называл феодально-байской верхушкой, катализаторами распространения в обществе «подкупов, взяток и угощений». Более того, ученый обозначил их как «опорой царских чиновников, орудием их антинародной политики». Народных судей-биев автор назвал «рычагами для укрепления власти» феодально-байской верхушки [59; сс. 17-18]. Очевидно, что ученый здесь рассматривает проблему в контексте марксистско-ленинской идеологии.

Также рассмотрение исследуемого вопроса в контексте административных реформ продолжилось в научных трудах, опубликованных в позднесоветском периоде. Здесь нельзя не отметить работы К.А. Жиренчина [60] и Б.М. Абдрахмановой [61]. Они дают комплексные представления по административной политике Российской империи в Казахской степи на протяжении XIX века.

Таким образом, понятно, что рассмотрение научных трудов по истории казахского чиновничества в Семиреченской области, которые были написаны в советское время, также имеют свои особенности. В частности, первое, это – резкое осуждение, полная критика системы административного устройства царским правительством в Казахской степи. Практически все авторы полностью описывают административную политику царизма в регионе как провалом. Более того, уже в рамках советской идеологии вся «туземная» администрация уже считается «эксплуататорской». В некоторых случаях ей даже приписывали такие обозначения как «крепостническая», «феодальная» и «грабительская».

Кроме того, советскими историками была обозначена замена традиционной власти среди кочевого населения Степи новой. По их утверждениям, на смену казахской аристократии (султаны), которую постепенно отстраняла от власти российская администрация, была создана другая (местная туземная администрация), удобная для имперской власти. При этом сотрудничество казахов, находившихся на должности в системе местного управления с колониальной властью был всегда объектом критики советских исследователей.

С другой стороны, мы не должны забывать, что взгляды советских ученых, историков на проблему формирования казахского чиновничества с позиций классового подхода и марксистско-ленинской идеологии.

Историография проблемы в отечественной исторической науке. С обретением независимости в отечественной науке многие научные утверждения и события были пересмотрены. Изучение всех периодов истории Казахстана, твердо устоявшимся в течении многих десятилетий, подверглись переосмыслению. Следовательно, данная тенденция дала толчок на рассмотрение тех или иных исторических событий уже с нового ракурса, новых методологических подходов мировой исторической науки, так как после развала советского режима и освобождении от прежних идеологических рамок, отечественная историческая наука открыла для себя новые горизонты. Перед ней открылись возможности познакомиться, взаимодействовать, сотрудничать и обменяться опытом с мировой исторической наукой. Отечественные ученые получили новые концептуальные или методологические приципы, которые могли быть применены в нашей отечественной истории. Таким образом, расширились возможности рассмотреть или пересмотреть определенные события в истории с точки зрения исследователя независимого Казахстана.

В дополнение, огромный импульс в переосмыслении отдельных периодов или событий в отечественной истории дали постколониальные исследования, которые начались в мировой социо-гуманитарной науке в 80-х годах XX века. Теперь исследователи начали смотреть на историческую проблему не с позиции «больших людей» или «памятных событий», а с позиции – «маленького человека», простого члена общества. В следствие данной тенденции появились необходимости пересмотрения многих концептов и утверждений по истории Казахстана в период колониальной власти.

В связи с этим большой интерес представляет вопрос о том, как проблема формирования казахского чиновничества в Семиреченской области отразилась в научных трудах современных отечественных исследователей. Здесь, прежде всего, обращаем внимание на то, как на рубеже XX-XXI веков появился ряд научных трудов, которые рассматривают историю Казахстана колониального этапа в разрезе разных проблем. Среди них можно отметить работы Ж.О. Артыкбаева [62], К.А. Жиренчина [63], С.М. Машимбаева [64], Ж.М. Джампеисовой [65] и Б.М. Абдрахмановой [66]. Данные исследования позволяют понимать предпосылки, условия и обстоятельства образования казахского чиновничества в Казахской степи.

Кроме того, в отечественной науке появились новые направления по изучению социальной истории Казахской степи, а именно появление таких новых социальных страт как казахское чиновничество, казахское потомственное, титулованное и личное дворянство, казахское почетное гражданство. Так, одним из первых казахстанских ученых, кто сформулировал новые тренды в изучении социальной истории казахов XIX- начало XX вв. стала историк Султангалиева Г.С. Ею было представлено научное изучение вопросов формирования и функционирования казахского чиновничества на территории всего степного пространства [67]. Султангалиева Г.С. составила образ казахских чиновников по их формулярным спискам, рассматривая данный документ как исторический источник [68]. Также ученый, раскрывая

особенности восприятия власти казахскими чиновниками и местным обществом, показывает ментальную трансформацию кочевого общества XIX – начало XX вв. [69]. Кроме того, Султангалиева Г.С. инициировала издание сборников, которые содержат уникальные архивные «документы и материалы, раскрывающие механизм кооптации казахов на службу» царской власти, их социальные происхождения и награды [70], а также особенности института волостных в Степи [71] и казахского дворянства [72]. Данные научные работы позволяют взглянуть весьма разносторонне на проблему формирования казахского чиновничества в Казахской степи в XIX – начало XX вв. и в Семиреченской области, в частности.

Также имеется ряд отечественных ученых, которые рассматривают данную проблему с разных позиций. Например, если исследователь С.С. Сайфулмаликова дает описание процессу образования волостей в Семиреченской области [73], то другой отечественный историк М. Койгельдиев также рассматривал казахское чиновничество в контексте истории колонизации Семиречья Российской империей. Особенно ученый большое внимание уделил на систему местного самоуправления, историю ее создания, штат административных единиц области, а также сравнил волостные выборы с «общественным недугом» [74; с. 64-102].

Определенный интерес представляет исследовательская работа Калмухана Исабаева, посвященная казахам, которые получили разные чины и почести от колониальной власти Российской империи. В его работе представлены имена казахов по всем областям Казахской степи во время царского режима. По Семиреченской области автор приводит имена 286 лиц казахского происхождения, которые были награждены колониальной властью в разные годы за разные заслуги [75; сс. 85-95].

Также во второй декаде периода независимости в отечественной науке появился ряд научных трудов, где проблема казахского чиновничества в Семиреченской области рассматривается в контексте разных проблем. Так, историк Макажанова З.Ш. в своих научных трудах определяет влияния административно-территориальных реформ XIX века в Казахской степи на формирование казахского чиновничества, в том числе в Семиреченской области [76], [77].

В работе Г.К. Калиевой обозначены особенности социального происхождения волостных управителей и аульных старшин. В частности, автор описывает степень влияния службы в имперском аппарате на их социальные статусы [78]. Еспенбетова А.М. в своей исследовательской работе «Формирование новых сословий в казахском кочевом обществе в XIX - начале XX вв.» обозначает казахских чиновников новым сословием и утверждает, что они «...имели определенную роль в общественной жизни и занимали особое место в социально-культурном и экономическом развитии казахского общества» [79].

В своей диссертационной работе «История института старшин в Казахстане (20-60 гг. XIX в.)» историк Рахимкулов Д.А. описывает институт

старшин, который, как утверждает автор, был создан с целью ослабить традиционное казахское управление [80].

Историк Айтмухамбетов А.А. в своей исследовательской работе «Казахские служащие Российской империи: формирование, профессиональная и общественно-политическая деятельность в XIX – начале XX вв. (исторический аспект)» в разрезе всех регионов Казахстана в XIX – начале XX вв. подробно описывает характеристику казахского студенчества, деятельности казахских служащих, в том числе из Семиреченской области, в профессиональном, общественном и политическом отношении [81].

Также в исследовании Н.А. Адельбаевой по проблемам школьного образования в Семиреченской и Сырдарьинской областях в XIX – нач. XX вв. рассматриваются деятельность русско-туземных школ в плане подготовки переводчиков и писарей для царской администрации из коренного населения Семиречья [82].

Определенный интерес для нас также представляют научные труды отечественного историка Удербоевой С.К., которая является автором научных работ по проблеме формирования казахского чиновничества в Туркестанском генерал-губернаторстве. Она раскрывает проблемы интеграции казахской элиты в новое административное устройство царской власти [83], дает оценку деятельности казахского чиновника Ишмухамеда Суюк-оглы Аблайханова [84], рассматривает особенности социального происхождения и уровня образования казахских чиновников региона [85], изучает направления деятельности казахских чиновников С. Сабатаева [86] и Г.Б. Валиханова [87], а также отмечает роль учебных заведений в подготовке кадров для местной структуры власти [88], [89]. Обращаем также внимание на то, что Удербоева С.К. имеет труды по особенностям волостного института в Семиреченской области, в частности, ею детально описаны роль социального положения [90], круг их полномочий [91], механизм их назначения [92], а также вопросы их материального обеспечения [93]. У нее имеются и работы по проблеме создания волостей в Семиреченской области [94], [95], [96] и казахского чиновничества Туркестанского генерал-губернаторства, где отражены разные аспекты данной проблемы [97], [98], [99], [100].

Также по проблеме казахского чиновничества отмечаем труды историка Т.Т. Далаевой. Она показывает эволюцию социокультурной идентичности казахских чиновников [101], деятельность волостных управителей по легитимации местной власти [102] и механизмы награждения казахских чиновников западно-сибирского ведомства со стороны царской власти [103], [104]. Другой исследователь Г.Б. Избасарова также исследует принцип функционирования новой системы административной власти в I половине XIX века на примере казахов Оренбургского ведомства [105], [106], [107].

В статье историка З.Г. Сактагановой «К 100-летию национально-освободительного движения: о причинах восстания казахов 1916 года» указывается на ряд причин, которые привели к точке кипения казахского населения в Семиреченской области в начале XX века. Так, по ее мнению,

существует комплекс причин национально-освободительного движения 1916 года, среди которых имеется и фактор «злоупотребления и мздоимства чиновников низового звена». Также историк определила, что партийность и произвол на волостных выборах, взяточничество местных должностных лиц сочетались с коррумпированностью русских чиновников [108].

Другим интересным трудом по данной теме является статья Алимы Бисеновой и Кульшат Медеуовой. Авторы отмечают, как «образованные» казахи начала XX века подверглись критике со стороны поэтов и других общественных деятелей из-за их чрезвычайно сильного стремления занять определенные должности в управлении. Более того, авторы приводят параллель между подобными казахами, получившими «по-новому» образование в начале XX века, с казахстанской молодежью, получившими западное образование в начале XXI века, в частности по государственной программе «Болашак». Таким образом, в статье указывается, что названные две категории казахской молодежи, жившие в разные периоды времени – в начале XX и XXI веков соответственно, были надеждой общества в «его новых модернизационных условиях» [109; сс. 219-220].

В последние годы в отечественной науке появился ряд научных работ молодых казахстанских историков, которые косвенно затрагивали тему казахского чиновничества в Семиреченской области. Они тоже заслуживают внимания, так как в них содержатся сведения о казахском чиновничестве в регионе в контексте разных исследовательских проблем. Так например, в диссертационной работе Ш.А. Ильясова «Деятельность административного аппарата в системе органов колониального управления Степного края (1891-1917 гг.)» автор описывает местную административную систему Семиреченской области именно за тот период, когда она была в составе Степного генерал-губернаторства [110].

В другой диссертационной работе, посвященной теме казахского дворянства, автор Тулешова У.Ж. приводит данные по количеству, социальным происхождениям и деятельности казахских чиновников, которые получили от царского правительства статус дворянина. Среди таких дворян были и казахские чиновники из Семиреченской области. Автор в своей исследовательской работе приводит количество таких дворян из данной области. По ее утверждениям, в конце XIX века в Семиреченской области были 116 потомственных, а также 25 личных дворян из числа казахского населения [111; с. 69].

В диссертации исследователя Бисембаевой Ш.А., посвященной повседневной истории аульной и сельской жизни жителей Семиреченской области, имеется немало моментов, которые показывают нам процесс избирания волостных, их образ и манеру поведения среди населения, а также восприятия кочевым обществом. Также исследователь дает сведения и о роли волостных управителей в повседневной жизни жителей аула области [112].

Также в диссертационной работе Бимолдановой А.А. «Аппарат власти и практики реализации местного управления в кочевых волостях Акмолинской области (вторая пол. XIX - нач. XX вв.)» автор исследует механизм и структуру

деятельности казахских чиновников, которые служили в управленческой системе Акмолинской области. При этом нужно понимать, что практически деятельность волостных управителей и других должностных лиц из казахского населения Казахской степи регулировалась общими законодательными положениями, независимо от регионов Степи, поэтому выводы А.Бимолдаевой по деятельности волостных управителей имеют отношение и к Семиреченской области [113].

Таким образом, проблема казахского чиновничества в Семиреченской области в трудах отечественных исследователей выходит на новый уровень изучения. Если в дореволюционной и советской историографии тема казахского чиновничества ограничивалась описанием процесса внедрения системы местного самоуправления и ее критикой, то уже в годы независимости отечественные ученые стараются смотреть на проблему комплексно. Они, используя междисциплинарные методы мировой исторической науки, определили новые направления социальной истории Казахстана XIX – начало XX вв., изучая механизм вхождения казахских чиновников в единое управленческое звено, их интеграции и особенности социального происхождения.

Более того, данная тема рассматривается в контексте различных проблем, не ограничиваясь изучением истории административной системы или колониальной политики Российской империи. Современные отечественные исследователи обращаются к данной теме с разных аспектов, делая попытки охватить все больше граней исследуемой проблемы.

Стоит также добавить, что, проанализировав вышеназванные историографические работы, приходим к мысли, что ни один из авторов по дореволюционной или советской историографии прямо не использует термин «казахское чиновничество». Все они обозначают их «туземной администрацией», «местными чиновниками» или «туземными чиновниками». Само слово «казахское чиновничество» больше свойственно использованию современными исследователями.

1.3 Анализ зарубежной историографии о сотрудничестве кочевой элиты с колониальной властью

После распада Советского Союза у западных исследователей, изучающих историю Российской империи и её колониальной политики, появилась уникальная возможность взглянуть на предмет своих исследований изнутри самой имперской системы. Новые независимые государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве, открыли доступ к ранее засекреченным архивным материалам, что стало значительным прорывом для исторической науки. Эти источники, долгое время остававшиеся закрытыми в советский период, теперь стали доступны для свободного изучения. В результате подобного сдвига в исследовательских возможностях начался стремительный рост научных работ по истории империи, особенно в контексте её взаимоотношений с периферийными территориями. Это позволило учёным из бывших колоний по-

новому осмыслить своё прошлое и выработать альтернативные, нередко критические, интерпретации имперского наследия.

Как справедливо отметил британский историк из Оксфорда Александр Моррисон, открытие доступа к архивам бывшего Советского Союза впервые предоставило западным исследователям возможность проводить полноценные эмпирические исследования российского господства над нерусскими народами. Именно поэтому период с 1990-х годов до начала 2010-х он называет своеобразным «золотым веком» в изучении истории русского империализма [206, с. 69]. В свою очередь, известная австралийско-американская исследовательница советской истории Шейла Фицпатрик охарактеризовала это явление как «архивную революцию» [207, с. 378], тем самым подчёркивая фундаментальное значение открытых ранее засекреченных архивов для переосмысления имперского прошлого.

В результате этих изменений многие традиционные взгляды на колониальную практику Российской империи, сформированные в советский и дореволюционный периоды преимущественно в центре, подверглись критическому переосмыслению. Исследователи начали по-новому оценивать характер и механизмы имперского владычества, акцентируя внимание на специфике взаимоотношений между центром и окраинами, а также на опыте самих покорённых народов. Появились новые аналитические рамки и концептуальные подходы, позволяющие рассматривать российский империализм не как исключительное явление, а как часть более широкой системы европейского колониализма.

Можно с уверенностью сказать, что открытие доступа к архивным материалам на территории бывших советских республик дало зарубежным исследователям возможность по-новому взглянуть на события и процессы колониального периода в рамках Российской империи. Многие из них предприняли попытки переосмыслить отдельные аспекты царской политики, в том числе критически осмыслить ранее доминировавшие нарративы. В этом контексте особое внимание стало уделяться и истории колониального управления в пределах современного Казахстана. История российской колониальной политики в регионе, включая анализ административных практик, привлекла интерес как специалистов по имперской истории, так и более широкого круга исследователей постколониального подхода.

Особый интерес в данном направлении представляет зарубежная историография, посвящённая казахскому чиновничеству в Семиреченской области. Хотя эта тема редко становилась самостоятельным объектом исследования, она нередко затрагивалась в рамках более широких исследований по истории колониального управления, этнополитике и социальной трансформации на окраинах империи. Обращение к зарубежной научной литературе по этой проблематике позволяет выявить, как интерпретировалась роль местного казахского чиновничества в системе колониального администрирования, какие функции и статус им приписывались, и как эти

представления вписываются в более общий дискурс о российском империализме.

Таким образом, анализ зарубежной историографии, затрагивающей казахское чиновничество Семиречья, представляет собой важное и актуальное направление научного поиска. Он не только помогает прояснить характер участия представителей коренного населения в системе имперской власти, но и способствует более глубокому пониманию механизмов функционирования колониальной администрации в Центральной Азии в целом.

Так, зарубежную историографию по данной теме можно разделить на три основные группы. К первой группе относятся все научные труды западных ученых из Европы и США, которые исследуют особенности и механизм функционирования административной политики Российской империи на ее «окраинных территориях». Вторая группа состоит из научных трудов зарубежных авторов, чьи исследования непосредственно касаются казахского чиновничества в Степи. К третьей группе относятся исследования ученых из современной России и стран постсоветского пространства по исследуемой теме.

При этом важно отметить, что в зарубежной историографии практически не используется термин «казахское чиновничество» в его прямом значении. Тем не менее, данное явление нередко присутствует в исследованиях под различными обозначениями и в контексте иных исследовательских задач. Чаще всего упоминания относятся к представителям казахской элиты, служившим в административных структурах Российской империи, либо к посредническим фигурам между колониальной властью и местным населением. Эти упоминания могут появляться в рамках анализа социального статуса, процессов интеграции коренного населения в имперскую бюрократию, политических стратегий лояльности и адаптации, а также в контексте трансформации традиционных институтов управления. Особенно это касается изучения истории Семиреченской области или Казахской степи в целом, где деятельность казахских чиновников рассматривалась как часть более широкой колониальной политики. Таким образом, даже при отсутствии чётко закреплённой терминологии, феномен казахского чиновничества всё же находит своё отражение в зарубежных исследованиях, что делает их значимыми для реконструкции данного исторического сюжета.

Таким образом, к первой группе зарубежной историографии по данной проблематике можно отнести труды известных западных, преимущественно американских, исследователей, которые анализируют систему административного управления Российской империи как в пределах метрополии, так и на её колониальных окраинах. Эти исследования позволяют сформировать общее представление о функционировании государственного аппарата царского режима и о его взаимодействии с местными структурами самоуправления. Например, научные работы американского историка Марка Раева отлично демонстрируют нам отношения царской власти к нерусским народам [114]. В статье «Patterns of Russian imperial policy toward the nationalities» М. Раев подчеркивает, что Российская империя применяла к

нерусским народам не единый, а вариативный подход, определяемый стратегическими, экономическими и культурными факторами, что напрямую отразилось и на характере местного администрирования [114, с. 25–30]. Он отмечает, что в ряде колониальных регионов, включая окраины, власть активно использовала местные элиты и представителей коренного населения в качестве посредников между центром и местным обществом. Это, по мнению автора, помогало империи удерживать контроль, не внедряя повсеместно русскую административную модель [114, с. 33–36]. В другой работе Раев рассматривает бюрократию как ключевую черту российской государственности, подчеркивая её иерархичность, милитаризацию и слабую институциональную гибкость [115, с. 402–405]. Он указывает, что на периферии империи бюрократическая система сочеталась с практикой адаптации к местным условиям, в том числе через включение «туземных» чиновников [115, с. 408–410]. Однако подобное включение, по мнению Раева, не свидетельствовало о равноправии: местные служащие чаще рассматривались как инструмент имперского управления, а не как полноправные участники бюрократической системы [115, с. 410–411]. Таким образом, чиновничество в окраинах воспринималось как функциональный, но подчинённый элемент административного механизма. В отличие от Раева, который акцентирует внимание на жёсткой иерархичности и централизованном характере российской бюрократии, другой западный ученый Фредерик Старр подчеркивает, что в ряде случаев местные органы самоуправления и представители коренного населения получали определённую степень автономии и возможность влиять на административные процессы, что отражало тенденцию к децентрализации управления в империи [116, с. 145–150].

В западной науке система местного управления Российской империи также привлекала внимание исследователей. Так, американские историки Уолтер Пинтнер и Дон Роуни в своих работах по вопросам чиновничества в царском государстве выделяют существенные различия между местной и центральной администрацией. Они отмечают, что из-за недостатков в развитии бюрократического аппарата Российская империя фактически сформировала две отдельные системы управления: одну — для самой России, другую — для её окраинных регионов. В результате страна превратилась в империю с двойной административной структурой [117]. В свою очередь, Ричард Роббинс подробно исследовал организационные механизмы и последствия функционирования системы местного управления в период поздней Российской империи [118].

А. Каппелер в своей работе [119] подчеркивает адаптивность административной системы Российской империи к многонациональному составу, включая участие местных элит, таких как казахские чиновники, в управлении окраинами. В отличие от него, А. Рибер [120] акцентирует внимание на централизованном и унифицированном характере имперской бюрократии как инструменте контроля и удержания власти. В совокупности оба подхода раскрывают напряжённое сосуществование гибкости на местах и стремления центра к административной стандартизации.

Вторую группу зарубежной историографии, в свою очередь, можно условно разделить на две подкатегории. Первая из них охватывает труды западных авторов XIX–XX веков, которые посвящены преимущественно общей истории Российской империи и её экспансии в Центральную Азию. Эти исследования, как правило, не имели специальной цели изучать казахское чиновничество как самостоятельное явление, однако в них нередко содержатся эпизодические упоминания о взаимодействии казахской кочевой знати с царской администрацией, в том числе в Семиреченской области. Тем не менее, сведения о казахских представителях в структуре колониального управления появляются лишь как часть более широких тем — таких как политика империи в Туркестане или особенности имперского правления на окраинах. Таким образом, казахское чиновничество в этих работах рассматривается лишь фрагментарно и в контексте имперской политики, а не как предмет самостоятельного анализа.

Таким образом, в зарубежной историографии крайне редко встречаются исследования, содержащие прямые и подробные сведения о казахских чиновниках, находившихся на службе у Российской империи. Тем не менее, в отдельных трудах западных путешественников и исследователей, посвящённых политике России в Центральной Азии, можно обнаружить обобщённые упоминания о взаимодействии казахских представителей с имперской администрацией. Особенно это характерно для дореволюционных сочинений немецких исследователей и путешественников, которые фиксировали проявления такой коллаборации в своих описаниях региона.

В этом контексте заслуживает внимания труд немецкого исследователя Франца Ксавье фон Шварца, выпускника Мюнхенского университета, в котором он анализирует политические и социальные отношения в Туркестанском генерал-губернаторстве. Описывая систему местного самоуправления, он отмечает, что волостные и аульные старшины избирались самими киргизами (в терминологии того времени — казахами) на трёхлетний срок. При этом фон Шварц подчеркивает, что данные должностные лица подчинялись русским окружным начальникам, что свидетельствует о включении элементов традиционной власти в имперскую административную структуру [121, сс. 180–181]. Похожие наблюдения содержатся и в работах немецкого исследователя Георга Благовещенского, который также уделял внимание системе местного самоуправления в Туркестанском генерал-губернаторстве. В частности, он указывает на наличие внутриказахских противоречий среди чиновников, таких как фракционная разобщённость и проявления партийной борьбы. Эти явления, по его мнению, затрудняли эффективное функционирование административной системы и отражали сложные взаимоотношения между местной элитой и колониальной властью [121, сс. 265–266].

Немецкие исследователи, анализировавшие взаимодействие казахского населения с колониальной администрацией, в своих трудах сосредоточились преимущественно на описании административной структуры. Их подход оказался поверхностным, поскольку они не углублялись в изучение механизмов,

мотивов и других аспектов деятельности казахских представителей в системе местного самоуправления. Однако, несмотря на этот ограниченный ракурс, предоставленные немецкими учеными данные представляют значимую ценность для историографии.

Ко второй подгруппе зарубежной историографии относятся исследования, проводимые после распада Советского Союза. С обретением независимости бывшими союзными республиками и завершением эпохи коммунизма появились значительные возможности для изучения истории как Российской империи, так и стран Центральной Азии. Открытие архивных материалов, которые ранее были недоступны зарубежным ученым, предоставило исследователям из разных стран шанс глубже изучить различные аспекты, связанные с историей царизма, Российской империи и ее взаимодействием с колониальными регионами.

Одновременно с этим бурное развитие постколониальных исследований в мировой социо-гуманитарной науке существенно ускорило и расширило изучение вопросов, связанных с колониальной политикой Российской империи. Ученые из разных стран стали уделять пристальное внимание истории колониального управления в Центральной Азии.

В рамках этих исследований западные ученые рассматривали взаимодействие казахского населения с колониальной администрацией, включая Семиреченскую область и Казахскую степь в целом. Однако тема казахского чиновничества не становилась для них основной; она поднималась лишь косвенно или в контексте других вопросов, связанных с колониальной политикой.

Так, интересно взглянуть на научные труды американского исследователя Вирджинии Мартин. Ее исследование предоставляет ценные сведения для понимания роли казахского чиновничества в XIX веке. В ней акцент сделан на взаимодействии казахских представителей с колониальной властью через призму влияния потомков Чингизидов, обладавших традиционной властью. Автор подробно рассматривает, как изменение системы земельных отношений и административного управления под влиянием Российской империи повлияло на традиционную политическую структуру. Данное исследование показывает, что казахские чиновники, происходившие из чингизидской элиты, часто использовали свое положение для адаптации к новым условиям, сохраняя элементы влияния внутри колониальной администрации. Работа Мартина подчеркивает, что, несмотря на колониальные реформы, элементы традиционной политической системы казахов оставались важным фактором в деятельности местных чиновников. Таким образом, статья служит полезным источником для изучения эволюции казахского чиновничества, их стратегии адаптации и взаимодействия с российской администрацией [122].

Кроме того, ученый Вирджиния Мартин в других своих исследованиях рассматривает вопросы, касающиеся ожиданий и мотивов казахских чиновников в коллаборации с колониальной властью. А именно, Исследуя письма казахских лидеров, она выявляет ожидания, мотивы и стратегические

расчеты казахских чиновников в их взаимодействии с колониальной властью. Эти документы демонстрируют, что казахские представители стремились использовать сотрудничество с российской администрацией как способ сохранения и укрепления своих позиций в сложной политической обстановке. Мартин подчеркивает, что казахские чиновники не только адаптировались к новым условиям, но и активно влияли на формирование региональной политики. Таким образом, ее работа расширяет понимание мотивов и тактики казахского чиновничества в контексте колониального управления [123].

В другом исследовании, выполненном с применением модели колониальной истории «снизу», Вирджиния Мартин рассматривает местных чиновников не как пассивных «подданных» царской власти, а как активных политических деятелей, занимавших значительное место в системе управления. Она подчеркивает, что участие казахских чиновников в имперских структурах не только отражало их попытки адаптации к новым политическим реалиям, но и обеспечивало им инструменты для сохранения власти на местном уровне. Работа демонстрирует, как казахское чиновничество использовало взаимодействие с Российской империей для укрепления своих позиций в условиях трансформации традиционной системы управления [124].

Среди зарубежных исследователей необходимо выделить работы английского историка и профессора Оксфордского университета Александра Моррисона. Он, являясь признанным экспертом в области истории империализма и колониальной политики Центральной и Юго-Восточной Азии, детально изучил механизмы местного самоуправления в Туркестанском генерал-губернаторстве. На примере Самаркандской области Моррисон проанализировал функции и полномочия отдельных должностей, занимаемых местными чиновниками. В своих трудах он также подчеркнул значительную роль сотрудничества между царской властью и местными чиновниками, которое было ключевым для обеспечения стабильности в регионе.

Александр Моррисон уделяет значительное внимание вопросам коррупции среди местных чиновников в Туркестанском генерал-губернаторстве. Отмечая фракционность и коррумпированность представителей государственной службы, он также предполагает, что такие проявления могли служить своеобразной формой сопротивления местных чиновников колониальной администрации [125].

Кроме того, у ученого А. Моррисона имеются и научные работы, касающиеся казахов в системе общественного управления в Семиреченской области в начале XX века. В частности, Александр Моррисон анализирует роль казахского чиновничества в сложный период после восстания. Он отмечает, что местные чиновники оказались в двойственной позиции — с одной стороны, они были связаны с колониальной властью, с другой — находились под давлением со стороны казахского населения. Моррисон подчеркивает, что казахское чиновничество часто выступало посредником между имперской администрацией и местными общинами, что осложняло их положение. В то же время, некоторые чиновники пытались защищать интересы своего народа,

несмотря на ограничения и угрозы со стороны властей. Таким образом, автор показывает сложность и неоднозначность роли казахских чиновников в условиях политического кризиса и насилия [126].

Одним из заметных зарубежных исследователей, изучавших взаимодействие казахского населения с колониальной администрацией, является известный японский историк Уяма Томохико. Его многочисленные работы посвящены колониальной истории Центральной Азии, в частности деятельности местных чиновников в контексте становления казахской интеллигенции и движения алашордынцев в начале XX века. Значительная часть этой интеллигенции одновременно была государственными служащими в царской системе. Например, по данным Уямы Томохико, на втором общеказахском съезде, состоявшемся в декабре 1917 года, все представители казахской интеллигенции из Семиреченской области высказались против немедленного провозглашения автономии [127; сс. 85-86]. В составе этой делегации находились такие фигуры, как фельдшер Нусипбек Жакыпбаев, а также переводчики различных уездных и областного управлений Сатылган Сабатаев и Иса Тергеусизов.

В работе «Invitation, Adaptation, and Resistance to Empires: Cases of Central Asia» Уяма Томохико рассматривает сложные процессы взаимодействия казахского чиновничества с имперской властью в Центральной Азии. Автор подчеркивает, что местные чиновники не были пассивными исполнителями колониальных приказов, а активно адаптировались к новым условиям, одновременно проявляя элементы как сотрудничества, так и сопротивления. Уяма анализирует, как казахские чиновники использовали предоставленные им возможности для укрепления своего социального и политического положения, но при этом нередко сохраняли лояльность по отношению к традиционным институтам и общинам. Важной темой исследования является баланс между принятием имперской политики и попытками защиты интересов казахского народа. Таким образом, автор показывает, что роль казахского чиновничества в колониальной системе была многогранной и неоднозначной.

В своем исследовании Уяма Томохико выделяет характерные особенности местной администрации, среди которых — взяточничество чиновников, коррупция в избирательной системе и фракционность избирателей. По мнению японского историка, такие проблемы приводили к тому, что местная администрация не вызывала доверия у колониальных властей. В результате, как отмечает автор, высшие российские чиновники имели лишь неполное и нестабильное представление о реальной ситуации в Казахской степи [128].

Вопросы казахских «коллабораторов» были рассмотрены еще в исследованиях французского историка Изабель Охайон. Она подчеркивает важную роль казахского чиновничества как посредников между имперской властью и местным населением. Автор отмечает, что казахские чиновники выступали ключевыми актерами, через которых осуществлялось управление и адаптация колониальной политики на местах. Охайон акцентирует внимание на том, что эти чиновники не были лишь пассивными исполнителями, а активно влияли на

процессы взаимодействия между империей и казахскими обществами. В статье также говорится о сложностях и противоречиях их положения, поскольку они балансировали между требованиями колониальных властей и интересами собственного народа. Таким образом, казахское чиновничество рассматривается как важный элемент колониальной системы, играющий многогранную и неоднозначную роль.

И. Охайон также исследует дальнейшую судьбу казахских представителей, вовлечённых в управление регионом в царский период. Она особенно выделяет процесс, в ходе которого эти казахские посредники со временем приобрели политическое влияние, трансформировались в участники национальных движений и в итоге интегрировались в структуру Коммунистической партии Казахской АССР [129].

Одним из важных исследований по теме казахского чиновничества является работа историка Йана Кемпбелла, который в своей книге анализирует роль казахских посредников при царском режиме. Опираясь на идеи английского историка К. Бэйли, Кемпбелл подчеркивает, что местные посредники собирали и предоставляли империи ценную информацию и знания, необходимые для управления колониями [208]. По его мнению, казахские посредники осознавали выгоды сотрудничества с царской властью, выступая в роли осведомлённых информантов, что давало им определённые права и влияние в колониальной системе [130].

Кроме того, Кемпбелл отмечает, что изначально Российская империя не имела чётких механизмов для интеграции казахов в административную структуру, и подобные меры проводились скорее по необходимости, что делало империю уязвимой из-за нехватки качественной информации — он метафорически сравнивает это с состоянием «анемии» [130]. Важным аспектом его анализа является также трактовка причин восстания 1916 года: одной из них стала слабая информированность царской власти о регионе, а другой — ухудшение отношений между колониальными чиновниками и казахскими посредниками, что привело к игнорированию мнения последних и, как следствие, к социальным конфликтам [130].

В некоторой степени схожее мнение выражено в исследовании западного учёного Паоло Сартори. В работе «Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи», созданной в соавторстве с историком Павлом Шаблеем, рассматриваются правовые трансформации в регионе. Авторы подчёркивают значимую роль казахских чиновников в формировании так называемого «местного знания», которое рассматривается как результат «колониального посредничества». Они отмечают, что многие казахи, получая образование в российских учебных заведениях и строя карьеру в имперской администрации, становились посредниками колониальной системы. Этот процесс приводил к тому, что «местное знание» становилось гибридным продуктом множества взаимодействий и обменов [131].

В зарубежной историографии дореволюционного казахского чиновничества особое место занимает исследование американского историка

Грегори Афиногенева, специализирующегося на истории Российской империи. В своей работе, посвящённой языкам гегемонии в Казахской степи XVIII века, он обращает внимание на роль казахских посредников и отмечает присяги, которые представители казахской элиты приносили чиновникам царской власти. Афиногенев выделяет различия в понимании этих присяг: казахские лидеры воспринимали их как временные обязательства, тогда как русские чиновники рассматривали их как символ вассальной зависимости. Эти разногласия в интерпретации клятв оказали заметное влияние на развитие казахско-русских отношений в XIX веке. Работа Афиногенева ценна тем, что позволяет проследить предпосылки и понять общие представления о роли и характере казахского чиновничества в Степи [132].

Особый интерес для нас представляют исследования зарубежных учёных, посвящённые имперской истории Северного Кыргызстана. В дореволюционный период этот регион входил в состав Семиреченской области и включал Пишпекский и Пржевальский уезды. Следовательно, работы, касающиеся истории кыргызов Северного Кыргызстана в царский период, также освещают вопросы, связанные с Семиреченской областью. В таких исследованиях часто встречаются сведения о взаимодействии местной элиты и простого населения с колониальной администрацией.

Так, антрополог Светлана Жаксон в своей работе, посвящённой проблемам пастбищного землепользования в Центральной Азии во время колониализма, подчёркивает значимость системы местного самоуправления. Она отмечает, что при распределении земель среди кочевых общин колониальная власть игнорировала самоуправляющийся характер волостей, что, по её мнению, стало одной из причин неудач в определении границ летних и зимних пастбищ [133; с. 115-116]. В другой своей работе Жаксон выделяет две главные причины, по которым царская администрация стремилась внедрить систему местного самоуправления: во-первых, создание корпуса чиновников из местного населения должно было сформировать у кочевников коллективное гражданское сознание и привязанность к империи; во-вторых, это позволяло значительно сократить расходы колониального управления [134].

Особенно интересно, что в своей диссертационной работе, выполненной в Университете Вашингтона, Джипар Дуйшембиева разделяет взгляды Светланы Жаксон, однако считает, что все усилия по формированию лояльных колониальной власти чиновников из числа местного населения не оправдали возложенных на них ожиданий. В качестве причин этой неудачи автор выделяет несколько факторов, среди которых партийность и фракционность общества, высокий уровень коррупции среди местных чиновников, их крепкая связь с определёнными родами, а также влияние родовой аристократии и другие социальные особенности [135; с. 72-73].

Важные идеи по данной теме содержатся в исследовании японского ученого Тетсу Акияма, посвящённом роли киргизских манапов в колониальной администрации северной части Семиреченской области. Автор анализирует отношения между имперской властью и местной элитой, рассматривая

интеллигенцию и традиционных лидеров как «коллорационистов», выступавших посредниками между колониальной властью и населением, при этом подчёркивая недостаточное внимание к их роли в исследованиях. Акияма отмечает, что царская администрация признавал манапов как местную элиту, но не включала их в официальный дворянский статус, из-за чего манапы могли быстро менять позицию — от сотрудничества к сопротивлению. Эти выводы сходятся с позицией Уямы Томохико, который указывал на гибкость казахских чиновников в выборе между лояльностью и оппозицией в зависимости от ситуации. Кроме того, статья Акияма подробно исследует взаимоотношения манапов с местной администрацией, их мотивацию для сотрудничества и сопоставляет их роль с деятельностью казахских султанов Семиреченской области в условиях колониализма [136].

Относительно недавно, в 2021 году, вышла на английском языке книга Тетсу Акияма, посвящённая влиятельной киргизской личности XIX–XX веков — Шабдану батыру. В этой работе автор, используя методы микроисторического исследования, раскрывает общую картину взаимодействия представителей местного населения с колониальной властью. Шабдан батыр предстает как гибкий, но в то же время решительный лидер и чиновник, который в зависимости от обстоятельств мог выступать как коллаборатором, так и противником царского режима [137].

Таким образом, анализируя взгляды западных ученых на казахское чиновничество в эпоху царизма, можно отметить, что эта тема рассматривалась в самых разных аспектах. Практически все исследователи подчёркивали активную роль местных казахских чиновников в сотрудничестве с имперской властью, отмечая при этом наличие у них собственных мотивов и стратегий. Кроме того, многие учёные выделяли высокую степень партийности и фракционности среди казахской бюрократии в Степи.

К третьей группе зарубежной историографии, посвящённой взаимодействию казахской кочевой элиты с колониальной властью в Семиреченской области и Казахской степи, относятся работы исследователей из современной России и стран постсоветского пространства. Среди них важное место занимает труд известного российского историка и специалиста по колониальной истории Центральной Азии Сергея Николаевича Абашина. В своих исследованиях он подробно рассматривает проблему казахского чиновничества в Степи, уделяя особое внимание так называемому «военно-народному управлению» Российской империи. Особый акцент Абашин делает на позиции русских чиновников по вопросу создания местного самоуправления, отмечая, что идея формирования «туземной» администрации изначально вызывала неоднозначные оценки. Так, если с одной стороны поддерживалась попытка введения выборного начала среди казахов, то с другой — царские чиновники выражали опасения, что это может способствовать усилению партийности и фракционности в среде населения.

Более того, ученый подробно проанализировал эволюцию законодательной базы, связанной с формированием и развитием административной системы с

участием местного населения в течение XIX — начала XX века. В этом контексте он дает критическую оценку происходившим изменениям. По его мнению, уже к началу XX века «политический потенциал модели управления колониями, выбранной русской властью в середине XIX века, был исчерпан» [138].

Также значительный интерес по данной теме представляет исследование О.Е. Сухих, которая изучает церемониальные формы взаимодействия Российской империи с первой волной казахских чиновников, вовлечённых в имперскую администрацию. В своей работе она обращает внимание на методы, которые царская власть использовала для «воспитания верноподданнических чувств и укрепления лояльности своих подданных». Автор отмечает, что с момента начала проведения церемоний выборов и утверждения старших султанов окружными приказами в Среднем жузе большое значение имело восприятие казахскими чиновниками символов имперского величия. Кроме того, поездки казахской делегации на императорскую коронацию в столицу, несмотря на неоднозначные реакции, имели заметный успех, поскольку сопровождалась наградами и подарками, что способствовало укреплению преданности среди казахских чиновников [139; сс. 145-155].

Определённые взгляды на данную проблематику можно найти также в трудах Е.В. Безвиконной и Н.Г. Суворовой. Первая из них рассматривает изменения в степных областях на фоне административных реформ Российской империи 60-х годов XIX века [140]. Вторая исследовательница анализирует институт волостного управления как технологию интеграции русского и коренного населения Сибири [141].

Особого внимания заслуживают работы М.Е. Шушковой. В одной из своих публикаций она исследует административное устройство Туркестанского генерал-губернаторства, в том числе вопросы местного самоуправления в регионе [142]. В другой работе автор описывает противоречия между центральной и региональной властью империи в вопросах управления Туркестанским краем в начале XX века [143].

В научном исследовании Т.В. Котюковой содержатся сведения о казахском чиновничестве в Семиреченской области и Туркестанском генерал-губернаторстве в целом. Описывая «туземную» администрацию региона, автор приводит множество примеров из архивных документов [144], что позволяет увидеть «иной» аспект имперского управления.

Кроме того, вопросы формирования чиновничества из числа местного населения региона рассматривались фрагментарно и в рамках различных тем в работах других российских ученых — Д.В. Васильева [145], И.В. Волкова [146], Р.Ю. Почакаева [147] и Д.Г. Янченко [148].

В силу исторических и географических причин изучение Туркестанского региона учеными из Узбекистана и Кыргызстана является вполне объяснимым. Дело в том, что казахи, узбеки и киргизы в XIX–XX веках входили в состав одной административной единицы Российской империи, что естественно отразилось на их общей исторической судьбе.

В своем исследовании узбекский историк С.Б. Тиллебаев на примере Ферганской области детально описывает систему местного самоуправления в Туркестанском генерал-губернаторстве [149].

Ташкентский историк Алимджанов Бахтиер в работе «Экономическая политика российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX вв.)» рассматривает экономические проблемы Семиреченской и Сырдарьинской областей. Он приводит примеры попыток русской администрации повысить «престиж представителей военно-народного управления в глазах туземцев», чтобы в будущем местное население активнее привлекалось к управлению империей [150; сс. 70-71].

Среди киргизских исследователей данной тематики выделяются работы Б.И. Борубашова и А. Маматовой. Первый подробно описывает систему местного самоуправления, установленную Российской империей в киргизской части Семиреченской области [151], [152]. В то время как А. Маматова анализирует общественные изменения, вызванные внедрением выборных начал в системе управления [153].

В заключение следует отметить, что формирование новой административной системы управления в Туркестанском генерал-губернаторстве, в частности в Семиреченской области, долгое время привлекало внимание зарубежных исследователей, изучавших колониальную политику Российской империи в Центральной Азии и аспекты русского империализма. На основе анализа представленных фактов и данных можно сформулировать ряд выводов по теме данной диссертации.

Тщательный разбор трудов зарубежных авторов, посвящённых истории Центральной Азии во второй половине XIX — начале XX века, позволяет глубже понять политику Российской империи через призму истории местного чиновничества Северного Кыргызстана, Туркестанского генерал-губернаторства и в более широком контексте Казахской степи.

При этом исследования зарубежных учёных, охватывающие второй половины XIX и XX век, преимущественно носили описательный характер и не предоставляли детальной информации о процессе формирования казахского чиновничества. Также можно заметить, что их работа опиралась на достаточно ограниченный круг источников. Следует учитывать, что до распада СССР зарубежные исследователи не имели доступа к архивам в республиках бывшего Советского Союза, что частично объясняет скромность их источниковой базы.

Однако после распада Советского Союза появилась возможность более свободного доступа к архивным материалам, что значительно повлияло на развитие исследований по русскому империализму. Ученые из разных стран начали активно работать над историей Центральной Азии, обращая внимание на роль местных народов «снизу» в колониальный период. Анализ историографических материалов зарубежных авторов с 1990-х годов до настоящего времени показывает, что данная проблема рассматривается в самых разных аспектах.

Примечательно, что почти все западные исследователи не использовали термин «чиновники» применительно к казахским представителям местной власти. Вместо этого они предпочитали такие определения, как «посредники», «коллорационисты» или «информаторы». При этом казахских представителей власти описывали как активных участников взаимодействия с имперской администрацией, у которых имелись собственные цели и тактики в условиях колониального управления. Их не рассматривали как пассивных исполнителей или простых служащих, а скорее как связующее звено, обладающее как личными, так и коллективными интересами. Многочисленные западные авторы отмечали высокую степень партийной борьбы и наличие фракционных конфликтов между волостными управителями и аульными старшинами в степных регионах.

Стоит также подчеркнуть, что работы учёных из современной России и других постсоветских стран представляют значительную ценность для изучения данной темы, поскольку наличие общих исторических периодов позволяет рассматривать имперское прошлое в сравнительном и частично системном ключе.

В итоге, обзор обширного массива исторической литературы (включая дореволюционные, советские, отечественные и зарубежные источники) выявил отсутствие целенаправленных исследований, посвящённых проблематике казахского чиновничества. В имеющихся работах встречаются лишь отдельные, фрагментарные данные, которые не позволяют составить полную и системную картину становления казахского чиновничества в Семиреченской области во второй половине XIX — начале XX века, его особенностей функционирования, а также механизмов кооптации и интеграции в общую структуру имперского управления.

1.4 Источниковедческий анализ становления и деятельности казахского чиновничества в Семиреченской области

Источниковая база по проблеме казахского чиновничества в Семиреченской области является очень разнообразной. При изучении данной темы все источники были полезны в разной степени и дали возможности отразить те или иные аспекты исследуемой проблемы. Они способствовали взглянуть на вопрос казахского чиновничества в области с разных сторон. Учитывая разный характер таких источников, они были разделены нами на следующие категории:

1. Основной источниковой базой по официальным источникам, безусловно, являются архивные материалы. Здесь нами были рассмотрены материалы, хранящиеся в фондах Центрального государственного архива Республики Казахстан, Национального архива Республики Узбекистан и Российского государственного исторического архива Российской Федерации. Они имеют очень ценные сведения об особенностях, численностях и характере казахского чиновничества в целом по области.

Самой главной и объемной базой источниковедческих материалов по казахским чиновникам Семиреченской области являются, безусловно, архивные документы 44 фонда «Семиреченское областное правление» ЦГА РК. В них содержатся практически все официальные документы делопроизводства управления Семиреченской области. Материалы данного фонда содержат в себе документы по политико-экономической, социально-культурной жизни области в период его существования. Также в них имеются документы, которые непосредственно касаются истории, особенностей и деятельности казахского чиновничества в Семиреченской области. Их характер охватывает от простых частных прошений до государственно важных документов о назначении на определенные должности, их награждении и других вопросов.

Следовательно, материалы данного фонда, несомненно, дают возможность всесторонне взглянуть на исследуемую тему. Тщательное рассмотрение личных дел отдельных казахских чиновников, особенно их формулярный список, сведения об их социальном положении и полученных ими наградах, а также анализ разных их прошений позволяют определить характер и особенности формирования казахского чиновничества, его интеграцию в имперское устройство. Разные циркуляры, приказы или другие документы, изданные царскими органами управления дают возможность обозначить отношения колониальной власти по отношению к чиновникам из числа местного населения. Также другие материалы данного фонда ЦГА РК, безусловно, являются очень ценными источниками по воссозданию образа казахских чиновников, их манеры и поведения, а также определить их роль в общей имперской системе управления.

Необходимо отметить и ценность материалов фонда 64 ЦГА РК «Канцелярия степного генерал-губернатора», так как в 1882-1899 годах Семиреченская область в административном плане подчинялась Степному генерал-губернаторству. Соответственно, в материалах данного фонда также имеются исторические документы, содержащих сведения о казахских чиновниках области, их карьерных путях, деятельности, наградах и других вопросах.

Также по проблеме казахского чиновничества в Семиреченской области важно выделить материалы фонда 94 ЦГА РК «Верненская мужская гимназия министерства народного просвещения г. Верный Семиреченской области». В данном фонде имеются сведения о числе казахских выпускников данной гимназии, их успеваемости и отношений с администрацией учебного заведения или области. На рубеже XIX-XX веков данное учебное заведение стало основным местом получения образования казахских юношей области, и в материалах данного фонда можно найти достаточной информации об учебе, мотивах и обстоятельствах вступления на государственную службу казахских молодых людей.

Особую ценность как источники составляют материалы, извлеченные из архивного фонда Национального архива Республики Узбекистан. Как известно, большую часть своего существования Семиреченская область в

административном плане относилась к Туркестанскому генерал-губернаторству, центром которого был город Ташкент. Соответственно, наличие в современном главном архиве Узбекистана документов о казахском чиновничестве в Семиреченской области вполне объяснимо. Особенно в данном архиве большую источниковедческую значимость для настоящей исследовательской работы составляют материалы фонда №1 «Канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства». Документы разного характера, хранящиеся в данном фонде, помогают раскрыть особенности взаимоотношения администрации Туркестанского края к местным казахским чиновникам.

Из материалов Российского государственного исторического архива необходимо отметить фонды 391 «Переселенческое управление МЗ» и 1291 «Земский отдел МВД». В них содержатся материалы, которые раскрывают отношения царской власти к местным чиновникам в Казахской степи, в том числе и Семиреченской области.

2. Вторую группу источников по казахским чиновникам Семиреченской области составляет Полное собрание законов Российской империи. Данный сборник законодательных актов царского государства содержит в себе все нормативные документы, правовые акты и положения, касающиеся политико-административной жизни царской империи, включая и Семиреченскую область. Так, в нем имеются положения всех законодательных актов, которые были реализованы за весь период существования самой области. Например, в них отражены «Временное положение» 1867 года, образовавшее Семиреченскую область [209; сс. 1150-1151], указ о присоединении его в состав Степного генерал-губернаторства [210; сс. 211-212], Степное положение [211; сс. 133-147] и указ о возврате Семиреченской области в состав Туркестанского генерал-губернаторства [212; с. 711]. Более того, данные законы позволяют понимать систему и механизм местного самоуправления. Ведь в их содержаниях можно найти моменты, касающиеся системы местного самоуправления, а именно указываются административные единицы, должности, штаты и размеры жалованья государственных чиновников. Среди таких чиновников, естественно, были и выходцы из казахского населения. Соответственно, данный свод законов в определенной степени позволяет понять структуру и механизм казахского чиновничества в области.

3. Следующую группу источников составляют сведения статистического характера. К ним относятся материалы, опубликованные Изданием центрального статистического комитета министерства внутренних дел Российской империи. Придерживаясь хронологической системы, отмечаем важность как исторического источника двух изданий, опубликованных в 1893 и 1905 годах. Первый из них охватывает официальные сведения по волостям и населенным пунктам Семиреченской области. В ней подробно описаны границы, площадь, численность населения всех волостей и уездов области. Особую интерес для нас здесь представляет карта волостей Семиреченской области, где подробно указаны все названия и границы всех волостей. Данная

иллюстрация отлично помогает в построении целостной картины института волостных в данной области [154].

Вторым источником в этой категории считаются материалы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. Данный выпуск охватывает подробные статистические сведения по Семиреченской области. Среди подобных сведений можно встретить и отдельные данные по количеству представителей казахского населения, занятых в административной службе, числу полученных ими статусов дворян и других [3].

4. Четвертую группу источников составляют официальные справочные книги, обзоры, адрес-календари и списки граждан, которые были в рядах государственной службы. Они были подготовлены региональными статистическими комитетами и изданы в центрах области и генерал-губернаторства в городах Верный, Омск и Ташкент соответственно. Подобные справочные материалы охватывали информации по чиновникам региона, их должностей, времени службы в управленчестве.

Так, например, для понимания общей картины казахского чиновничества в Семиреченской области важную роль играют «Обзоры Семиреченской области». Они были изданы в Верном с 1882 по 1915 годы. В них печатались официальная хроника, статистические, исторические материалы разного характера. Со временем как объем, так и количество разделов стало увеличиваться [155; сс. 12-13]. Также в них постоянно отражался раздел о народном образовании, где указывалось количество учеников в области, посещающих разные учебные заведения. Многие выпускники региональных учебных заведений потом стали позже частью административной системы области.

Также источниковедческую ценность по данной проблеме составляют сведения, содержащиеся в справочных книжках, изданных по распоряжению Степного генерал-губернатора. Как известно, Семиреченская область в 1882-1899 годы в административном отношении была в составе данного генерал-губернаторства. Соответственно, в адрес-календарях «должностных лиц правительственных и общественных установлений Степного генерал-губернаторства» 1891-1893 годов [156], [157], [158] и справочных книжках «о должностных лицах правительственных и общественных установлений Омского военного округа и Степного генерал-губернаторства» 1894-1898 годов [159], [160], [161], [162], [163] имеются и сведения по казахским чиновникам Семиреченской области. В них фрагментарно содержатся имена казахских чиновников, которые служили в данный период в структуре управления данного генерал-губернаторства. Однако, стоит отметить, что данные адрес-календари и справочные книжки содержали лишь поверхностные сведения. Детальные информации по волостным управителям и другим казахским чиновникам разного ранга в Семиреченской области не встречаются.

По исследуемой теме особый интерес представляют «Адрес-календари служащих в Семиреченской области». Известно, что данный сборник в этой области до 1896 года не издавался. В период с 1897 по 1905 годы он был издан

лишь пять раз. В последующие годы «адрес-календари» не были изданы в связи с отсутствием средств у статистического комитета Семиреченской области [154; с. 342]. Так, его первый выпуск вышел в 1897 году [155]. Со следующего 1898 года данный справочник уже назывался как «Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области» [164]. В 1899 году она не была издана [164; с. 343]. Позже подобные книжки были изданы еще в 1900 [167], 1901 [168] и 1905 годах [169].

Адрес-календари нам ценны тем, что они содержат подробные сведения о руководителях гражданского и военного ведомства. Имеются данные по каждой позиции в управленческой системе области, указаны их имена, должность и чины в случае наличия. Среди них можно найти и имена казахских чиновников, служивших в разных ведомствах управления области. Также отдельно публиковались имена всех волостных управителей области за каждые годы издания. Тем самым данный сборник имеет особую ценность как исторический источник по исследуемой теме.

Параллельно с адресом-календарем статистический комитет области в 1902 году опубликовал «Список лиц гражданского и других ведомств, служащих в Семиреченской области» [170]. Данный сборник отличался от своего предшественника только тем, что его сведения носили более узкий характер, охватывая только список лиц, которые были задействованы в управлении областью. Так, согласно этому списку нетрудно заметить, что представители казахского населения были практически на каждой позиции переводчиков в уездных и областном управлениях. Также в этом списке были имена всех волостных управителей Семиреченской области за названный год.

Кроме того, подобные сведения встречаются и в «Списках лиц гражданского и духовного ведомств, служащих в Туркестанском крае», изданных уже в Ташкенте. В его выпуске за 1900 [171], 1901 [172] и 1902 [173] годы встречаются аналогичные сведения. Здесь необходимо отметить, что во всех этих записях среди казахских чиновников в основном указаны переводчики. Это объясняется большим количеством штата для переводчиков в структуре власти. Но, тем не менее, среди всех казахских служителей власти можно увидеть представителей казахского народа и на позициях младшего чиновника особых поручений, городского пристава, уездного врача, статиста, участкового врача и др.

5. К пятой группе источников относятся отчеты графа Константина Константиновича Палена (1861-1923), который возглавил ревизию Туркестанского края Особым указом от 18 июня 1908 года. Согласно цели данной ревизии он должен был всесторонне осветить положение края на начало XX века. При этом ему было поручено подготовить материалы и отчеты по 26 пунктам, которые максимально охватывали особенности области. Данные пункты позже стали основами отдельных подробных отчетов. В результате проведенной данной ревизии в 1908-1909 гг. граф К.К. Пален опубликовал свои отчеты в виде книг. Итого в 1910 году было опубликовано 19 книг, в следующем

году – 1 книга. Каждая книга включала в себе отдельные описания, данные по отдельным вопросам [174; с. 126].

В книгах-отчетах сенатора К.К. Палена имеются также сведения о характере казахского чиновничества в начале XX века. Особенно они хорошо отражены в его книгах «Сельское управление: Русское и туземное» [175], «Городское управление» [176], «Уездное управление» [177] и «Областное управление» [178]. В данной части исследования попытаемся разобраться в них и проанализировать его суждения о народном управлении казахов, местной власти и отдельных личностях управленческого аппарата области.

«Сельское управление. Русское и туземное. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером графом К. К. Паленым». Данный отчет посвящен «туземному» сельскому управлению и сельскому управлению русского населения края. В ходе ревизии им было проверено 269 кочевых волостей и 205 волостей с оседлым населением [175; с. 67]. В этом отчете хорошо отражены его наблюдения относительно местной администрации. По вопросу об управлении в казахских аулах автор отмечает высокую роль больших родов, которые стараются быть у руля власти: «Так как избрание всех лиц туземной администрации и суда производится по большинству голосов и таким же способом решаются поземельные вопросы на аульных или волостных съездах, то в волостях с киргизами разных родов всю власть захватывает та родовая группа, которая наиболее многочисленна». Далее К. Пален указывает на своевластие таких родов: «Подчиняя себе представителей как судебной, так и административной власти, она обращает меньшинство в безправных людей». Кроме того, автор обращает внимание на то, как родовое отношение способствовало на несправедливость в казахских аулах. По этому поводу сенатор пишет следующее: «Народные судьи, управители и аульные старшины, дорожа своими должностями, как источником крупного дохода, служат послушным орудием в руках более сильного рода, которому они обязаны своим избранием, и, кроме того, считают защиту интересов своих родичей во всех правых и неправых делах священной своей обязанностью» [175; с. 89].

Более того, К.К. Пален остро критикует практику выборов лиц «туземной» администрации. Он называет выборы «единственным способом добиться власти и богатства». А сами выборы состоят из подкупов, сговоров и применения «дозволенных и не дозволенных приемов». К таким мерам автор относит «прием новых членов, выделение новых кибиток, подкупы, подлоги в посемейных списках, заочное составление доверенностей от имени отсутствующих членов общества, баранта (угон) скота, похищение женщин, запугивание и даже лишение свободы избирателей противной партии или насильное недопущение их в место, назначенное для сбора аульного съезда, наконец, ложные обвинения и фиктивные иски» [175; с. 98].

Вопрос о материальном обеспечении представителей местной администрации в казахском обществе также не остался без внимания сенатора Палена. По его информации, волостным управителям по закону в год

предусматривалось не больше 500 рублей, тогда как аульному старшине – 200 рублей в год. Писари в год получали от 200 до 240 рублей. Волостные писари, которые по сообщению автора почти не были знакомы с русским языком и знали лишь туземный язык, имели жалованье в год от 50 до 105 рублей. А джигиты-рассыльные получали в год от 100 до 150 рублей, хотя эта сумма предназначалась еще и на содержание лошади. Аульные старшины имели жалованье в год от 40 до 200 рублей, однако по сведениям Палена, в Семиреченской области вознаграждение аульных старшин было в среднем 90 рублей [175; сс. 104-106].

В данном вопросе о материальном вознаграждении государственных служащих граф К.К. Пален явно выражает свое сожаление о том, что все жалования имеют небольшие размеры. Более того, необходимо также учитывать то, что некоторым чиновникам данные суммы недостаточны на наем писаря или рассыльного. Следовательно, сенатор приходит к мысли, что именно маленькие размеры вознаграждений являются основными причинами частой смены должности и отсутствия «опытных и надежных» служащих в управлении [175; с. 107].

Кроме того, сенатор К.К. Пален, анализируя данные «туземное» и русское сельские управления, сравнивая их между собой, указывает на многие их недостатки. Следовательно, в конце данного отчета, в числе своих предложений, он представляет идею «соединить русские селения в административном отношении с туземными волостями, во главе этой организации поставить назначаемого правительственной властью русского волостного старшину» [175; с. 199]. То есть, К. Пален предлагает объединить казахские и русские сельские управления и в качестве старшины назначить русского волостного управителя. Согласно этой идее, существующая система «туземной» администрации потеряла бы еще одно звено управления, а именно низовое, где казахам были даны права быть избранными.

Следующий отчет Паллена, представляющий научный интерес – *«Городское управление. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером графом К. К. Паленым»*. В данном отчете подробно представлены города Семиреченской области, их образования и положения, сиротские суды и список старост в уездных городах области. В списке городских старост и их помощников в уездных городах Семиреченской области фигурирует имя казаха А.А. Мухамадиева. Он был помощником городских старост в городе Копал и на этой позиции получал 200 рублей жалованья [176; с. 263]. И это сведение, несмотря на то, что в данном отчете почти нет других сведений о казахском чиновничестве, имеет особую важность. Следовательно, по этим данным мы можем утверждать, что в Семиреченской области в городских управлениях имелись казахские служащие.

Достоинством отчетов Паллена стал и факт рассмотрения им состояния уездных управлений, а именно *«Уездное управление. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером графом К. К. Паленым»*. Данный отчет содержит подробное

описание уездов Семиреченской области. Здесь хорошо отражены сведения о территориях, населении уездов и административном штате уездных управлений. При рассмотрении состояния и штата уездных управлений сенатор К. Пален отдельно выделяет работу переводчиков. По его наблюдениям, в Семиреченской области почти все переводчики являются выходцами из местного населения. В их услугах были вынуждены пользоваться уездные управители, так как сами не знали «туземных наречий».

Сенатор Пален, описывая круг обязанностей письменного и словесного переводчика, обращает внимание на то, что в действительности их полномочия иногда могут меняться. Автор утверждает, что бывают случаи, когда письменный переводчик выполняет устные переводы, а словесный переводчик справляет должности других служителей. В качестве примера Пален приводит случаи, когда словесный переводчик в Копальском уезде самостоятельно производил дознания и расследования, а в Верненском уезде даже заведовал делопроизводством по воинскому присутствию [177; с. 53].

Также в данном отчете Палена автор отмечает, что размер жалованья письменного переводчика составляет 800 рублей, а словесного переводчика – 400 рублей в год. В связи с этим, граф К. Пален предлагает приравнять как престиж, так и размер жалованья двух видов переводчиков. Кроме того, он считал нужным повысить размер их материального обеспечения, поскольку это могло служить стимулом для замещения должности переводчиков «вполне подходящими лицами» [177; с. 53].

Следующий отчет Палена – *«Областное управление. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленым»*. В данном отчете Палена хорошо отражены основные сведения о Семиреченской области. В частности, ее территория, население, административное устройство и штат областного правления. Здесь для нас представляет интерес сведения о штате служителей областного органа власти, где мы можем найти информации о количестве казахов-чиновников.

Так, по сообщению Палена, в областном правлении Семиреченской области на момент ревизий работали всего 36 чиновников, среди которых были только два казаха. Они оба были переводчиками [178; с. 110].

Таким образом, в отчетах графа Палена были отражены некоторые вопросы становления казахского чиновничества в Семиреченской области. И эти данные выступают для нас источниками по данной проблеме. Относительно ценности данных источников можно привести следующие доводы. Во-первых, все книги сенатора К. Палена были подготовлены синхронно, почти в одно время. Во-вторых, все отчеты были составлены под единым руководством К. Палена. И, наконец, в третьих, каждый отчет является отдельным исследованием и содержит подробное описание рассматриваемого вопроса. К тому же, эти отчеты кардинально отличались от результатов предыдущих ревизий. Известно, что до К. Палена еще в 1882-1883 гг. в данном регионе была

ревизия под руководством Ф.К. Гирса. Однако, его отчет составил только одну книгу и не был таким объемным и системным [174; с. 127].

В качестве еще одного довода относительно ценности отчетов К. Палена можно привести научные взгляды известного историка университета Оксфорда Александра Моррисона. В своем исследовании об итогах работы ревизии сенатора Палена английский ученый сравнивает деятельность двух комиссий под руководством Гирса и Палена соответственно. Он указывает на тесное сотрудничество Ф.К. Гирса с генерал-губернатором М.Г. Черняевым. Этот момент, в свою очередь, может дискредитировать деятельность «ненавистного предшественника» М. Черяева – К.П. Кауфмана. Исходя из этого, автор выразил свое недоверие к результатам ревизий Гирса, сомневаясь в объективности его проверки региона. Именно поэтому А. Моррисон добавляет: «В отличие от комиссии Гирса, ревизия К.К. Палена была действительно независима от местной администрации, и подготовленный ею многотомный отчет является фундаментальным источником для нашего понимания системы функционирования колониальной администрации в Туркестане накануне революции 1917 года» [213; с. 48].

С другой стороны, необходимо также учитывать односторонний аспект данного вопроса. Граф Константин Константинович Пален был опытным государственным деятелем, тайным советником и сенатором в Российской империи. Следовательно, при любых обстоятельствах, его позиции и суждения не были максимально объективными. Как лично его субъективные, так и по «Особому наставлению», регламентировавшее деятельность комиссии, он не мог отойти от основной позиции правительства. Именно поэтому мы не можем утверждать, что отчеты Палена являются объективными и разносторонними. Тем не менее, мы признаем, что в истории казахского чиновничества Семиреченской области данные отчеты выступают как один из важных источников. Они служат источниковой базой для многих аспектов истории Туркестанского генерал губернаторства, их структуры и особенностей.

6. К шестой группе источниковой базы относятся материалы местных официальных периодических изданий. Дореволюционные газеты «Семиреченские областные ведомости», «Туркестанские ведомости» и «Слово» имеют очень ценные сведения о характере, численности и особенностях казахских чиновников, которые служили царской власти. Встречающиеся в них информации о казахском чиновничестве в области отличаются своей разнообразностью и отражают определенные позиции.

Например, газета «Семиреченские областные ведомости», изданная в 1870-1917 годы в центре Семиреченской области – в Верном, выходила в свет в двух частях [214]. Ее официальная часть содержала правительственные распоряжения, циркуляры, приказы или ордера, изданные областным правлением или другими вышестоящими государственными органами или лицами. В них часто печатались статьи, касающиеся численности, должностей или деятельности казахских чиновников. Особый интерес представляет раздел «Местный отдел», где печатались разные циркуляры, приказы по вопросам

«туземной администрации». Списки утвержденных военным губернатором волостных управителей публиковались в обязательном порядке. Также газета периодически представляла информации по утверждению или отклонению, устранению от должности или вступлению, замещению или увольнению от службы разных чиновников области.

Также большой интерес представляет вопрос о русско-туземных школах и гимназий в области. Эта проблема широко освещалась на страницах газеты «Семиреченские областные ведомости» в начале XX века. В них печатное издание пропагандировала преимущества светских учебных заведений в Туркестанском регионе. В этих сведениях можно встретить данные о характере или мотиве казахских выпускников названных образовательных учреждений, которые стремились занять определенные должности в системе управления области.

Аналогичные статьи и материалы часто встречаются и на страницах газет «Туркестанские ведомости». Тут необходимо заметить, что все они являются государственными печатными изданиями. Соответственно, те сведения и позиции, которые они несут, являются официальными.

Кроме того, проблема выборов на должности в общественное управление в Семиреченской области была частично затронута и на страницах газеты «Слово», которая издавалась в Санкт-Петербурге с 1903 по 1909 годы. Например, в № 508 газеты от 1908 года известный казахский общественный деятель Серали Лапин публикует свои мнения относительно отрицательных преобразований, имевших место в Туркестанском регионе с приходом в край русской власти. В данной статье Серали Лапин отмечает множество общественных проблем, среди которых был вопрос о выборных началах, введенных царской властью в 60 годы XIX века. С. Лапин, критикуя местную администрацию в Туркестане, допускает мнение, что выборная система внедренная в регион была создана «с особым замыслом обречь народ на самоуничтожение». В дополнении он указывает на произвол и подкупы со стороны чиновников местной власти [215].

Также стоит добавить, что к данной категории источников относятся и материалы, опубликованные на страницах журнала «Айқап» и газеты «Қазақ» в начале XX века. В них, как известно, отразились многие проблемы жизни Казахской степи. Среди подобных проблем часто указывались произвол и коррупционность казахских чиновников, раздробление народа во время процесса избирания волостного управителя, а также другие проблемы общества, связанные с системой местного самоуправления в Семиреченской области и Казахской степи в целом. Кроме того, в отдельных статьях печатались позиции казахского народа по отношению к тем или иным административным преобразованиям в степи.

7. Седьмую группу официальных источников по проблеме казахского чиновничества в Семиреченской области составляют опубликованные источники. К ним относятся ранее неопубликованные архивные материалы, извлеченные отечественными учеными и введенные в научный оборот. Они

являются ценными источниками по данной исследуемой теме. Например, в сборнике документов «История Казахстана в русских источниках» по республиканской программе «Культурное наследие», составленном археографом Б.Т. Жанаевым, продемонстрированы «алфавитные, именные, формулярные и послужные списки» лиц из казахской кочевой элиты, которые находились на службе царской России в XIX – начале XX веков [179].

Особо стоит выделить сборники документов и монографии в документах, составленных группой отечественных ученых под редакцией исследователя Г.С. Султангалиевой. Они являются, несомненно, уникальными опубликованными источниками, так как включают в себя архивные материалы, касающиеся структуры и механизма казахского чиновничества всей Казахской степи. Включенные в него архивные сведения отлично демонстрируют нам процесс кооптации казахских чиновников в единую имперскую административную систему [70]. В другом ее сборнике имеются архивные материалы о волостях и волостных управителях, впервые введенные в научный оборот и раскрывающие все особенности института волостных [71]. Также под редакцией Г.С. Султангалиевой имеется еще монография в документах про казахское дворянство XIX – начала XX веков. В нее включены архивные материалы, которые демонстрируют «пути вхождения казахов в привилегированное сословие Российской империи» [72]. Таким образом, данные сборники позволяют взглянуть на проблему казахского чиновничества более комплексно.

8. Восьмую группу источников составляют материалы устного народного творчества. В казахской степи акыны-поэты всегда были неотъемлемой частью общественно-политических событий в обществе. Следовательно, они в своем творчестве всегда отражали собственные реакции на определенные явления и решения. Поэтому их творчество, а именно, разные произведения, содержащие позиции авторов по отношению к определенным лицам или событиям, также могут быть ценными источниками информации.

Здесь следует отметить, что для общего понимания особенностей казахского чиновничества в Казахской степи в целом, нам важны литературные произведения акынов времени «Зар заман». Они в своем творчестве, как свидетели того времени, непременно отражали свои видения, позиции по отношению к казахскому чиновничеству. При анализе их произведений нетрудно заметить, как акыны периода «Зар заман» резко осуждают стремления представителей казахского населения к занятию должностей, получению чинов и других наград. Они критикуют также деятельность волостных управителей и народных судей, обвиняя их в коррупции. При этом необходимо заметить, что подобные реакции акынов на систему местного самоуправления носят повсеместный характер [216].

Что касается проблемы непосредственно участия представителей казахского населения в управленческих делах империи в Семиреченской области, то здесь очень большую источниковую ценность для нас представляют произведения акынов, поэтов-импровизаторов, которые стали свидетелями

событий на территории Семиреченской области во второй половине XIX – начале XX века.

В итоге по проблеме взаимодействия казахской кочевой элиты с царской властью в Семиреченской области определенные ценные сведения содержатся в сочинениях, произведениях таких акынов, как Суюнбай Аронулы, Бактыбай Жолбарысулы, Жамбыл Жабаев, Гали Орманов, Ильяс Жансугуров и других акынов. Данные литераторы были выходцами из Семиреченской области, и, следовательно, в их творчестве можно найти отдельные моменты по тому или иному вопросу казахского чиновничества в регионе. Так, если в песнях-импровизациях акына Суюнбая Аронулы можно заметить, как награды царской власти местным казахским чиновникам являются гордостью народа [217], то в произведениях Бактыбая Жолбарысулы он резко критикует деятельность местных волостных управителей [218]. Поэт Жамбыл Жабаев также осуждает стремления казахов получить от царской власти разные чины и чекмены [219; с. 113]. Уже в начале XX века семиреченские письменные поэты Ильяс Жансугуров [220; с. 211] и Гали Орманов [221] также выступают критиками казахов, находившихся на службе в системе местного управления Семиреченской области. Они отмечали волостных управителей и народных судей угнетателями своего же народа и в своем творчестве резко осуждали их склонность к взяточничеству.

Таким образом, материалы устного народного творчества семиреченских акынов и поэтов, являвшихся свидетелями административных, социально-культурных преобразований в регионе, являются ценными источниками. Их произведения отражают определенные позиции и исторические реалии. Кроме того, сочинения таких семиреченских литераторов дают возможность создать образ казахских чиновников, раскрыть их внутренний мир, взаимодействие с региональной администрацией, услышать голос «изнутри» и взглянуть на проблему с другого ракурса.

9. Следующую группу источников составляют произведения представителей казахской интеллигенции в начале XX века. В трудах А. Бокейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова, С. Торайгырова, М. Жумабаева и других представителей-алашордынцев нередко встречаются их взгляды по отношению к системе местного самоуправления в Казахской степи. Их модернизированные идеи по совершенствованию текущей системы местного самоуправления отражены в статьях и книгах. В связи с этим подобные произведения являются очень ценными источниками, так как позволяют нам глубже понять проблему казахского чиновничества в Казахской степи в начале XX века.

10. К последней группе источниковой базы более неофициального характера относятся материалы устной истории. Известно, что материалы устной истории обладают своеобразными ценными сведениями и могут послужить источниками по тем или иным историческим событиям.

В ходе выполнения данной исследовательской работы автором были проведены полевые работы по сбору материалов устной истории на территории

современной области Жетысу. В результате были найдены уникальные рукописи, которые содержат сведения о Танеке батыре и его потомках. Как известно, сам Танеке Дусетов и его сыновья Есимбек и Кожабек находились на государственной службе в составе имперской системы управления. Сам Танеке батыр был бием рода Матай племени Найман, а его сын Есимбек был волостным управителем Арасанской волости, а второй сын Кожабек – волостным Кульдей-джумаевской волости Копальского уезда [180; л. 11]. Они были казахскими чиновниками, у которых были свои особенные отношения с колониальной властью и своим казахским народом.

Данная рукопись в настоящее время хранится у правнука Танеке батыра – Жаната Есимбекова, проживающего в селе Капал нынешней области Жетысу. Содержание рукописи содержит генеологическую, хронологическую цепь сведений о Танеке батыре и его сыновьях, которые, будучи казахами, служили царской России. Следовательно, данный материал имеет определенную ценность в плане источника для настоящей исследовательской работы.

Таким образом, анализируя материалы, содержащие как официальные, так и неофициальные сведения о казахском чиновничестве в Семиреченской области, мы пытаемся создать их объективный образ на основе разнообразных, взаимодополняющих материалов. Можем определить их основные манеры поведения, численность, особенности служения власти, а также другие особенности их деятельности в составе административной системы управления.

В заключение можно утверждать, что источниковая база по проблеме казахского чиновничества в Семиреченской области во второй половине XIX – начале XX веков имеет очень своеобразный различный характер. Она охватывает архивные документы, официальные книги и справки, материалы отчетов, устное народное творчество и устную историю. Все они в разной степени являются уникальными и содержат в себе определенные ценные информации. Рассмотрение подобных всех источников, а также их сравнение, сопоставление между собой даст возможность смотреть на проблему максимально разносторонне.

2 ВКЛЮЧЕНИЕ КАЗАХОВ СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ НА СЛУЖБУ В СИСТЕМУ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

2.1 Создание должностей в системе местного управления и условий службы

Общеизвестно, что каждая империя после присоединения к себе новой территории пытается установить в ней полный контроль. Для укрепления своей позиции империя предпринимает разные попытки преобразовать те или иные аспекты жизни колонизированных. Следовательно, на новой территории метрополия проводит разные политико-экономические, административно-территориальные реформы.

Одной из таких реформ можно назвать установление в колонии новой административной системы, которая соответствовала бы административной структуре метрополии. При этом данная новая система должна привлечь минимальные имперские ресурсы и в то же время показывать эффективность в управлении. С учетом того, что центральная власть находится далеко от колонии, тут такой тип удаленного управления имеет очень важное значение.

В связи с этим, империями принимаются разные методы: от установления сотрудничества с местной элитой, аристократией до полного преобразования системы местного управления. Чаще всего империи практикуют инкорпорацию местной знати в качестве коллабораторов в общее имперское административное звено.

Подобные меры были приняты и Российской империей по отношению к своим колониям в Центральной Азии и Казахстане. В настоящей части нашей работы попытаемся проанализировать ход и результаты действий царской власти на территории Семиреченской области по инкорпорации представителей местного населения в единую имперскую систему. Для этого очень важно рассмотреть законодательные акты Российской империи по отношению к области и анализировать их аспекты по созданию должностей в местном самоуправлении.

Прежде всего, стоит отметить, что Семиреченская область для российского правительства была как привлекательной в плане геополитики и внешней экономики, так и, возможно, сложной для тотального контроля. Потому что, если в начале образования области ее территория составляла 293 970 кв. верст [222; с. 1], то в начале XX века – была уже 346 960 кв. верст. Такая площадь была настолько объемной, что она была больше территорий Румынии, Болгарии и Сербии вместе взятых [2; с. 3], и по географическому расположению она была расположена у границ Китая и среднеазиатских государств, по отношению которых у Российской империи были свои стратегические планы. И тут для царской власти очень даже важно было укрепить свой контроль в данном регионе.

А по своему этническому составу Семиреченская область была сложной, так как данный регион уже в это время был полиэтничным. На территории области, согласно официальной информации переписи населения 1897 года,

помимо казахов проживали и русские, украинцы, таранчи, сарты, татары и другие. Соответственно и конфессиональный состав тоже не был един: если 90% населения были мусульманами, то остальные 10% составляли представители православия и других религиозных объединений [3; сс. 12-13].

Именно поэтому, ввиду разнообразия и в то же время сложности управления областью, было очень важно создать чиновничий аппарат из числа казахов, которые в будущем могли служить России, и тем самым, с их помощью повлиять на те или иные внутренние и внешние дела в области, осуществить колониальную политику – в целом управлять семиреченскими казахами.

Как известно, в середине 60-х годов XIX века казахские земли потерпели существенные изменения. Казахи Семиречья уже в административном плане относились к новообразованной Семиреченской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства [209; сс. 1150-1151]. Центром области был город Верный. Сама область состояла из пяти следующих уездов: Верненский, Копальский, Сергиопольский, Токмакский и Исык-Кульский. Данные уезды, в свою очередь, делились на волости, а волости – на аулы. Таким образом, «Временные положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей» от 11 июля 1867 года ввели в степи новую пятиступенчатую систему администрации.

Во главе области стоял военный губернатор, а уезда – начальник. И военный губернатор, и уездный начальник имели свои правления с собственным штатом. Канцелярия областного правления включала должности военного губернатора, его помощников, вице-губернатора, трех начальников отделений и чиновников по особым поручениям. Представители казахского населения могли занять в данном управлении должность младшего чиновника по особым поручениям. Обычно на данную позицию назначали авторитетного в своем обществе казаха, у кого имелись как опыт управления обществом, так и определенный уровень образования. Их задачей в системе управления был «сбор и предоставление губернатору информации, адекватно отображающей социальные процессы». Кроме того, они по долгу своей службы занимались вопросами сохранения в регионе спокойствия, производили ревизии в волостях и аулах, разбирались в жалобах местных жителей на представителей локальной власти [69; сс. 654-655].

В уездном управлении в распоряжении начальника были два помощника. Старший из них назначался из числа русского офицерства. Младший же помощник назначался из представителей местного населения. Обычно на такую позицию ставили то лицо, который имел влияние на свое общество. Также часто на данную должность назначали представителя местной аристократии, у которого были определенные рычаги влияния на своих сородичей [223; с. 72].

Кроме того, не стоит забывать, что в обоих названных правлениях в штате состояли переводчики туземного и манчжурского наречий. Они выполняли обязанности письменного и словесного переводчиков. По своим способностям и уровням владения языками представители местного населения также могли

занять данные позиции, ведь на законодательном уровне для них не было никаких преград для исправления данных должностей.

Таким образом, из нововведенной новой системы управления две самые нижние ступени были отведены казахскому местному самоуправлению [1; сс. 283-285].

Волостью управлял волостной управитель, который также мог избираться сроком на три года. Его должен был утвердить в должности уже военный губернатор области. По Положению ему были положены начисления в 300 рублей, которые отводились на его жалованье и на наем себе письмоводителя.

Аулом управлял аульный старшина. Он мог избираться на три года, однако для него все же было обязательным утвердиться в должности со стороны уездного начальника.

И волостной управитель, и аульный старшина избирались на выборах, где также присутствовали вышестоящие должностные лица. На эту должность утверждали двоих: один по согласованию русского начальства был назначен на должность, другой – был кандидатом на его замещения в случаях смерти или другой необходимости. Также обоим казахским должностным лицам уездным начальником давались бронзовые знаки, которых они должны были носить при исполнении государственно важных дел. Другим отличием их была печать, которой они пользовались при исполнении для подтверждения своих решений [1; сс. 282-295].

И, самое главное, на законодательном уровне было утверждено, что на две подобные должности, на которых назначались казахи, могли избираться все казахи независимо от их родового, социального происхождения. Данный шаг еще более ослабил роль султанов в обществе и положил основу ментальной трансформации кочевого народа. Ведь данные изменения предоставили возможности и для простых казахов. Казахи, которые до этого не претендовали на должности, теперь уже, несмотря на их нечингизидское происхождение, могли участвовать в управленческих делах. Следовательно, изменения произошли и в сознании простого кочевого народа.

Кроме того, «Временные положения» затронули и судебную часть кочевой жизни казахов Семиречья. Согласно новым правилам уже в Семиреченской области действовали три вида суда – военный, общеимперский и народный. Если казахи совершали какие-либо антиправительственные преступления, то его дела рассматривались в военном суде. В случаях, когда дело касалось казахов и русских переселенцев, то данное дело производилось уже в рамках общеимперского суда. Народный суд же рассматривал дела только между казахами в обществе [1; с. 295].

Народных судей, как и согласно местной традиции, называли биями. Они же избирались на выборах одновременно с волостными управителями, и к тому же, на тот же срок. Биями могли быть только лица, никогда ранее не привлекавшиеся к уголовной или другой ответственности, имеющие отличные репутации и пользующиеся доверием своего общества. По возрасту позицию бия могли занять только лица старше 25 лет. Они определенного жалованья от

власти не получали, лишь могли претендовать на особые штрафы от принятых ими решений уголовных дел. Но этот тип вознаграждения их деятельности не мог быть выше одной десятой части стоимости иска. Также они получали от уездного начальника бронзовые знаки и печати установленного образца, которые использовали при выполнении своих служебных обязанностей. Число народных судей в одной волости должно было быть как минимум четыре, но не превышать количество аулов волости.

Бии на местном уровне могли принять вердикт по делам, ценностью не выше 100 рублей. Иски, стоимость которых превышает данную сумму, уже рассматривались в рамках съезда биев всей волости, на котором участвовал сам волостной управитель. Они могли принять решение по делу ценностью до 1000 рублей. Также существовали чрезвычайные съезды биев, в которых бии волости рассматривали дела, касающиеся казахов двух или нескольких волостей уезда. В таких случаях сам уездный начальник должен был принять участие в судебных заседаниях. Все судебные разбирательства в них руководствовались нормами обычая.

В начале каждого года биям уездным начальником предоставлялась книга, в которой они должны были вкратце записывать те или иные их решения. Уже в конце года она должна была быть возвращена уездному начальнику, потому что на следующий год была предусмотрена другая новая книга для записи вердиктов народных судей [1; сс. 298-300].

Таким образом, несмотря на то, что народные судьи не были обеспечены царской властью фиксированными жалованиями, они имели другие атрибуты власти. Их бронзовые знаки и печати могли подчеркивать достоверность их службы в системе управления. К тому же, они были частью избирательного процесса, все их данные обязательно указывались в баллотировочных листах. Также регулярное их нахождение в списках лиц, избранных для «туземной администрации», объясняет их статус чиновника.

Кроме того, в кочевых обществах Туркестанского генерал-губернаторства образовались определенные нормы, по которым производились административные дела. Несмотря на это, в 70-х годах XIX века перед царской властью встал вопрос об унификации административной системы региона с общеимперской. С этой целью в 1871 и 1873 годах администрацией Туркестанского генерал-губернаторства были разработаны проекты по управлению данным краем [143; сс. 1-3]. Все изменения по отношению к местному самоуправлению, отраженные в предложениях данных проектов, непосредственно касались казахского чиновничества в Семиреченской области, входившей в этот период в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

Так, первый проект по управлению Туркестанским краем 1871 года предлагал разделить волости не на аулы, а на округа. Соответственно, аульный старшина должен был называться окружным старшиной. Самое главное отличие данного проекта было в предоставлении больших полномочий и прав волостному правителю, чем в действующем положении.

Второй проект 1873 года также предлагал привлекать больше представителей местного населения в управленческие дела региона. Он предпринимал попытки подвести административные нормы края к общеимперским стандартам. Проект предложил разделить волости на аулы, в которых, конечно, управляли аульные старшины [143; сс. 12-14].

Однако, царским правительством оба проекта по управлению Туркестанским краем были отказаны в реализации [143; с. 20]. Имперская власть, опасаясь разных реакции со стороны местного населения и из-за их недоработанностей, отвергла данные изменения. Предложенные в них идеи по совершенствованию местного самоуправления в крае, ровно также как и все другие части данных проектов, не нашли себе поддержки со стороны государственного аппарата.

Также стоит отметить, что во второй половине XIX века у царского правительства была переменная позиция по административному управлению Семиреченской области. Поэтому вопрос о ее нахождении в составе какого генерал-губернаторства зависел от действующих на тот момент политических реалий. Данную область относили сначала к Туркестанскому, затем – к Степному генерал-губернаторству. Здесь ее передача в состав Степного генерал-губернаторства была продиктована стратегическими мерами политики Российской империи на приграничных с Китаем территориях. Таким образом, 18 мая 1882 года Семиреченская область была передана в состав Степного генерал-губернаторства [210; сс. 211-212]. Все элементы казахского чиновничества в области сохранились в соответствии с Положениями 1868 года.

Однако, 25 марта 1891 года вышло новое «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей», более известное как «Степное положение» [224]. Теперь по новому Положению Семиреченская область состояла из шести уездов: Верненский, Копальский, Джаркентский, Лепсинский, Пишпекский и Пржевальский. Также согласно этим реформам система местного самоуправления в данной области в целом осталась без изменений, за исключением лишь отдельных доработок. В частности, произошли незначительные изменения по части процесса выборов волостного управителя и размеров жалованья казахских чиновников.

Так, согласно «Степному положению», одним из изменений было наличие в нем примечания к 63 статье об особом праве министра внутренних дел. Он имел в исключительных случаях право замещать волостного управителя без организации каких-либо избирательных на то процессов.

Второе изменение касалось размера положенных жалований аульному старшине и волостному управителю. Например, аульному старшине установили размер жалованья, не превышающий 200 рублей в год. А волостному управителю отводилось от 300 до 500 рублей как жалованье и еще от 300 до 400 рублей выделялось на наем писарей и рассыльных. Теперь стала применяться дифференцированная техника назначения им жалований. Размеры их жалованья начали варьироваться в зависимости от площади, численности

кибитковладельцев в волостях. При этом жалованья как волостного управителя, так и аульного старшины производились из общественной раскладки [143; сс. 73-75].

Здесь можем увидеть, что по сравнению с Временными положениями 1867-1868 годов теперь у волостных управителей повысились размеры жалованья. А также судя по тому, что теперь волостному управителю разрешалось нанимать себе писаря и рассыльного, то создается впечатление, что полномочия и круг обязанностей волостного управителя более расширились.

В судебных делах кочевого общества области также были определенные изменения по сравнению с реформами 1867 года. Теперь, согласно «Степному положению» 1891 года, отдельные критерии избрания бия изменились. Во-первых, уже точно было уточнено количество биев в волости. Теперь было обязательно иметь одного бия на один аул. То есть, количество биев волости соответствовало количеству населенных аулов. Во-вторых, были повышены требования в плане возрастного ценза к позиции народного судьи. В частности, пороговый возраст для занятия должности народного судьи был поднят с 25 до 35 лет, ровно на десять лет. Но, в то же время, новые положения установили большие исключения к выпускникам курса любого русского учебного заведения. Им предоставлялось право быть избранными на должность народного судьи уже с возраста 20 лет. Данная мера, согласно официальным данным, была направлена на улучшение состава народных судей [1; сс. 90-91]. По другим моментам, многие положения о народном суде остались неизменными еще с «Временного положения» 1867 года.

К концу XIX века позиция Семиреченской области как административно-территориальной единицы империи также была пересмотрена. В связи с обострением геополитической напряженной ситуации на территории Центральной Азии между Российской и Британской империями, царское правительство приняло решение вернуть Семиреченскую область в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Так, 1 июля 1899 года, согласно именному высочайшему указу Правительствующего сената от 26 декабря 1897 года данная область была «возвращена» обратно [212; сс. 133-147].

Однако, интересная ситуация сложилась в Туркестанском генерал-губернаторстве после присоединения к нему Семиреченской области. В регионе действовали сразу три Положения. Сам край действовал на основании Положения 1886 года, тогда как Семиреченская область подчинялась «Степному положению» 1891 года, а Закаспийская область была под юрисдикцией «Временного положения об управлении Закаспийской областью» 1890 года [142; с. 175]. Это создало много проблем в административном отношении. Следовательно, для региона важно было выработать единую систему административной системы. Для этого необходимо было разработать новые проекты по управлению Туркестанским краем.

Таким образом, в начале XX века целых два раза были созданы Особые комиссии, которые были направлены на разработку эффективных методов управления краем. Первая комиссия 1902 года и вторая 1907 года предлагали

свои изменения по вопросу администрирования Туркестанского региона. Среди них имелись и предложения, касающиеся волостных правителей. Так, первая комиссия для эффективного управления генерал-губернаторства предлагала увеличить численность штата администрации и размеры их жалований. Главным ее предложением была отмена выборной системы среди местного населения, которая рассматривалась как «вредной во всем отношениях». Поэтому почти все члены выступили за назначение казахских чиновников краевой администрацией [142; с. 191].

А вторая комиссия особых коррекций не внесла, лишь систематизировала отдельные моменты предложений первой комиссии. Однако, идеи и инициативы, указанные в отчетах двух названных Особых комиссий, не получили поддержки и были отправлены на доработку [143; сс. 11-12]. Их предложения не соответствовали требованиям и ожиданиям царского правительства.

Не исключено, что неудовлетворительные результаты работ Особых комиссии по разработке эффективных предложений по управлению Туркестанским краем спровоцировали отправку в Туркестанский регион ревизующего в лице сенатора графа К.К. Палена. Он вместе со своими двадцатью помощниками более двух лет всесторонне изучал регион. В результате его наблюдения в виде отчета были оформлены в 15 книгах, а приложения к отчетам – в 3 книгах [142; сс. 197-199]. Данные книги содержали очень много сведений касательно проблем всех уровней административной системы региона. Среди них имелись его отчеты и предложения и по волостному и аульному управлениям, которые он представил правительству.

Таким образом, по результатам ревизии сенатора К.К. Палена была образована следующая третья Особая комиссия в 1910 году. Она также была нацелена на выработку результативных методов по управлению регионом. После продолжительных дискуссий в 1912 году Совет министров утвердил основные направления реформирования управлений региона, в том числе и местного самоуправления [143; с. 16].

В дальнейшем все работы по совершенствованию управления Туркестанским регионом, а также по выработке продуктивных методов администрирования в крае продолжились. Однако, все они были либо отправлены на доработку, либо вообще отвергнуты. Затем уже начало Первой мировой войны и частая смена руководства Туркестанского генерал-губернаторства также повлияли на ход работ по разработке проекта по управлению Туркестанским краем. Именно поэтому 1 июля 1916 года Туркестанский генерал-губернатор Ф.М. Мартсон (1914-1916 гг.) был вынужден признать, что дальнейшая работа по разработке проекта по управлению Туркестанским регионом уже не представляется возможным. В качестве причин он указал отсутствие необходимых материалов и ресурсов в краевой администрации. Хотя, пришедший на его место 22 июля 1916 года другой генерал-губернатор А.Н. Куропаткин (1916-1917 гг.) предпринимал попытки возобновить работу по разработке проекта. Он хотел завершить начатое дело и

наконец-то реформировать вверенный ему регион. Однако, как известно, следующий 1917 год ознаменовался распадом империи и в новых условиях данные работы уже вообще не были проведены [143; сс. 16-17].

Кроме того, при изучении вопроса создания должностей в системе местного управления в Семиреченской области необходимо обратить внимание на проблему административно-структурных изменений в управлении. Данные изменения происходили на местном уровне внутри области. Местная власть использовала дифференциацию в структуре административного устройства области. Особенно они касались состава уездов области и количества волостей, относящихся к ним. Данные меры, с одной стороны, предпринимались для эффективного управления населением области. С другой стороны, они были продиктованы реалиями того времени на территории Семиреченской области. В связи с этим, интересно будет посмотреть на состав и количество волостей в уездах области. Ведь в кочевых волостях представители казахского населения могли быть чиновниками на локальном уровне. Следовательно, предоставится возможность увидеть предпосылки и условия создания определенных волостей и соответственно должностей волостных управителей.

Как уже выше было сказано, в период образования Семиреченской области в ее составе были пять уездов. В каждом из них были кочевые волости, где проживали коренные жители региона. В 1867 году количество таких кочевых волостей в Верненском уезде было 17, в Копальском 13, Сергиопольском 13, Токмакском 19 и в Иссык-Кульском 6 волостей. Итого в области существовали 68 волостей [225; с. 80]. Как свидетельствуют исторические источники, в дальнейшем до начала XX века наблюдается только рост количества таких волостей в области. Например, если уже через три года в 1870 году их количество составляло 69, то в 1885 году было 91 [226; с. 5], в 1895 году – 106 [227; с. 2], а в 1900 году – 145 волостей [228; с. 5]. Таким образом, за более чем четверть века количество волостей увеличилось более чем в два раза. Соответственно, количество должностей при волостях, которых могли занять представители местного населения, также возросло.

К тому же на рост количества волостей повлияли и другие структурные изменения. В частности, к пяти уездам добавился Джаркентский уезд. Он был образован в 1882 году за счет присоединения западной части Илийского края в состав Российской империи согласно Санкт-Петербургскому договору 1881 года. Также в начале 90-х годов XIX века центр Сергиопольского уезда был перенесен в город Лепсинск и преобразован как Лепсинский уезд, тогда как Токмакский и Иссык-Кульский уезды были переименованы в Пишпекский и Пржевальский уезды соответственно [224; сс. 21-22]. Таким образом, после принятия «Степного положения» в Семиреченской области уже было шесть уездов: Верненский, Копальский, Джаркентский, Лепсинский, Пишпекский и Пржевальский. Следовательно, в связи с ростом количества волостей также расширилось количество должностей для местного населения.

С другой стороны, в конце XIX века были указаны официальные причины столь стремительного роста количества кочевых волостей. Согласно ним,

имеются две причины к такой тенденции. В качестве первой причины указывается естественный рост населения области, следовательно, за счет этого наблюдается увеличение числа кочевых волостей. Ко второй причине относится искусственное раздробление волостей местными элитами для реализации своих партийных, карьерных интересов на выборах лиц «туземной администрации». Если учесть, что обычно процесс переучета кибитковладельцев происходил именно за год до выборов должностных лиц волости. Именно тогда определенные влиятельные лица способствовали к искусственному увеличению числа кибитков или аулов, впоследствии образуя уже новые волости. Согласно версии колониальной власти, вот в подобных новообразованных волостях затем они уже могли осуществить свои реальные намерения [226; с. 5].

Однако в начале XX века идет некий спад количества кочевых волостей. Это может вызвано пересмотром местной власти своих позиции по отношению к кочевым волостям. Царской властью начались предприниматься попытки по сокращению количества таких волостей. Вследствие этого, за пять лет с 1900 по 1905 годы их количество в области уменьшилось со 145 до 125 на двадцать волостей [229; с. 7]. Например, в 1903 году количество волостей в Семиреченской области было 142, соответственно было столько волостных управителей. Таким образом, количество волостных управителей было на три меньше по сравнению с Сырдарьинской областью, однако, почти в два раза больше, чем в Самаркандской области, и на 42 позиции больше, чем в Ферганской области Туркестанского генерал-губернаторства [230; л. 18].

По этому поводу отношение царской власти хорошо отражено на страницах «Обзора Семиреченской области» за 1906 год. В них сообщается, что: «Местная администрация почти постоянно принимает меры к предупреждению дробления волостей, вредно оказывающегося на благосостояния кочевников, вследствие большой для них тяготы при отбывании земских повинностей, больших расходов на содержание должностных лиц и проч., но предупредить это зло не всегда удается, в некоторых случаях удовлетворение ходатайств об образовании новой самостоятельной волости является единственным средством для достижения успокоения среди волости и предупреждения кровавой расправы между враждующими партиями» [231; сс. 21-22]. Возможно, именно из-за таких позиции и ситуации сдерживать или уменьшить количество кочевых волостей в дальнейшем уже было невозможно. Так, их количество снова увеличилось в последующие годы. Если таковых волостей в 1910 году было 138 [232; сс. 18-29], то уже в 1914 году было 151 волостей [233; с. 94]. Таким образом, количество кочевых волостей достигло своего наивысшего показателя с момента образования Семиреченской области. С увеличением количества волостей, в которых проживали представители местного населения, становится очевидным, что увеличился и штат должностей при волостях.

Таким образом, в Семиреченской области на уровне областного правления казахи могли занять должности чиновника особых поручений, письменного и словесного переводчиков, писарей. На уровне уездного правления – младших

помощников уездных начальников, переводчиков и писарей. На низовом же уровне казахи могли занять должности волостных управителей, народных судей и аульных старшин.

Также стоит отметить, что позиции волостного управителя, аульного старшины и народного судьи были гарантированы представителям местного населения на законодательном уровне. Однако, это несколько не означает, что казахи ограничились только данными должностями. Ведь в действительности, как показывают многие исторические источники, казахи в области могли занять также должности других чиновников в уездном и областном правлениях, назначаемых краевой администрацией. К ним можно отнести помощников уездного начальника, младших чиновников по особым поручениям военного губернатора, уездных фельдшеров, а также переводчиков во всех уровнях управления.

2.2 Роль учебных заведений в подготовке казахских чиновников

Одной из распространённых практик империй в управлении своими колониями было внедрение новой системы образования на завоёванных территориях. В мировой истории такая практика широко применялась европейскими державами в их колониях в Африке и Азии. В рамках постколониальных исследований вопросы, связанные с колониальным образованием и знаниями, стали предметом изучения многих теоретиков. Большинство из них сходятся во мнении, что колониальная система образования служила дополнительным инструментом контроля над колониями. Например, западный учёный Франц Фанон охарактеризовал колониальное образование как «попытку оторвать колонизированный народ от его традиционных образовательных систем и включить его в структуры колонизаторов». Исследователи Гейл П. Келли и Филипп Г. Альтбах описали эту систему как способ «укрепления иностранного управления» [233; сс. 1-5]. Эти работы подчёркивают значимость колониального образования для поддержания контроля над зависимыми территориями.

Подобная политика была направлена главным образом на усиление имперской власти и подготовку управленческих кадров, а также формирование новой местной элиты, лояльной интересам колонизаторов. Кроме того, такие меры способствовали созданию унифицированной модели управления в рамках всей империи. Эти мотивы характерны для всех империй, практиковавших внедрение колониальной системы образования.

Наиболее ярко основную цель внедрения колониальной образовательной системы всеми империями отражают слова английского политика и историка Томаса Маколея. Он говорил о колонизированных индусах Британской империи: «Мы должны сделать все возможное, чтобы создать класс, который станет посредником между нами и миллионами, которыми мы управляем; класс людей, индусов по крови и цвету кожи, но англичан – по вкусам, взглядам, морали и интеллекту» [234; с. 22]. Это высказывание, прозвучавшее в середине XIX века, ярко иллюстрирует сущность имперской политики. Более того,

данное утверждение можно экстраполировать на другие империи, реализовавшие аналогичные подходы в своих колониях.

Российская империя, подобно другим мировым империям, проводила собственную образовательную политику в колониях. В Казахской степи царское правительство внедрило колониальную систему образования, ориентированную на интересы империи. Основными задачами этой системы были подготовка местных управленческих кадров, разрушение традиционных форм образования, сглаживание сословных различий среди кочевых народов и формирование новой местной образованной элиты, лояльной царской власти. Таким образом, предполагалось создать сословие казахов, преданных интересам империи.

Реализация этой политики была невозможна без участия местных учебных заведений, которые играли ключевую роль в подготовке кадров на локальном уровне. Поэтому ответственность за выполнение этой задачи легла на данные учреждения.

Особый научный интерес вызывает роль учебных заведений Семиреченской области в процессе подготовки управленческих кадров из числа казахов. Какие из учебных организаций региона занимались обучением для местного административного аппарата? Как местное население реагировало на образовательные учреждения, созданные колониальной властью? Изменилось ли отношение казахов к этим институтам образования? В каких сферах общества и управления применяли свои знания выпускники? Какую пользу приносили их знания казахскому народу и обществу? Эти вопросы требуют глубокого и комплексного анализа, что подтверждает актуальность изучения роли учебных заведений Семиреченской области в подготовке казахских чиновников.

Учебные заведения, принимавшие участие в подготовке казахских управленцев в Семиреченской области, можно условно разделить на четыре типа. Их перечень представлен в хронологическом порядке и не отражает иерархии их вклада в подготовку местных кадров. Рассмотрим эти типы учебных учреждений:

1. Приходские училища, станичные школы;
2. Сельско-хозяйственные школы;
3. Верненская мужская гимназия;
4. Русско-туземные школы.

Ниже приведены попытки определить и охарактеризовать роль этих учебных заведений в контексте рассматриваемой проблемы. Такой анализ поможет глубже понять вклад каждого типа учреждений в подготовку казахских кадров и их влияние на формирование местной управленческой элиты.

Приходские училища, станичные школы. В начале становления Семиреченской области, входившей в состав Туркестанского генерал-губернаторства, в регионе действовали приходские училища и станичные школы, где обучались дети русских жителей. Казахские же дети получали образование преимущественно в мусульманских религиозных школах — медресе, то есть обучались отдельно от русских в негосударственных

учреждениях. Таким образом, казахские дети не были охвачены системой школ, организованных царским правительством.

С другой стороны, в тот период правительство не выделяло финансирование на образование детей из местного казахского населения, поскольку в этом не было особой необходимости. Казахи опасались различных последствий и не отдавали своих детей в русские школы, опасаясь русификации и принятия христианства, поэтому предпочитали обучать сыновей исключительно в традиционных мусульманских медресе [225; сс. 138-139].

Ситуацию стремился изменить Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, который первым в регионе забил тревогу и выступил за вовлечение казахских детей в обучение в русских школах с целью воспитания «полезных граждан» [225; с. 139]. Более того, он полагал, что только создав привлекательные русские школы для туземцев, можно увеличить их участие в образовательном процессе. По мнению К.П. фон Кауфмана, туземцы должны осознавать «необходимость для всякого рода общественной службы и деятельности» знаний, полученных в этих школах. Также генерал-губернатор призывал военных губернаторов принимать «настоятельные меры, чтобы туземцы, владеющие русским языком, выбирались и назначались на различные административные должности и службы, предпочтительно перед теми, кто не знает русского языка» [235; с. 145]. Эти высказывания ясно демонстрируют, на какие цели была направлена политика просвещения коренного населения.

В масштабах области военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский (1867–1882 гг.) поддержал и продолжил инициативы Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана, прилагая усилия для привлечения казахских детей в русские школы. Однако, несмотря на указания как со стороны генерал-губернаторства, так и областных властей, ситуация в уездах практически не изменилась. Именно в уездах располагались русские школы, в которые предполагалось привлекать казахских мальчиков, однако их посещение оставалось единичным и не носило массового характера. Исторические источники подтверждают, что даже там, где казахские дети и вовлекались в учебный процесс государственных школ, их количество оставалось крайне низким. Например, по данным Копальского уездного начальника Рейнталя от 19 января 1876 года, при Копальском приходском училище был открыт пансион для казахских детей, но численность воспитанников составила всего 15 человек [225; с. 139].

Кстати, можем твердо констатировать, что из 15 казахских учеников Копальского приходского училища, о которых сообщил генерал-лейтенант Рейнталь, двое были братья Турдыбек и Барлыбек Сыртановы. В ЦГА РК имеются документы, свидетельствующие об этом. Так, например, в одном из прошении переводчика туземных наречий при Семиреченском областном правлении Турдыбека Сыртанова военному губернатору Семиреченской области в 1902 году автор сначала описывал, как Г.А. Колпаковский призывал учиться в русских учебных заведениях: «Вскоре по водворении русского владычества и окончательном устройстве порядка управления в приилийском

крае, бывший военный губернатор Колпаковский, следуя предначертаниям устава о сибирских киргизах и озабочиваясь привлечением на государственную службу лиц из туземного населения, объявил последнему о неотложной необходимости обучать молодое киргизское поколение в русских учебных заведениях». Здесь Турдыбек Сыртанов указал, что именно представители его рода Найман первыми откликнулись на данный призыв областного начальника. Далее он отмечает: «Отцу моему Сыртану Бокину, как потомку рода Найман, в коем родоначальниками были мои деды и прадеды, бывшими военным губернатором генералом Колпаковским и уездным начальником полковником Реинталем, лично знавшими отца моего, был дан совет обучать своих детей, дабы сделать из них ревностных и верных слуг Белому Царю». Вследствие этого автор отмечал, что он и его брат Барлыбек «были помещены во вновь устроенный Копальский киргизский пансион» [236; л. 25]. Следовательно, убеждаемся в верности версии о том, что именно братья Сыртановы были в составе тех 15 первых казахских учеников, проживавших в пансионе при Копальском приходском училище.

Однако, в 80-х года XIX века ситуация начинает меняться. На примере количество казахских мальчиков, проживавших в пансионе Копальского приходского училища в 1883-1886 годах, мы можем проследить данную тенденцию.

Таблица 1.

Год	1883	1884	1885	1886
Количество русских учеников	7	4	5	5
Количество казахских учеников	10	12	14	13
Общее	17 [237; с. 47]	16 [238; с. 65]	19 [239; с. 68]	18 [240; с. 64]

Как видно из таблицы, в рассматриваемый период количество казахских детей в русских школах показывает незначительный рост или постоянный характер.

В Копальском приходском училище обучали основе грамотности, письменности и преподавали основные естественно-познавательные предметы. Их ученики по завершению обучения в училище могли продолжить свои обучения в гимназиях и других учебных заведениях области или за ее пределами. Тем не менее данное учебное учреждение стало альма-матером для многих чиновников области, которые позже служили в управлении региона.

Сельско-хозяйственные школы. С 1887 года царским правительством было решено упразднить пансионы и ученические квартиры, а также сами

приходские училища. На их базе планировалось создание трех сельскохозяйственных школ в Копале, Караколе и Джаркенте [241; с. 65]. Таким образом, на сцену народного просвещения области выходят уже новые типы школ вместо приходских училищ. Именно в таких школах затем стали учиться казахские дети.

Количество казахских мальчиков, обучающихся в сельскохозяйственных школах в Семиреченской области, в 1888 году составило в общем 19 человек. Из них в Копале было 13, в Джаркенте – 6 казахских учеников [242; с. 54]. К концу XIX века их количество было 17 и 4 казахских учащихся в Копале и Джаркенте соответственно [243; сс. 79-80].

В сельскохозяйственных школах в Копале и Джаркенте учеников обучали навыкам введения хозяйств. В зависимости от территориальных или природных особенностей расположения подобных школ, учащимся преподавались основы сельскохозяйственной деятельности. Кроме того, данные школы учили детей грамотности и преподавали самые первостепенные предметы. Таким образом, выпускники этих учебных заведений по окончании учебы могли как работать в разных сферах общества, так и продолжить свои образования в других учебных учреждениях империи. В качестве примера этому можно назвать случаи с Асылбеком Нысановым и Джуманом Тышкамбаевым. Они оба, окончив курсы Копальской сельскохозяйственной школы, согласно их прошению, устроились работать в системе управления. Первый из них, уроженец Ак-Ичкинской волости Копальского уезда Асылбек Нысанов, был определен «канцелярским служителем III разряда в Копальское уездное управление для письменных занятий» [244; с. 205]. А второй, выходец из Сарытавской волости Лепсинского уезда Джуман Тышкамбаев, удостоился аналогичной должности, но уже в своем родном уездном управлении – Лепсинском [245; с. 201].

Верненская мужская гимназия. Другим важным учебным заведением, внесшим большой вклад в подготовку казахских чиновников области, была Верненская мужская гимназия. Ее образование было заложено еще в проекте К.П. Кауфмана от 1874 года, который предусматривал открытие в крае семинарской школы и двух гимназий. Однако, его предложения были утверждены отчасти, только идея об открытии мужской гимназии в городе Верный получила одобрение от министерства финансов. Соответственно, 17 мая 1875 года вышло специальное повеление об открытии с 1 июля 1876 года Верненской мужской прогимназии [29; сс. 436-437].

Вначале она была создана как среднее образовательное учреждение с четырехклассным образованием. В 1879 году она была преобразована в шестиклассную, затем в 1881 году – в полную гимназию классического стиля с восьмиклассным образованием. Несмотря на то, что гимназия была образована с уклоном на гуманитарно-филологические направления, в учебном заведении детей обучали основам грамоты и письменности. В учебной программе также были естественно-научные и творческие предметы.

В 1877 году при гимназии учреждена ученическая квартира, которая позже преобразовалась в пансион. В данном пансионе вместе с другими учениками

казахские дети из разных отдаленных мест области также могли жить и учиться в гимназии. Ежегодно для казахских учеников отдельно выделялись специальные квоты на места в пансионе. Данные условия стали еще одним фактором стремления местных казахов отдать своих детей к обучению в гимназии. Хотя в начальные годы в отчетах гимназии было отмечено низкое желание местного народа в определении своих детей в этом учебном заведении [2; сс. 69-70].

К концу XIX века количество казахских детей, обучающихся в Верненской мужской гимназии, были в среднем на уровне 18-19 учеников. В «Обзорах Семиреченской области» за 1895-1899 годы количество казахских учеников гимназии показано в нижеследующей таблице.

Таблица 2.

Год	1895	1897	1898	1899
Количество казахских учеников гимназии	22 [227; с. 73]	19 [226; с. 62]	16 [246; с. 62]	17 [243; с. 75]

Несколько иная ситуация складывается в начале XX века. В это время сначала наблюдается увеличение количества казахских учеников гимназии, а затем ко второй декаде XX века – уже их количество резко сокращается. Например, в таблице ниже можно увидеть, как количество казахских мальчиков, обучающихся в гимназии, показывает незначительный рост по сравнению с показателями конца XIX века.

Таблица 3.

Год	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908
Количество казахских учеников гимназии	18 [228; с. 56]	23 [257; с. 52]	22 [258; с. 55]	21 [259; с. 47]	25 [260; с. 65]	22 [229; с. 103]	22 [231; с. 108]	20 [251; с. 104]	23 [252; с. 87]

В противоположность к данным сведениям можно привести количество казахских учащихся гимназии за 1909-1913 годы, где наблюдается значительный спад.

Таблица 4.

Год	1909	1910	1911	1912	1913
Количество казахских учеников гимназии	13 [253; с. 78]	14 [254; с. 105]	8 [254; с. 98]	14 [255; с. 99]	13 [256; с. 106]

Как видим из этих сведений, приведенных выше «Обзорами Семиреченской области» за указанные годы, количество казахских детей, обучающихся в Верненской гимназии, показывало с конца XIX века до второй декады XX века относительно стабильный рост. Однако, на рубеже первой и второй декад XX века ситуация резко поменялась. Уже удельный вес казахских мальчиков в составе обучающихся в гимназии сократился почти в два раза. Но тем не менее, выделенные 20 мест в «Киргизском пансионе» для казахских детей оставались неизменными в течение длительного периода в начале XX века. Отсюда возникает очень логичный и интересный вопрос о причинах такой тенденции. Так почему же количество казахских учеников резко сократилось? В чем причина? Эти вопросы, несомненно, требуют ответа. В исторических источниках не были найдены ответы на них. Поэтому ниже нами сделаны попытки найти ответы на данные вопросы. Для этого очень важно проследить динамику образовательной политики царизма в области, а также деятельность казахских выпускников гимназии в контексте истории Семиреченской области в начале XX века.

Так, в первую очередь, обращаем внимание на то, что казахские выпускники Верненской мужской гимназии активно были привлечены в разные деятельности в области. Особенно ярко их деятельность в управлении была отражена в источниках. Получившие «Аттестат зрелости» по завершению учебы в гимназии, многие выпускники имели разные возможности в продолжении своих учебных, карьерных деятельностей. Для них как минимум открылись двери многих административных учреждений в области, где они могли занять должности разных степеней. А самые успешные из них получили колоссальные возможности продолжить свои обучения в ведущих университетах Российской империи.

В качестве яркого примера этому можно привести Барлыбека Сыртанова. Окончив Верненскую мужскую гимназию в 1886 году, он продолжил свое обучение в Санкт-Петербурге. Там он поступил на факультет востоковедения Санкт-Петербургского университета [236; л. 26]. Данный факт даже был отмечен в «Обзоре Семиреченской области» за 1886 год как исторический момент, так как он был первым казахским выпускником гимназии [240; с. 63]. После окончания учебы он участвовал во многих административных делах области, занимал множество позиций в системе управления. Его яркая учеба и карьера проложила путь многим семиреченским казахским мальчикам. Вслед за ним последовала целая волна казахских учеников, которые также продолжили свои образования в ведущих университетах России и позже служили правительству.

Так, в качестве примера можно привести тех казахских выпускников гимназии, которые продолжили свои учебы в университетах Казани, Киева, Москвы, Санкт-Петербурга и Томска. Например, Сатылган Сабатаев после окончания учебы в Верненской гимназии в 1895 году поступил сначала в Московский Лазаревский Институт восточных языков, по окончании которого

имел чин 12 класса и занимал разные должности в административных структурах Семиреченской области. Более того, он позже окончил также Московский сельско-хозяйственный институт [257; сс. 231-235].

Стоит отметить и профессионального врача Жаксылыкова Ыскака, отучившегося в Верненской мужской гимназии в 1888-1896 годы. После гимназии он получил диплом Томского университета, где учился на факультете медицины. Он также был задействован в управленческих делах области [258; с. 34].

Тубек Исенгулов после окончания Верненской мужской гимназии в 1898 году тоже продолжил свое обучение в одном из ведущих учебных заведений империи. Получив диплом Казанского ветеринарного института в 1902 году, получил возможность поработать в структурах управления Семиреченской области [258; с. 32]. В данный институт в Казани поступил другой выпускник Верненской мужской гимназии Ибрагим Джайнаков. Однако, он не смог закончить данное учебное заведение из-за состояния здоровья. Поэтому был отправлен в родной край, где поступил на государственную службу в рядах Верненского уездного правления [259; с. 571].

Известный казахский инженер Мухамеджан Тынышпаев также был выпускником вышеназванной гимназии. Он там учился в период с 1889 по 1899 годы. После гимназии он в 1900-1905 годы отучился в Императорском институте инженеров путей сообщения имени Александра I в Санкт-Петербурге. При этом, стоит отметить, что туда он поступил благодаря ходатайству директора Верненской мужской гимназии М. Вахрушева. М. Тынышпаев также занимал административную должность – был начальником участка железнодорожной линии в южной части Семиреченской области [260].

Кроме того, стоит отметить выпускников гимназии 1911 года. В этом году Нусипбек Жакыпбаев и Базарбай Мамбетов окончили данное учебное заведение. Если первый из них затем отправился учиться в Киевский университет, то второй – поступил в Казанский университет. Н. Жакыпбаев в качестве врача и Б. Мамбетов как профессиональный юрист также служили государству. Они тоже были чиновниками в Семиреченской области [258; с. 32].

Стоит отметить и тот факт, что некоторые ученики Верненской мужской гимназии, не закончившие учебы по разным причинам, но освоившие основы грамотности и основные навыки и знания, также могли быть частью управленческой системы области. В качестве примера этому можно привести случаи Исы Тергеусизова, Турдыбека Сыртанова или Толембая Дуйсебаева. Несмотря на то, что они не получили «Аттестат зрелости» гимназии, все равно поступили на государственную службу и занимали должности разного ранга. По этому поводу Турдыбек Сыртанов пишет следующее: «по слабости здоровья и совету врачей должен был выйти из пятого класса гимназии, вполне довольный полученным мною свидетельством, давшим мне право поставить на действительную государственную службу и получить первый классный чин без экзаменов» [236; л. 26]. Данный факт явно свидетельствует о том, что непрошедшие полный курс обучения Верненской мужской гимназии тоже

вполне могли претендовать на службу в системе администрации области, если у них имелись базовые знания, навыки и свидетельства.

Более того, Верненская мужская гимназия пользовалась спросом и среди детей местных служащих. Казахские чиновники охотно пытались обучать своих детей в данной гимназии с надеждой на светлое карьерное будущее. Например, отставной губернский секретарь, много лет занимавший должности заведующего Копальского сельскохозяйственной школы, словесного, потом уже письменного переводчика в Копальском уездном управлении Семиреченской области Асылходжа Курманбаев в своем прошении военному губернатору области от 4 июня 1911 года отмечает, что, «желая дать воспитание своему сыну Султан-Галию», он просит определить его сына в гимназию. Кроме того, он в прошении не забывает указать и свои заслуги в государственной службе: «Смею надеяться, что Ваше Превосходительство, во внимание к моей многолетней и безупречной службе в Семиреченской области и бедности, не откажете в удовлетворении настоящей моей просьбы» [261; л. 15]. Известно, что переводчик областного правления Калыгул Чигиров пытался зачислить двух своих сыновей на учебу в гимназии [262; л. 1]. Казахские чиновники Серикпай Канаев, Едыге Кульбаев и Егеубек Джиенбаев также писали прошения военному губернатору о принятии их сыновей Нурбека, Омара и Мингалия соответственно на учебу в гимназию [261; лл. 5-30]. Естественно, своими прошениями казахские чиновники хотели создать условия для своих детей для их дальнейшего обучения и построения успешной карьеры.

Все эти приведенные сведения прекрасно показывают значение самого крупного учебного заведения Семиреченской области в подготовке кадров для местной администрации из числа казахского населения. Не исключено, что подобные яркие примеры казахских выпускников гимназии послужили стимулом для многих казахских детей. Следовательно, произошли изменения и в отношении местного населения к русским учебным заведениям. Данный факт отмечен также на страницах газеты «Семиреченские областные ведомости» в номере 79 от 10 апреля 1911 года. Статья, посвященная образованию семиреченских казахских детей, описывает, как в начале казахи отказывались давать своих детей обучению в русских учебных заведениях. Затем отмечается, что в начале XX века данная тенденция изменилась. Вот что газета пишет по этому поводу: «...когда из училищ выходили более или менее грамотные люди, которые самостоятельно добывали себе «кусочек хлеба» и из Верненской гимназии – люди, которые отправлялись в высшие учебные заведения и выходили оттуда полезными членами общества, они поняли, что ошибались и напрасно противились такому благотворному началу» [263; с. 4]. Понятно, что эти сведения носят субъективный характер, их пишут с позиции государства. Но тем не менее, судя по вышеприведенным данным, можно согласиться с мнениями, указанными в статье.

Таким образом, в начале XX века в Семиреченской области образовалась волна казахских новообразованных граждан из числа выпускников Верненской мужской гимназии, которые были частью управленческого звена области. Они

занимали разные должности в управлении регионом. В определенной степени их деятельность начала влиять на те или иные события в кочевом обществе. Однако подобные влияния отдельных выпускников гимназии иногда выходили за рамки политики царской власти. В доказательство этому можно привести деятельность семиреченских казахских чиновников, которые распространяли среди кочевого народа брошюру с сочинением М. Дулатова «Оян, казак». Особенно активно такая работа велась казахскими переводчиками. Например, в «Донесении сотрудника (агент) «Кара» заведующему розыскным пунктом о распространении среди кочевого населения сочинения М. Дулатова «Оян, казак!» отмечено, что «сочинение «Оян, казак» распространено по всей Семиреченской области через переводчиков. В Верненском уезде через переводчика Ибрагима Джайнакова» [264; сс. 19-20]. В другом источнике одним из активных распространителей данной брошюры указывается Иса Тергеусизов. В одном из донесений на него отмечено, что «По полученным во вверенном мне районе агентурным сведениям, переводчик вверенного вам управления по имени Иса приезжал в г. Верный Семиреченской области и там передал через своего сына некоему Ибрагиму семь экземпляров преступной брошюры под заглавием «Оян, казак!» для распространения, каковы брошюры действительно и разошлись по рукам» [265]. Также, помимо И. Джайнакова и И. Тергеусизова, в списке распространителей данной брошюры фигурируют имена многих чиновников области, большинство из которых являются выпускниками Верненской мужской гимназии.

В других источниках имеются сведения о том, что местная администрация Семиреченской области подозревала другого выпускника гимназии Барлыбека Сыртанова в антиправительственных действиях. Со стороны власти его действия были оценены как его «желание объединить мусульман области, воспользуясь недовольством их по поводу отчуждения киргизских земель под переселенцев» [263; с. 26].

Вследствие приведенных выше примеров, скорее всего мы имеем возможные причины сокращения количества казахских детей в контингенте Верненской мужской гимназии к 1910 году. Не исключено, что местная власть была свидетелем, как в начале XX века в области образовалась группа казахских выпускников гимназии, которые имели в определенной степени влияние на кочевое общество. Был риск того, что «армия, состоящая из местных чиновников», которую когда-то создавала царская власть своими руками, теперь могла действовать против них же самих. Следовательно, таким образом колониальная власть, опасаясь распространения в регионе каких-либо оппозиционных идей казахскими выпускниками гимназии, могла искусственно сократить количество учащихся из казахского населения.

Данную позицию подкрепляет также мнение К.Е. Бендрикова в своей книге по истории народного образования в Туркестане во второй половине XIX – начале XX веков. Он утверждает, что «После революции 1905 года царизм стремился усилить влияние власть имущих классов России в Туркестане, ослабить национальные элементы в общественной жизни народов Средней

Азии. Одной из мер денационализации коренного населения служило расширение сети русских и русско-туземных школ в крае». Тем самым, по его утверждению, власть предпринимала попытки по возвышению русского населения над коренными в политико-идеологическом значении [266; с. 283].

Другой также версией вопроса о причинах резкого сокращения количества казахских детей в гимназии могли быть последствия переселенческой политики в Семиреченской области. Как известно, в начале XX века вследствие массового переселения народа из внутренних губерний России в Семиречье и реформ Столыпина, удельный вес казахов в области сократился с 80% до 60% по сравнению с данными конца XIX века. В противоположность этому, численность русского населения области выросла почти в два с половиной раза [225; с. 96]. Следовательно, возможно это могло привести к увеличению количества желающих поступить в гимназию русских детей. Здесь не исключено, что данный факт может также внести свой вклад в определении мест для детей казахского народа.

Как ранее уже было отмечено, нами не были найдены официальные ответы на вопрос о причине резкого сокращения количество казахских мальчиков в гимназии в 1910-е годы. Следовательно, мы, на основе анализа приведенных данных, выдвигаем свои версии о попытке местной администрации ослабить влияние выпускников гимназии в обществе и последствиях переселенческой политики. Здесь сразу стоит оговориться, не исключаем, что основная причина могла быть совсем иной. Однако, даже в таком случае, мы уверены, что предложенные нами версии могут быть как минимум второстепенными причинами столь резкого сокращения количества казахских учеников в гимназии.

Русско-туземные школы. В Семиреченской области русско-туземные школы появились к концу XIX века. Данные начальные школы были первыми школами в регионе, которые дали детям местного населения светское образование. Они были созданы с целью обучения детей местного населения русскому языку и приобщения их к русской культуре. В долгосрочной перспективе ученики данных школ, после окончания четырехлетней учебы, должны были либо продолжить свои обучения в других высших учебных заведениях, либо пополнить ряды лояльных правительству чиновников, служащих в разных структурах местного управления [267; сс. 8-9].

Вообще русско-туземные школы считались уникальными учебными заведениями, созданными на территории Туркестанского генерал-губернаторства. Однако идея об образовании таких школ была заимствована от имперской практики Французской империи по инкорпорации местной арабской аристократии к единой административной структуре. Созданные Францией в Алжире арабо-французские школы были взяты в основу проекта о создании подобных учебных заведений на территории Туркестанского края [266; с. 187].

Русско-туземные школы изначально назывались училищами, однако в обществе они были восприняты как «школы». Следовательно, в разных исторических источниках они представлены как школы. Они по своей

структуре были поделены на два класса – русский и «туземный» классы. Занятия у них велись отдельно друг от друга, с разными преподавателями. Таким образом, данная школа была как бы «симбиоз мактаба и русской начальной школы» [268; с. 6].

Как известно, в первые годы создания русско-туземных школ они не пользовались огромным спросом у большинства кочевого населения. Местные казахи не спешили отдавать своих детей туда на обучение. Но официальные сведения и наблюдения отдельных русских чиновников или исследователей отмечают, что постепенно ситуация менялась. Они утверждали, что если в начале подобные школы создавались лишь под приказом администрации, то уже в начале XX века местное население сами просили открыть другие такие учебные заведения [266; с. 328]. То есть изменилось отношение коренного населения к таким школам.

Примечателен тот факт, что царская власть использовала достаточно заманчивые приемы при создании русско-туземных школ. В финансовом плане данные школы были образованы при помощи как государства, так и местной знати в лице богатых граждан. Последним был присвоен статус «почетные блюстители». Они считались спонсорами школ при условии, что они выделяют на содержание учебных заведений не менее 100 рублей в год. В свою очередь, русско-туземные школы дарили им награды и отличия, а также подарки в виде халата, серебряного стакана, кинжала или других вещей, стимулирующих и других богатых лиц. Здесь особенно выделяются местные богатые купцы и промышленники. Они, в отличие от местных чиновников, не имея другие возможности быть удостоенными «наград и отличия», охотно шли жертвовать свои деньги на счета русско-туземных школ. Кроме того, подобные «почетные блюстители» потом могли участвовать в жизни школ, например, их в качестве почетных гостей часто приглашали на выпускные экзамены учащихся [266; сс. 196-198].

Также царская власть использовала другие методы привлекательности русско-туземных школ на глазах «туземного» населения. На рубеже XIX-XX веков администрацией были использованы показательные экскурсии для обучающихся учебных заведений в города европейской части Российской империи. Подобные «учебно-образовательные» поездки были совершены три раза в 1899, 1900 и 1902 годы. Отобранные на местах лучшие ученики школ из числа местного населения Туркестанского края смогли посетить российские города Астрахань, Саратов, Москва, Петербург, Нижний Новгород, Казань, Баку и другие города. В последующие годы такая практика прекратилась из-за начавшейся русско-японской войны в 1904 году. Все эти экскурсии были направлены на поднятие статуса русско-туземных школ и повышению привлекательности данных учебных учреждений среди «туземного» населения. Однако, в трех совершенных поездках в рядах учеников, посетивших российские города казахских мальчиков, из Семиреченской области не оказалось [266; сс. 216-221]. Видимо, отразился на ситуацию тот факт, что в это время Семиреченская область в административном отношении только

переходила, или, скорее всего, возвращалась в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Или же позднее открытие русско-туземных школ в Семиречье по сравнению с другими областями Туркестана сыграло свою роль. Потому что в данной области открытия русско-туземных школ имеют свои специфические особенности.

По официальным данным в Семиреченской области русско-туземные школы берут свою историю с середины 80-х годов XIX века. Однако, в начале такие русско-туземные школы были организованы для детей дунганского и таранчинского народов области. Специальные такие школы для казахских волостей открылись лишь в 1899 году.

До 1896 года была лишь одна единственная русско-туземная школа. При этом, если быть конкретнее, она была русско-дунганской и находилась в селе Каракуруз Пишпекского уезда [226; с. 65]. К 1898 году в официальных сведениях появляются информации относительно стремлений отдельных казахских волостей об устройстве у них подобных школ [246; с. 64]. Следовательно, в следующем 1899 году открываются сразу три русско-туземных школ для казахов области [243; сс. 77-78]. Уже в 1900 году казахи 11 волостей области просили им открыть 8 русско-туземных школ [256; с. 58]. Как свидетельствуют статистические данные, по состоянию на 1901 год, в целом по области в подобных школах обучались общим числом 278 мальчиков и одна девочка. Из них 86 мальчиков были казахами [257; сс. 55-56]. Практически одну треть обучающихся данных школ составили дети казахского народа.

Таблица 5.

Год	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1907	1908	1909	1910
Количество русско-туземных школ в области	6 [226; с. 65]	7 [256; с. 64]	12 [243; с. 77]	12 [218; с. 58]	12 [247; с. 55]	13 [258; с. 58]	13 [249; с. 49]	12 [250; с. 70]	13 [229; с. 107]	16 [251; с. 108]	16 [234; с. 91]	23 [253; с. 79]	23 [252; с. 108]

Как видно из таблицы, в период с 1897 по 1910 годы количество русско-туземных школ на территории Семиреченской области выросло с 6 до 23, почти в четыре раза. Также можем заметить, что их количество в конце XIX росло стремительно, а в начале XX века проявляется некая стагнация. Лишь ко второй декаде XX века количество подобных школ резко возросло. Данное сравнение разных интервалов времени отлично демонстрирует нам динамику изменения как численности подобных учебных заведений, так и отношений власти к таким русско-туземным школам.

Кроме того, обращая внимание на рост количества русско-туземных школ в Семиреченской области за указанный период, можно согласиться с мнением о том, что в начале XX века казахское население пересмотрело свое отношение к таким школам и начали обучать своих детей там. Также не стоит забывать, что в данной области ввиду ее разнообразности в этническом плане в русско-

туземных школах обучались не только дети русского и казахского населений, но и дунгане и таранчи могли получать образование.

С 1903 года при русско-туземных школах начали открывать интернаты. Они особенно нужны были детям кочевого казахского населения. Как свидетельствуют источники, с каждым годом количество казахских детей, проживавших в интернатах, стабильно росло. Несомненно, данный факт также внес свой вклад в стремлении казахских детей учиться там.

Окончившие данные школы выпускники могли как учиться дальше в других учебных заведениях, так и начинать работать в разных сферах общества. Обычно те, кто окончили русско-туземные школы с их минимальными знаниями русского языка шли работать в общественные работы при уездных и областных правлениях. Они могли осуществлять деятельности нижних уровней чиновничества в местной администрации. По этому поводу К.Е. Бендриков пишет следующее: «русско-туземные школы были важным звеном, объединявшим царскую администрацию с имущими классами коренного населения: эти школы были дорогой к получению выгодных мест в низовом административном аппарате» [266; с. 196].

С другой стороны, колониальная власть сама была инициатором отдельных мер по предоставлению карьерных перспектив именно выпускникам подобных русско-туземных школ. В частности, после Андижановского восстания 1898 года, рассматривая комплекс мер по недопущению массовых волнений и мятежей в Туркестанском крае, в администрации генерал-губернаторства задумались о наделении детей «туземцев» преимуществами при их трудоустройстве. По этому поводу в своем отчете пишет исполняющий обязанности Туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант Н.И. Корольков. Он предлагает «...предоставить серьёзные привилегии детям туземцев, с успехом закончившим курс в русско-туземных школах и городских училищах... Такие привилегии явились бы побудительной для туземцев причиной отдавать своих детей в названные школы» [269]. Здесь, очевидно, уже на уровне администрации генерал-губернаторства уделяется особое внимание также на привлекательность имперских учебных заведений в глазах представителей местного населения.

Кроме того, стоит обратить внимание на то, что несмотря на многочисленные указания в официальных сведениях о положительной реакции местного народа на русско-туземные школы, многие современные исследователи не соглашаются с подобными позициями. По их мнению, такие сведения, указанные в официальных источниках, имеют субъективный характер. Следовательно, данную точку зрения критикуют многие современные ученые. Например, исследователь Ш.Б. Мухамедов, изучая учебное дело в Туркестанском крае, отмечает, что сведения о больших стремлениях местного народа учиться в русско-туземных школах были лишь «на бумаге». Такое положение дела было отмечено только в официальных отчетах местной администрации, а в действительности ситуация была иная [260; сс. 236-237].

Известный казахский историк М. Койгельдиев также в своих исследованиях подверг сомнению популярность русско-туземных школ в Семиреченской области. По его мнению, несмотря на рост количества подобных учебных заведений, они не могли заменить в регионе традиционные мусульманские школы [225; с. 143].

Следовательно, можно констатировать, что даже при наличии многих недостатков данной системы, русско-туземные школы имели определенный вес в подготовке кадров для местного управления из казахского населения. Выпускники русско-туземных школ могли продолжить учебу дальше в других учреждениях. Также окончившие такие школы могли пополнить ряды «мелких» административных служащих-чиновников в системе управления области.

Таким образом, в заключение можно сказать, что учебные заведения, расположенные в Семиреченской области, сыграли определенную роль в деле подготовки местных кадров для управленческого аппарата. Рассмотрев вышеприведенные полученные результаты исследования, можно сформулировать следующие научные утверждения в виде заключения.

Первое, проведение политики колониального образования Российской империей в Казахской степи вполне объяснимый фактор при условиях империализма. Данная политика как часть колониционных действий практиковалась многими европейскими империями в своих колониях. Для реализации подобной практики царской власти необходимо было изменить традиционные устройства образования и внедрить свою новую систему. Здесь учебные заведения, организованные империей, имели большое значение.

В Семиреченской области царское правительство также внедрило новую систему образования со своими особенностями. Во второй половине XIX века Российская империя активно создавала учебные заведения в данной области, которые внесли огромный вклад в подготовке казахских чиновников, готовых служить интересам империи.

Второе, создав разные учебные учреждения в области, царская власть в определенной степени обеспечила себе кадры из казахского населения для местного управления. Они были задействованы в разных сферах управления в административном устройстве области.

В большинстве случаев позиции низового аппарата управления области занимали казахи, ограничившиеся обучением в приходских училищах, сельскохозяйственных или русско-туземных школах. С другой стороны, их профессиональные подготовки соответствовали тем минимальным требованиям, которые были обязательными в осуществлении деятельности в управлении.

Третье, особо стоит отметить роль Верненской мужской гимназии в подготовке казахских чиновников. Данная гимназия стала неким «трамплином возможностей» для казахских выпускников. Они, закончив данную гимназию, как уже было продемонстрировано выше, либо начинали свою трудовую деятельность в структурах власти области, либо продолжали свои обучения в ведущих университетах Российской империи.

Четвертое, произошли значительные изменения в позиции казахского народа по отношению к светскому образованию. Впредь выходцы из бедной семьи старались усердно учиться в школах, освоить русский язык и занимать должности у власти. Ведь того и требовало правительство: с 1905 года на должность волостного управителя могли претендовать только те, кто владели русским языком. Это, можно сказать, повлияло на то, что казахи поменяли свои взгляды относительно полезности русских школ. К тому же, такой подход к занятию должности послужил неким «социальным лифтом» для выходцев из бедных семей [271; с. 62]. Теперь они имели право показать свою русскую грамотность и иметь определенные ранги в управлении. А такие изменения, в свою очередь, привели к ментальной трансформации кочевого общества Семиреченской области.

Пятое, с появлением новообразованных казахских граждан в конце XIX – начале XX веков в кочевом обществе произошли существенные изменения. Изменился состав казахского чиновничества в Семиреченской области, как и в других регионах Казахстана, преобразились представления казахов о государственной службе, так и их контент и требования к занятию должностей.

Также заметным изменением можно назвать значительное расширение круга занимаемых казахами должностей. Появились казахи-чиновники уже в разных сферах общества. Вероятные их должности не ограничились лишь позициями старшины, волостного управителя, переводчиков или письмоводителей как в XIX веке. Теперь они уже могли осуществлять профессиональные обязанности докторов, юристов и других должностных лиц. Такая тенденция не раз отмечалась и на страницах газеты «Қазақ» [253; с. 43].

Наконец, шестое, так, как продукт колониальной системы образования в начале XX века сформировался чиновничий аппарат из числа образованных казахов, получивших профессиональные образования. Такие казахские чиновники образовали некую волну образованной казахской молодежи. Они, помимо своей службы государству, также осуществляли деятельность в рамках своих национальных интересов. Отдельные казахские чиновники имели определенные влияния на кочевое общество. Эти моменты, конечно, не могли не волновать колониальную власть. Следовательно, опасаясь распространения каких-либо национальных или антиправительственных идей, она была вынуждена пересмотреть свои позиции по отношению к образованию «туземного» населения.

Вследствие таких утверждений становится очевидным, что учебные заведения Семиреченской области внесли огромный вклад в подготовку казахских чиновников.

2.3 Мотивы вхождения казахов Семиреченской области в состав российского чиновничества

При изучении проблемы включения казахов на службу Российской империи важно понять внутренние и внешние мотивы, способствующие принятию представителями казахской кочевой элиты новой имперской системы

власти. Ведь данный вопрос позволит рассмотреть исследуемую проблему с новой стороны. К тому же, мотивы вхождения казахов Семиреченской области в состав российского чиновничества ранее никогда не были изучены. В отечественной науке практически не имеются работы, комплексно дающие оценки характеру и особенностям стимулов казахских чиновников к государственной службе царской империи.

Даже если отдельные научные труды рассматривают данную проблему, то такие тенденции являются фрагментарными или описываются лишь в контексте каких-то других вопросов. Или же ограничиваются односторонними утверждениями, которые могут иметь как неполноценный характер мотивов казахских чиновников, так и иметь негативные последствия в понимании казахского чиновничества в целом. Или вообще наблюдается некая противоречивость в обозначении внутренних и внешних мотивов казахов в выборе службы в составе административного управления. Например, изучая деятельность местного самоуправления в Семиреченской области, отечественный историк М. Койгельдиев отмечает, что вместо достойных лиц, позиции в волостях начала занимать «группа ловкачей и угодливых льстецов, жаждущих власть и богатства» [224; с. 84]. Исследователь А.А. Айтмухамбетов утверждает, что представители казахской элиты старались использовать должности для сохранения своих былых возможностей на локальном уровне [81; сс. 58-59].

Кроме того, стоит добавить, что в материалах устного народного творчества образ казахских чиновников также имеет более негативный характер. Многие представители казахской литературы – акыны-импровизаторы – осуждали желания казахских чиновников к получению определенных должностей или наград со стороны правительства. Литераторы считали, что именно награды и материальные блага стимулировали казахов к служению в составе имперской администрации [272].

С другой стороны, необходимо отметить, что имеются также труды, в которых отдельные чиновники Семиреченской области рассматриваются в позитивном ключе. В них те или иные чиновники из казахского населения, работавшие в разных управлениях области, описываются как просветителями или новаторами, продвигателями интересов своего народа, просто служившими уже под имперской системой управления. Например, в работах Ш.В. Тлепиной [273], С.К. Удербасовой [86] и О.Х. Мухатовой [274] казахские чиновники Семиреченской области – младший чиновник особых поручений при военном губернаторе Барлыбек Сыртанов, переводчики Сатылган Сабатаев, Иса Тергеусизов, Ибрагим Джайнаков и другие описываются как чиновники, которые работали во благо казахского народа. Кроме того, в некоторых материалах краеведческого, генеалогического характера волостные управители и народные бии также предстают как справедливые и достойные управленцы [275], [276].

Таким образом, сразу в глаза бросается отсутствие системности в обозначениях мотивов казахских чиновников Семиреченской области. Также

нетрудно заметить, что мнения исследователей о мотивах казахских чиновников Семиреченской области заметно отличаются друг от друга. Более того, нет единой полноценной оценки их мотивов к государственной службе при царизме. Конкретных обозначений причин службы казахских чиновников в управленческом аппарате не имеются.

Следовательно, рассмотрение мотивов вхождения казахов Семиреченской области в состав российского чиновничества является важным направлением для более глубокого раскрытия темы исследования. Изучение данной проблемы предоставит возможность сформировать образ казахского чиновника второй половины XIX века, который, будучи представителем казахского населения, служил царской власти, колонизировавшей его народ. Такие противоречивые моменты требуют разностороннего рассмотрения и максимальной объективной оценки их деятельности.

Итак, какими были основные причины казахских чиновников Семиреченской области при поступлении на государственную службу? Отличались ли причины у казахов в зависимости от их социального положения или родового происхождения? Какие изменения произошли в сознании казахского народа в отношении власти? Имеются ли отличия в причинах казахских чиновников Семиреченской области от причин чиновников других областей или внешней части Российской империи? Несомненно, данные вопросы являются очень актуальными.

Еще более ценность данной проблеме придает тот факт, что ответов на данные вопросы можно найти лишь с использованием разнообразных источников по исследуемой теме. При этом характер таких источников является многослойным, что даст возможность рассмотреть проблему с разных сторон. Ведь необходимо учитывать и тот факт, что мотивы служения власти казахских чиновников могут быть как в официальных прошениях, отчетах или заметках, так и в отдельных материалах устного народного творчества, фольклора. Несомненно, данные особенности проблемы придают еще большую ценность исследованию.

Следовательно, тщательное рассмотрение многообразных источников литературы позволило систематизировать материал и выделить несколько причин включения казахов в систему местного управления:

1. Возможность сохранения прежнего влияния на общество. Данная причина в основном была характерна казахским султанам в первой половине XIX века. Для этого были ряд объективных причин. Отмена ханской власти в Казахской степи, ослабление роли и влияния кочевой аристократии, искусственное размытие границы между сословиями не могли не оказать влияния на существующий порядок в кочевом обществе. Представители казахской аристократии начали терять свои привилегии в обществе, ведь им приходилось смириться с новыми условиями жизни, внедренными царской властью. Теперь же им пришлось адаптироваться под новые имперские реалии.

В связи с этим, новым вызовым в жизни кочевой аристократии было их установление сотрудничества с колониальной властью. Приняв на себя роль

управленца нового типа в новых условиях реальности, они хотели восстановить былые свои влияния на кочевое общество или свой род.

С другой стороны, такие методы сотрудничества с местной элитой в практиках мировых империй не раз были использованы. Следовательно, обе стороны сотрудничества имели свои определенные цели. Если колониальная власть в своей колонии обретала лояльный к себе управленческий аппарат, то местная элита была готова извлечь для себя выгоды. А их выгоды заключались в возможности сохранить прежние влияния на свой род или общество.

Подобные действия по сохранению своих прежних возможностей и влияний на свое общество проявлялись со стороны отдельных султанов. Так, в качестве примера из среды кочевой элиты Семиреченской области можно назвать султанов Суюка Аблайханова и Тезека Нуралина. Они были выходцами из султанского сословия и стали казахскими чиновниками царской власти в транзитный период. Потому что они получили должности старших султанов, волостей при создании Приставства по управлению Большой ордой, были награждены за свои службы государству еще до образования Семиреченской области в 1867 году.

Например, Суюк Аблайханов, сын Аблай хана, был старшим султаном рода жалайыр и частью рода шапырашты. Ставка у него находилась в урочище Копала. Он был удостоен чина майора и в своих письмах ставил свою печать как чиновник 8 класса [277; сс. 246-262]. Более того, известно, что его потомки Джангозы, Джучи и Иш-Мухамед были также чиновниками в системе местного управления. Если Джангозы и Джучи были старшими султанами, возглавлявшими некоторые родоплеменные объединения Старшего жуза, то Иш-Мухамед был переводчиком маньчжурского и татарского языков при военном губернаторе Семиреченской области Г.А. Колпаковском [278]. Последний из них, Иш-Мухамед Абылайханов, был «неоднократно награжден на самом высоком уровне» и дослужился до чина коллежского советника, который был приравнен к гражданскому чину VI класса согласно Табели о рангах [279; с. 172].

А Тезек Нуралин, более известный как Тезек торе, был правнуком Аблай хана. Он был старшим султаном албан-суановских волостей, награждался чинами от поручика до полковника. Несколько раз был удостоен разных наград. Был одним из влиятельных казахских султанов, чиновников царской власти [277; сс. 314-338]. Кроме того, как свидетельствуют источники, его сын Кудиярхан Тезеков также состоял на государственной службе в начале XX века. Если с 1907 по 1915 годы он был бием в Алтын-Эмельской волости Копальского уезда, то уже в 1915 он отделил своих сородичей от данной волости. Он стал волостным управителем на 1916-1918 годы уже новой образованной волости Тезека, однако в следующем году комиссар Семиреченской области Временного правительства постановлением № 501 отстранил его от волостной службы [280].

Все эти примеры прекрасно показывают трансформацию отношений казахских султанов по отношению к власти. Основная причина, по которой они

так адаптировались под новые условия, была возможность восстановления былых влияний на общество хотя бы на местном уровне. Таким образом, как отмечает историк Г.С. Султангалиева, «представители казахской знати через службу пытались сохранить свое влияние и власть, но уже под патронажем российской администрации» [281; с. 403].

2. *Возможность передачи власти сыновьям и создание династии.* Как свидетельствуют многие исторические источники, в казахском чиновничестве сложилась ситуация, по которой многие чиновники выбирали государственную службу по стопам своих отцов. При этом, здесь надо заметить, что есть две группы таких чиновников. Если первые из них осознанно сами вступили в управленческие службы по совету своих отцов, то для вторых – их отцы решили за них. Но в любом случае они, вступая в управленческие дела, продолжали деятельность своих отцов.

Например, известный батыр из подрода Матай, рода Найман Танеке Дюсетов в 1846 году еще до образования Семиреченской области был волостным управителем Матай-Каптагайской волости. Активно участвовал в общественной жизни не только своей волости, но и всего Аягузского округа [282]. Сохранилось его письмо от 1857 года к императору Российской империи Александру II, где он уже подписался как хорунжий волости Кендже-Матай-Каптагай [283; с. 26]. Также известно, что он удостоился «золотой медали для ношения в петлице за усердную службу» [70; с. 120]. В 1854 году он как «управитель Кендже-Каптагай-Матаевской волости Аягузского округа» «произведен в первый офицерский чин хорунжего за оказанное пособие отряду, командированному на р.р. Тентек и Аргайлы» [284]. Позже, после создания Копальского уезда, стал одним из значимых лиц в обществе, которые оказывали влияние на волостное управление. Используя свои былые возможности и родственные связи, он в новых условиях уже заложил основу новой династии волостных управителей. Вследствие чего, уже его сыновья после него также начали быть волостными. Сначала Есимбек Танекеулы был волостным в Арасанской волости. Ближе к концу XIX века, в 1891-1892 годы, сыновья Танеке образовали свою волость – Кульдей-Джумаевскую. Данную волость неофициально называли еще «Волостью Танеке». Первым же волостным в данной новообразованной волости был избран другой сын Танеке – Кожабек [285; с. 276]. Ему удалось быть волостным до 1899 года, в этот период его другие братья и родственники также были около власти. Если его родные братья Есимбек и Ауельбек Танекины в разные годы были народными судьями, то племянник Ишмухамед неоднократно состоял кандидатом в должность волостного Кульдей-джумаевской волости [286].

Вышеназванные кейсы показывают, как строились отношения представителей одной семьи касательно власти. После принятия подданства Российской империи Танеке батыр стал чиновником. А его дети потом продолжили дело отца, став волостными той же волости.

Теперь рассмотрим другую ситуацию из жизни казахских чиновников Семиреченской области. В одном из своих прошении переводчик областного

правления Турдыбек Сыртанов описывает, как он попал на государственную службу. По его словам, его деда и прадеды были родоначальниками рода Найман, а его отец Сыртан состоял в очень хороших и близких отношениях с бывшим военным губернатором Семиреченской области Г.А. Колпаковским и уездным начальником Копальского уезда Павлом Яковлевичем Реинталем. Последние посоветовали отцу Турдыбека отдать своих сыновей в русские учебные заведения, «дабы сделать из них ревностных и верных слуг Белому Царю». Послушав советы начальников края, Сыртан отдает своих детей для обучения в имперское учебное заведение. Сначала их отдали в пансион в городе Копальске, затем братья Сыртановы поступили в Верненскую мужскую гимназию. Далее Турдыбек добавляет: «Подчиняясь воле отца и осознав пользу просвещения, мы приложили все наши способности и старания добиться аттестата русского учебного заведения, дабы получить право на поступление на государственную службу, вполне полагаясь на обещания как непосредственного нашего гимназического начальства, так и посещавших гимназию представителей администрации, что по окончании курса науки мы тотчас же получим должности, на которых нам откроется широкий путь отслужить верой и правдой нашему белому царю за неограниченные милости его, оказанные нашему народу» [236; л. 25]. Здесь, можно заметить, что и сам Турдыбек, и его брат Барлыбек, они целенаправленно шли к своим целям – занятию должностей в управленческом аппарате. И тем, кто их подтолкнул к таким целям, был их отец Сыртан, который дал совет по построению успешной карьеры на государственной службе.

Кроме того, имеются множество случаев, когда дети пошли по стопам своих отцов и начали служить государству. Например, сын народного бия Большой Алматинской волости Верненского уезда Дуйсебая Шуманаква Толембай поступил на учебу в Верненскую мужскую гимназию. Несмотря на то, что он так и не завершил гимназию, отучившись лишь пять лет, сразу стал уже чиновником в области. Сначала был переводчиком в разных ведомостях, затем стал канцелярским служителем Верненского окружного суда [287].

Подобные примеры демонстрируют, как дело отца могли продолжить их дети. Также нередко бывали случаи, когда казахские чиновники, будучи на службе, сами стремились создать более благоприятные условия для служебных карьер своих детей. Поэтому они старались отдать своих детей на обучение в Верненскую мужскую гимназию. Они прекрасно понимали, что по завершении учебы в гимназии их дети получают разные карьерные возможности. Известно, что подобные старания также были предприняты многими казахскими чиновниками в начале XX века [261].

3. *Возможность самореализоваться или «социальный лифт».* К середине XIX века политика царской власти по отношению к казахским чиновникам изменилась. С целью ослабить роль привилегированного положения султанов-чингизидов в кочевом обществе, правительство приняло решение принимать в управленческие дела и казахов несултанского происхождения. Это стало поворотным моментом в сознании простых

кочевников. Ведь теперь выходцы из бедной семьи, которые до этого никогда в жизни не претендовали на управленческие функции, получили уникальные возможности. Более того, с внедрением в области русско-туземного образования и строительства гимназии простые казахские мальчики имели право получить образование, которое открывало двери административных деятельностей. Подобными возможностями воспользовались многие казахи области.

Для казахских детей из простых семей данная политика была прекрасной возможностью. В независимости от их родового или султанского происхождения, социального положения в обществе, они могли получить определенные должности, показывая при этом свои умственно-интеллектуальные способности.

С другой стороны, с каждым разом катализатором ситуации были требования власти о необходимости знания русского языка для того, чтобы быть частью управленческих дел. В конце XIX века в Туркестанском регионе повсеместно внедрились правила о применении русского языка во всех сферах управления. Данное требование было применено к занятию должностей казиев, волостных управителей, аксакалов, служителей судов, банков, почтово-телеграфной службы и банковской сферы. На страницах газеты «Туркестанские ведомости» в 1891 году неоднократно были напечатаны циркуляры генерал-губернатора об этих требованиях. В них отмечается: «принять настоятельные меры к тому, чтобы отныне туземцы, знающие русский язык, избирались и назначались на указанные и на другие должности и службы предпочтительно перед туземцами, не знающими его, и чтобы сущность настоящего распоряжения возможно чаще была оповещаемая и уяснима населению вверенного мне края» [266; с. 198]. Уже с 1905 года по всей Казахской степи на должность волостного управителя могли претендовать только те, кто владели русским языком [271; с. 62].

Таким образом, воспользовавшись созданными возможностями, уже к концу XIX – началу XX веков появилась первая волна казахских чиновников, состоящих из выпускников разных учебных заведений области. Они были задействованы в разных деятельности в управленческом аппарате. Для них требование власти о знании русского языка предоставило шансы на самореализацию в обществе. Тем самым выходцы из простых семей воспользовались неким «социальным лифтом» в построении своей карьеры.

С другой стороны, такие новшества имели и свои недостатки. Например, в газете «Қазақ» от 23 мая 1913 года, Алихан Бокейханов подверг критике это правило. По его мнению, в погоне за должностью, молодые люди, владевшие русским языком, выбирались на позицию волостного управителя. Однако, они не всегда были мудрыми, опытными или справедливыми управленцами. Их преимущества в языковом плане сделали из них чиновников. В связи с этим А. Бокейханов выражает свое сожаление о том, что такие новые правила оставляли настоящих уважаемых людей и опытных предводителей без прав участия в выборах, и связывал данные изменения с нежеланием власти пользоваться услугами переводчиков [271; с. 148].

В любом случае, надо признать, что данные требования послужили для многих казахских детей возможностью участвовать в управлении регионом или обществе в целом и занять определенные свои места.

Кроме того, стоит отметить, что фактор самореализации простых кочевников в обществе, а также их стремления занять должности в администрации был характерен не только казахским чиновникам Семиреченской области. Подобная тенденция была повсеместно: как в Казахской степи в целом, так и во внешних губерниях России. Здесь можно провести параллель с наблюдениями дореволюционного исследователя чиновничества Российской империи В.А. Евреинова. Он в своем труде по гражданскому чиновничеству в России, описывая рекрутинговую политику царизма из нижних сословий общества, отмечает, что: «был чрезмерный наплыв служащих по гражданскому ведомству, причем целые поколения, преимущественно не из дворян, посвящали себя всецело гражданской службе, видя в ней идеал своих желаний и стремлений, и действительно образовали из себя особый заколдованный класс» [196; с. 57]. Судя по этим сведениям, ситуация с мотивами казахских чиновников Семиреченской области была аналогичной положению чиновничества во внешних губерниях Российской империи.

4. *Возможность извлечь личные материальные ценности.* Данная категория причин хорошо отражена в материалах устного народного творчества. Акыны-импровизаторы, поэты резко осуждали представителей управления краем из числа местного населения. С одной стороны, акыны-поэты рассматривали их как «предателями» своего народа, которые служили стране, колонизировавшей их же самих. С другой стороны, все импровизаторы очень критично относились к намерениям казахских чиновников области. Они отмечали их коррумпированность, склонность к несправедливости, и самое главное, жажду к личным материальным благам. Именно последний фактор, по их мнению, считался мотивом для многих местных чиновников [216].

Также в пользу такой причины служат и наблюдения известного казахского общественного деятеля, историка М. Тынышпаева. Он отмечает, что «Народ стал понимать, какие люди находятся во главе уездов и какие люди сидят в уездных управлениях; каждый вновь приезжий бедный переводчик-киргиз через год становился уже богачом, имел табуны лошадей, красивые юрты и т.д.». Здесь становится отчетливо понятным, что казахские чиновники-переводчики могли извлекать из своей службы гораздо больше выгод материального характера, чем они могли себе позволить на своих жалованиях. Именно поэтому М. Тынышпаев отмечает стремления других казахов занять такие должности: «немудрено, что для киргизских учеников гимназии быть переводчиком стало заветной мечтой» [288; с. 37].

Кроме того, все те сведения о коррупциях и взяточничествах со стороны казахских чиновников в Семиреченской области, отмеченных в разных исторических заметках и отчетах, также свидетельствуют правдивость данной версии.

5. *Универсализм или возможность повлиять на решения русской власти по вопросу казахского общества.* Еще одной чертой, которая описывает мотивы казахского чиновничества в Семиреченской области в начале XX века, можно назвать их универсализм. Такое деловое качество было присуще многим служителям власти. Асылходжа Курманбаев, Сатылган Сабатаев, Бакий Чалымбеков, Барлыбек Сыртанов и многие другие казахские служащие отличались своими разносторонними качествами, что позволяло им занимать разные позиции в управлении области.

В случае с Асылходжой Курманбаевым, он занимал разные должности в системе областного правления. Будучи выпускником Орской киргизской учительской школы и сельскохозяйственного отделения Красноуфимского Реального училища, он занимался педагогикой, журналистикой, переводческой деятельностью, даже был ответственным за «ведение пограничных дел за время отсутствия в отпуске статского советника Пантусова», за что приказом и.д. военного губернатора Семиреченской области от 22 июня 1896 года за № 136 ему была объявлена благодарность [289]. Также он является автором многих статей на страницах периодической печати «Дала уэлаяты». В них Асылходжа Курманбаев поднимал многие острые проблемы в казахском обществе, особенно касающиеся быта и хозяйства кочевников [290; 7 б.]. Однако большая часть его статей была посвящена вопросам языкознания, переводам и терминологии на казахском языке. Также известно, что он переводил басню И.А. Крылова «Стрекоза и муравей», пытаясь тем самым пробудить и призвать казахский народ к познанию и труду [291; 72 б.].

Один из немногих казахов, имевших два высших образования, сначала Московского Лазаревского института восточных языков, затем – Московского сельскохозяйственного института, Сатылган Сабатаев также отличался своей универсальностью. Он работал в Семиреченском областном переселенческом управлении, позже в главном управлении земледелия и землеустройства Семиреченской области, занимал разные положения в сельскохозяйственных учреждениях Семипалатинской и Семиреченской областей. Также он был письменным переводчиком при Пишпекском, Джаркентском уездных управлениях [257]. Кроме того, его можно было назвать полиглотом, так как помимо своего родного казахского языка, он владел греческим, латынью, немецким, французским, русским языками. Он является первым переводчиком стихов Абая «Жаз» («Лето») и М. Дулатова «Мұң» («Печаль») на русский язык [292]. То есть, его деятельность была также всячески разносторонней и проявлялась в разных сферах общественной жизни области.

Среди таких универсальных казахских чиновников можно назвать Ису Тергеусизова. Он с 1909 по 1917 годы также был переводчиком сначала в Узун-агачском волостном управлении, затем уже в Верненском уездном управлении был письменным переводчиком, также секретарем, в целом государственным служащим [293]. Однако, имеются также сведения о том, что он был музыкантом, автором нескольких песен, посвященных красоте природы Семиречья [294]. Он известен тем, что является автором таких песен как

«Жетісу – жер жәннаты», «Шамалған, туған жерім» и другие. Его считают одним из представителей школы певцов традиционных песен в Семиречье [295]. А медицинский фельдшер при Верненском уездном управлении, коллежский регистратор Бакий Чалымбеков тоже занимал должность переводчика в Верненском уездном управлении [296]. Также и другие казахские служащие в управлении отличались своими универсальными навыками в службе.

Все эти моменты указывают на то, какими разносторонними были казахские чиновники Семиреченской области. Анализируя причину такой тенденции, можно отметить несколько аспектов данной проблемы.

Первое, данные казахские чиновники области не всегда имели возможность выбирать себе должности, а занимали лишь те, которые были доступны им. Поэтому они старались охватить все больше сфер государственной службы.

Второе, занимаясь дополнительной педагогической деятельностью, просвещением или журналистикой, они работали на благо своего народа. Они хорошо понимали состояние казахского общества и старались улучшить его.

И наконец, третье, казахские чиновники области хорошо понимали, что работая в администрации, у них будет возможность в определенной степени самим повлиять на те или иные решения в жизни населения. Вот эти три причины и стали основными факторами универсальности казахских чиновников.

В заключение можно сказать, что круг мотивов вступления казахов на государственную службу в Семиреченской области намного шире, чем обычно они представляются в разных исследованиях. Эти причины охватывают как личные интересы чиновника, так и интересы своего народа. Естественно, разные причины формировались в контексте разных обстоятельств и возможностей. Однако, все они указывают на характер казахского чиновничества в Семиреченской области.

3 ДОЛЖНОСТИ, КРУГ ПОЛНОМОЧИЙ КАЗАХСКИХ ЧИНОВНИКОВ СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

3.1 Младшие помощники уездных начальников Семиреченской области

В соответствии со штатным расписанием, установленным «Положением об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей» от 11 июля 1867 года, при уездных начальниках предусматривалось наличие двух помощников. Согласно параграфам 67 и 68 этого нормативного акта, кандидатура старшего помощника утверждалась на общих основаниях по представлению военного губернатора. В то же время другие сотрудники уездного аппарата, включая младшего помощника, назначались на должности и освобождались от них напрямую по усмотрению самого военного губернатора [1; с. 288].

Следовательно, должность старшего помощника уездного начальника, как правило, замещалась русскими офицерами, тогда как на пост младшего помощника назначались представители местной аристократии [297; с. 137]. Подобная практика была внедрена и в административную структуру Семиреченской области.

Несмотря на значимость, вопрос о служебной деятельности младших помощников уездных начальников в Семиреченской области до сих пор остается практически неизученным в отечественной историографии. На сегодняшний день в научном обороте отсутствуют специальные исследования, целенаправленно посвящённые анализу функций, обязанностей и положения этих чиновников. Имеющиеся сведения носят фрагментарный характер и встречаются лишь эпизодически — в рамках более широких тем, не делая акцента на данной категории служащих.

В связи с этим, главной задачей настоящего раздела становится комплексное изучение принципов работы младших помощников, выявление их должностных полномочий, условий службы, размеров жалованья, а также перспектив служебного роста и индивидуальных карьерных траекторий. Таким образом, исследование особенностей деятельности младших помощников уездных начальников в Семиреченской области не только восполняет важный пробел в научной литературе, но и представляет собой актуальное направление в изучении административной системы Российской империи на окраинах.

Дополнительную актуальность рассматриваемой проблеме придаёт тот факт, что во «Временных положениях» должностные обязанности младших помощников уездных начальников практически не регламентированы. Их функции обозначены лишь в самых общих формулировках — они, согласно документу, «исполняют поручения, которые будут на них возложены уездным начальником» [1; с. 288]. В отличие от них, компетенции старшего помощника определены более чётко: он руководит канцелярией уездного начальника и наделён правом временно исполнять его обязанности в случае болезни или отсутствия.

Исходя из этой разницы в регламентации, можно предположить, что младшие помощники, не будучи связаны с административным управлением канцелярией, преимущественно привлекались к исполнению поручений, связанных с непосредственным взаимодействием с местным населением. Это, в свою очередь, указывает на возможность более глубокой вовлечённости младших помощников в повседневную практику уездного управления, что делает изучение их деятельности особенно значимым для понимания механизмов колониального администрирования на местах.

Нетрудно заметить, как в данном случае проявляется характерное для имперской власти отношение к распределению ролей в административной системе. С одной стороны, более высокий статус и расширенные полномочия были последовательно закреплены за представителем русского офицерства, назначаемым старшим помощником уездного начальника. С другой стороны, включение в административную иерархию местных аристократов на позиции младших помощников свидетельствует о сознательной политике сотрудничества империи с кочевой элитой, направленной на поддержание контроля над окраинами через лояльных представителей туземной знати.

Следует отметить, что в административной практике Семиреченской области позиции младших помощников уездных начальников чаще всего поручались выходцам из казахского общества. Эти лица, как правило, не были новичками в системе управления: ещё до учреждения области они уже занимали различные государственные посты. Значительная их часть ранее служила в статусе старших султанов волостей, до начала реализации реформ, закреплённых «Временными положениями» 1867–1868 годов.

Имперская администрация, с другой стороны, предоставляла младшим помощникам уездных начальников определённые условия службы и систему поощрений. Так, их ежегодное денежное содержание составляло 266 рублей 66 2/3 копеек, при этом на содержание столовых расходовалось дополнительно 133 рубля 33 1/3 копеек [298; с. 16]. Кроме того, за выдающиеся заслуги в службе колониальной власти эти чиновники регулярно награждались различными отличиями, включая медали, халаты и кафтаны разных разрядов [299].

В Семиреченской области функции младших помощников уездных начальников начали выполняться с начала 1868 года. С этого периода данные чиновники приступили к исполнению служебных обязанностей в рамках системы колониального управления.

К примеру, в Сергиопольском уезде известны имена трёх казахских представителей, которые занимали должности младших помощников уездного начальника. Первым из них стал Оразбай Бекхожин [300; с. 14]. Позже эту роль исполнял Сулеймен Бексултанов, продолжая традицию привлечения местной знати к административной деятельности.

К сожалению, сохранившиеся исторические материалы содержат крайне ограниченную информацию о деятельности этих лиц. О них известно главным образом благодаря разрозненным упоминаниям, подтверждающим лишь сам факт их нахождения на должности. Так, например, один из редких источников

сообщает, что Сулеймен Бексултанов, исполнявший обязанности младшего помощника уездного начальника, в 1871 году был временно освобождён от службы по приказу № 47 [301; с. 29], однако уже спустя несколько месяцев вновь возвращён к исполнению своих обязанностей [302]. Относительно больше известно о султানে Есим Букеев, младшем помощнике Сергиопольского уездного начальника. Историки и собиратели устной истории единодушны в том, что Есим был влиятельным казахским чиновником, чья авторитетность простиралась от Копала до Аягуза, охватывая значительную часть казахского кочевого мира. Известно также, что в составе официальной делегации из Семиречья он принимал участие в торжественном посещении Санкт-Петербурга в 1873 году, посвященном юбилею династии Романовых. Позже, в начале XX века, он же был одним из спонсоров выпуска книг представителей Алашорды [304].

В числе первых представителей казахской знати, получивших назначение на должность младшего помощника начальника уезда в Верненском уезде, был Коджагул Байсеркин. Его вступление в должность состоялось 1 января 1868 года [305]. При этом Байсеркин уже имел опыт взаимодействия с российской администрацией ещё до учреждения Семиреченской области: в 1860–1862 годах он содействовал военным операциям под командованием генерала Колпаковского при осаде Токмака и Пишпека. Кроме того, во время штурма укреплений в районе Узунагаша он активно поддерживал действия имперских войск, способствуя взятию данной территории [306; с. 173]. Заслуги Коджагула Байсеркина перед Российской империей не остались без внимания. Его преданность интересам царской администрации неоднократно отмечалась наградами. В 1850 году он был поощрён пожалованием кафтана II разряда, а за выдающуюся службу 24 сентября 1866 года получил воинское звание штабс-капитана. В дальнейшем, уже исполняя обязанности младшего помощника начальника уезда, он вновь был удостоен высокой оценки: награждён орденом Святого Станислава III степени и серебряной медалью [305].

Следует отметить, что в Верненском уезде на должности младших помощников начальников уездов назначались не исключительно представители султанских родов. Среди них встречались и казахи, не имевшие султанского происхождения, но пользовавшиеся авторитетом и влиянием в своем окружении. Показателен в этом отношении пример Коджагула Байсеркина, ставшего первым младшим помощником начальника уезда в Верном. Он происходил не из султанского рода, а из племени Дулат — одного из влиятельных объединений местного населения. После того как Коджагул Байсеркин был выведен из состава государственной службы согласно приказу военного губернатора Семиреченской области № 29 от 1 февраля 1871 года [307; с. 17], его преемником на должности младшего помощника начальника уезда стал также казах, не принадлежавший к султанскому роду. Так, с 1 января 1872 года это место занял бывший волостной управитель Тургенской волости Верненского уезда — прапорщик Умырали Айдаров [308; с. 23].

Показательным случаем назначения на должность младшего помощника уездного начальника представителя султанского рода является биография султана Атхана Худаймендина. Он стал единственным казахским чиновником, занимавшим эту позицию в Копальском уезде. До перехода в уездное управление Худаймендин уже имел значительный опыт административной деятельности: в 1859–1863 годах он числился кандидатом на пост старшего султана-управителя, а с 1863 по 1868 год состоял заседателем Копальского приказа. С 1 января 1868 года и до начала 1878 года он официально исполнял обязанности младшего помощника начальника Копальского уезда [309; л. 1].

В отчетах областного и генерал-губернаторского начальства деятельность султана Атхана Худаймендина на посту младшего помощника Копальского уездного начальника оценивалась весьма положительно. Администрация неоднократно подчеркивала его значимость в управлении местным населением. Так, военный губернатор Семиреченской области генерал Колпаковский характеризовал его службу как образец лояльности и ответственности. Он писал, что «Вся служба султана Атхана, могу засвидетельствовать, отличалась преданностью русскому правительству, честным и разумным отправлением обязанностей, усердием и ревностью в исполнении поручений начальства... Долголетняя служба его принесла, таким образом, не мало пользы администрации в деле управления киргизами, в чем Атхан был всегда честным, преданным и разумным пособником уездному начальнику» [309; л. 1]. В свою очередь, Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман охарактеризовал Худаймендина как чиновника, «отличавшегося всегда особенной преданностью русскому правительству и усердием в исполнении назначенных ему поручений» [309; л. 1об].

Высокая оценка, данная султану Атхану Худаймендину представителями областной и генерал-губернаторской администрации, нашла свое отражение и в регулярных поощрениях за его многолетнюю службу в интересах царской власти. На протяжении почти двадцати лет он неоднократно удостоивался различных наград — как в форме официальных грамот, так и материальных знаков отличия. Архивные документы фиксируют ряд конкретных случаев вручения ему государственных наград за преданную и усердную службу. Наиболее значимые из них представлены в таблице ниже:

Дата	Приказ №	Награда	За что вручалась
8 апреля 1867 г.	№ 1723	Серебряная медаль на петлицу и суконный кафтан 3 разряда	«За усердие» и «за отлично усердную и ревностную службу» [299; л. 7]
6 сентября 1868 г.	№ 947	Большая серебряная медаль для ношения на шее (от Туркестанского генерал-губернатора)	«За отлично усердную службу» [299; л. 7]
19 декабря 1877 г.	№ 9282	Большая золотая медаль на Анненской ленте для ношения на шее	«За отлично-усердную и ревностную службу» [310; лл. 1-2]

Эти поощрения были не просто формальными знаками внимания, а важным элементом имперской наградной политики, через которую царская администрация укрепляла свою власть и формировала лояльную к себе казахскую элиту.

Безусловно, заслуги султана Атхана Худаймендина, занимавшего должность младшего помощника Копальского уездного начальника, были отмечены даже в момент ликвидации этой позиции в 1878 году. В рапорте № 275 от 20 декабря 1877 года военный губернатор Семиреченской области генерал Колпаковский обращается к Туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману с просьбой о назначении султану Атхану пожизненной пенсии. Это ходатайство связано с упразднением его должности и выводом из штатной численности системы местного управления. В рапорте Колпаковский подчеркивает: «Ясно представляя себе картину трудов и заслуг Атхана пред лицом русского дела, я считаю долгом, в виду почти двадцатилетней службы Атхана Худаймендина, просить ваше высокопревосходительство об исходатайствовании помянутому туземцу пожизненной пенсии из суммы государственного Казначейства в размере трехсот рублей в год» [309; л. 3]. Эта просьба была поддержана Туркестанским генерал-губернатором и впоследствии одобрена военным министром приказом № 128 от 21 апреля 1878 года. В итоге, несмотря на то, что султан Атхан Худаймендин был выведен из штата, он продолжал получать пожизненную пенсию в размере трехсот рублей в год, что закрепило за ним статус первого и единственного казахского чиновника, занимавшего должность младшего помощника Копальского уездного начальника.

В исторических источниках также зафиксированы случаи, когда на должности младших помощников уездных начальников в кыргызских волостях Семиреченской области назначались представители местной аристократии — влиятельные манапы. Так, в Токмакском уезде эту административную функцию исполняли Сауранбай Худояров и султан Кутан Султанбеков [300; л. 9об], а в Иссыккульском уезде аналогичный пост занимал — манап Токсоба Олжабаев [299; л. 22].

Количество казахов, занимавших посты младших помощников уездных начальников в Семиреченской области, оставалось незначительным, что связано с ограниченным сроком существования этой административной должности. Она была введена в систему местного управления в 1868 году и просуществовала всего десятилетие. Согласно Приказу № 2 от 14 января 1878 года, изданному Туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом, должность младшего помощника уездного начальника была официально упразднена именно в Семиреченской области. Вместе с тем, в результате этого упразднения произошло расширение административного аппарата: штат Областного правления был дополнен новыми единицами — бухгалтером, письмоводителем и рассыльным [311; с. 29]. В то же время приказ не содержит разъяснений относительно причин упразднения именно в пределах данной области.

Возникает закономерный вопрос: почему должность младшего помощника уездного начальника была упразднена именно в Семиреченской области? Особенно примечательно, что в этой области данная позиция практически полностью замещалась представителями казахского населения. Таким образом, ликвидируя эту административную единицу, колониальная администрация фактически сузила возможности казахов для участия в системе местного управления. Это решение выглядит особенно неоднозначным на фоне того, что в других областях Казахской степи данная должность сохранялась и использовалась вплоть до 1890-х годов [81; сс. 96–97], то есть значительно дольше, чем в Семиречье.

Однако, несмотря на отсутствие официальных разъяснений в самом приказе, реальная причина упразднения должности младшего помощника уездного начальника в Семиреченской области всё же обнаруживается в сопроводительной корреспонденции. В письме от 11 февраля 1878 года, адресованном военному министру, Туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман прямо указывает следующее: «Мера эта признана мною необходимой в виду того, что должность младшего помощника уездного начальника из туземцев оказывалась в настоящее время бесполезной, так как начальники уездов успели совершенно ознакомиться с бытом подведомого им кочевого населения» [311; л. 2]. Таким образом, становится очевидным, что с 1878 года администрация края сочла присутствие казахских чиновников в роли помощников уездных начальников излишним, полагая, что колониальные управленцы уже не нуждаются в посредниках между собой и местным населением. Данное решение можно рассматривать как один из этапов институционального вытеснения коренного населения из системы управления и как проявление общей тенденции к усилению колониального контроля и бюрократизации региона без участия местных кадров.

В результате анализа представленных источников можно выделить несколько ключевых выводов.

Во-первых, колониальная администрация активно вовлекала представителей местной аристократии в структуру управления, наделяя их должностями младших помощников уездных начальников. Эти лица выполняли функцию посредников между имперской властью и кочевым населением, облегчая первые этапы административной адаптации. Однако их роль была строго ограничена: в рамках иерархической модели власти казахи могли претендовать исключительно на низший административный уровень, не получая равных полномочий с русскими чиновниками — старшими помощниками, как правило, выходцами из офицерской среды.

Во-вторых, если представители титулованной знати не могли занять соответствующую должность, власть прибегала к альтернативной стратегии: на должность назначались уважаемые и авторитетные люди из числа родоплеменной элиты. Так, несмотря на отсутствие формального статуса султана, Коджагул Байсеркин был утверждён в должности благодаря своему происхождению от Самен батыра и принадлежности к влиятельному подроду

Ботбай рода Дулат [305]. Подобный выбор подчеркивает, что главное внимание уделялось не административной подготовке, а степени влияния кандидата на подчинённое население.

В-третьих, на эти позиции, как правило, попадали лица с уже сформированным опытом управления — нередко бывшие старшие султаны дореформенного периода. Колониальные власти поощряли их лояльность через систему знаков отличия: грамоты, награды, парадные одежды. Это стимулировало их активное участие в службе и способствовало укреплению административной вертикали за счёт внутреннего ресурса.

В-четвёртых, создаётся впечатление, что назначение казахов на должность младших помощников уездных начальников было лишь временной мерой. Эти чиновники исполняли роль «переходных фигур», необходимых до тех пор, пока русские администраторы не овладеют знаниями о местных условиях и не смогут управлять самостоятельно. После этого необходимость в казахских посредниках, по мнению властей, отпала, что и отразилось в упразднении самой должности.

В заключение можно сказать, что политика империи в отношении местной знати была двойственной: с одной стороны, её использовали как инструмент колониального управления, с другой — стремились ограничить её влияние, не допуская к ключевым рычагам власти. Назначение казахов на должности младших помощников носило скорее утилитарный, чем институциональный характер. Это отражает общую стратегию Российской империи в Центральной Азии: приспособление местных структур к имперским нуждам на этапе консолидации власти с последующим их вытеснением. Таким образом, история этой должности — это история не только административной практики, но и наглядный пример постепенного отстранения коренного населения от управления собственной территорией.

3.2 Переводчики Семиреченской области как информанты колониальной власти

В системе государственного управления Семиреченской области особое значение имел институт переводчиков из числа казахских чиновников. Их участие было ключевым для функционирования казахско-русских отношений в XIX — начале XX столетия. Эти специалисты выполняли роль посредников между имперской администрацией и местным населением, обеспечивая необходимое взаимодействие и взаимопонимание.

Во II половине XIX века переводчики в регионе стали важными участниками административного процесса. В связи с этим в каждом управленческом округе предусматривались должности штатных переводчиков, преимущественно из коренного казахского населения.

В отечественной историографии вопросы, связанные с деятельностью казахов-переводчиков, остаются недостаточно изученными. Между тем анализ их работы позволяет пролить свет на важные процессы социальных изменений, происходивших в казахском обществе во второй половине XIX — начале XX

века. Не менее значимыми являются аспекты, касающиеся вклада переводчиков в интеграцию южных территорий Казахстана в состав Российской империи, а также механизмов их назначения и социально-культурных характеристик этих служащих, занимавших должности в административной системе Семиреченской области. Кроме того, представляет интерес то, каким образом местные жители воспринимали казахов, исполнявших функции переводчиков в российском управленческом аппарате. Все эти темы будут рассмотрены в данном разделе диссертационного исследования.

Прежде всего, следует обратить внимание на вопрос о значении должности переводчика в административной политике царской власти. Этот аспект важно рассматривать не только в контексте истории Семиреченской области, но и шире — в рамках всего Туркестанского генерал-губернаторства, в чьем составе находился данный регион. Институт переводчиков занимал особое место в системе управления многонациональными окраинами империи, где языковой и культурный барьер между русской администрацией и местным населением создавал существенные трудности в управлении.

В связи с этим можно выделить две ключевые проблемы, связанные с деятельностью казахов-переводчиков в административных структурах Туркестанского края. Первая заключалась в элементарном незнании большинством русских чиновников местных тюркских языков, что делало невозможным эффективное взаимодействие с коренными жителями без посредничества переводчиков. Это обстоятельство объективно повышало значимость их должности и превращало переводчиков в незаменимых участников управленческого процесса.

Вторая проблема имела более дискуссионный характер и касалась споров в среде русских администраторов и востоковедов относительно самой необходимости института переводчиков. Некоторые представители власти выражали сомнение в их лояльности, опасаясь, что переводчики, будучи выходцами из местной среды, могли исказить смысл передаваемой информации в пользу своих соплеменников. С другой стороны, многие чиновники и ученые подчеркивали, что без таких специалистов административное управление в регионе было бы попросту невозможным.

Таким образом, вопрос о роли и месте переводчиков в колониальной политике Российской империи в Средней Азии становится не только техническим, но и политико-идеологическим. Именно в этом контексте необходимо рассматривать их деятельность как отражение более широких процессов взаимодействия имперского центра с периферией, что и будет предметом анализа в данном разделе исследования.

Во второй половине XIX столетия органы власти Туркестанского генерал-губернаторства остро столкнулись с проблемой эффективного общения с местным населением. Недостаточное количество русских чиновников, владеющих «туземными наречиями», серьезно осложняло управленческую деятельность на местах. Этот вопрос не остался незамеченным руководством края и вызвал обеспокоенность у высших должностных лиц.

Одним из первых, кто публично обозначил эту проблему, стал генерал-губернатор К.П. Кауфман. В своих отчетах и переписке он неоднократно подчеркивал, что незнание языков «иностранцев» членами администрации препятствует налаживанию прочных связей между властью и местным населением. По мнению Кауфмана, «неизбежное присутствие переводчиков» в управленческом процессе не способствовало укреплению контактов, а, напротив, создавало дополнительную дистанцию между русскими чиновниками и тюркоязычными народами [312; с. 67].

В связи с этим генерал-губернатор настоятельно призывал своих подчинённых к изучению языков коренного населения. Он полагал, что личное владение тюркскими языками со стороны русских администраторов значительно повысило бы эффективность управления и способствовало бы более глубокому пониманию местной социальной структуры, обычаев и правовых норм. Таким образом, позиция Кауфмана отражала более широкую дилемму колониального управления: полагаться ли исключительно на институт переводчиков или стремиться к непосредственному взаимодействию с населением через языковую и культурную адаптацию чиновничества.

Требования к изучению «местных наречий» со стороны высших чиновников Туркестанского края выдвигались и после К.П. Кауфмана. Так, генерал-губернаторы конца XIX века Н.О. Розенбах (1884–1889 гг.) [313; с. 192] и С.М. Духовский (1898–1901 гг.) [314; с. 172] также подчеркивали важность языковой подготовки русских администраторов и настаивали на необходимости овладения тюркскими языками. Однако, несмотря на их настойчивость, существенных изменений в ситуации не произошло. Уже в начале XX века генерал-губернатор Д.И. Субботич (1905–1906 гг.) с тревогой характеризовал сложившееся положение как «гибельное» и «в высшей степени ненормальное» [315; с. 2]. В попытке исправить ситуацию он распорядился создать специальную комиссию, которая должна была разработать меры, «коими можно было бы побудить служащих к изучению местных языков». Более того, Субботич инициировал общественное обсуждение проблемы на страницах «Туркестанских ведомостей», надеясь привлечь внимание к вопросу. Однако, его инициативы не дали ощутимого результата. Его преемник на посту генерал-губернатора, Н.И. Гродеков (1906–1908 гг.), был вынужден констатировать отсутствие прогресса: русские чиновники по-прежнему не владели языками местного населения, что неизбежно вынуждало администрацию полагаться на помощь переводчиков [316; с. 88].

Из приведённых фактов становится ясно, что администрация Туркестанского генерал-губернаторства на протяжении всего периода своего существования сталкивалась с острой нехваткой русских чиновников, владеющих языками народов края. Попытки высших должностных лиц обязать служащих к изучению «местных наречий» оказались безрезультатными и не дали ощутимых положительных сдвигов. Вследствие этого власти были вынуждены прибегать к помощи переводчиков из числа местного населения, чтобы восполнить дефицит языковой компетенции среди русских чиновников.

Это, в свою очередь, привело к усилению роли представителей коренного населения в административной коммуникации. Казахские переводчики, с одной стороны, восполняли пробел в знании «туземных» языков, а с другой — способствовали интеграции казахских служащих в имперскую управленческую систему.

В начале XX века на страницах газеты «Туркестанские ведомости» была инициирована общественная дискуссия, посвящённая вопросам переводческой деятельности и соответствующих должностей в регионе. Обсуждались причины, по которым русские чиновники не осваивали местные языки, рассматривались возможности замещения туземных переводчиков русскими служащими, а также степень доверия властей к местным переводчикам. Важно отметить, что в обсуждении приняли участие представители администрации генерал-губернаторства, учёные-ориенталисты и сами переводчики. Центральной темой споров стал вопрос о целесообразности существования самой должности переводчика в условиях края. Так, статский советник Я.Я. Лютш, характеризуя положение дел, выражал мнение о необходимости, по возможности, упразднить эти должности, указывая, что «в связи с развитием школьного дела эта мера окажется вполне действительной и значительно облегчит деятельность нашей уездной администрации в крае» [315; сс. 10–11].

Противоположную точку зрения занял губернский секретарь Кострубский, который счёл предложение Я.Я. Лютша «неправильным». По его мнению, переводчик необходим даже тому администратору, который в совершенстве владеет местным языком, поскольку его роль столь же значима, как роль штейгера для опытного горного инженера, техника для путейца, монтера для технолога, фельдшера для врача или акушерки для акушера. Кострубский подчёркивал, что переводчик незаменим в работе с представителями местного населения, так как, по его словам, «администратор, приказав переводчику разъяснить и растолковать только что переведённое им самим, займётся в это время опросом других просителей и вообще очередными делами» [315; сс. 73–75].

Известный востоковед Н.С. Лыкошин, в целом разделяя точку зрения Кострубского, тем не менее предостерегал от чрезмерного доверия к интерпретациям распоряжений администрации, осуществляемым туземными переводчиками. Он подчёркивал, что ради предотвращения возможных «кривотолков» не следует поручать переводчику самостоятельное толкование официальных указаний. Вместо этого Лыкошин предлагал рассматривать переводчика скорее как посредника, передающего вопросы администратора, тем самым экономя его силы и облегчая служебную нагрузку, а также как своеобразную «машину для разговора». Кроме того, он настоятельно рекомендовал сохранять критическое отношение к переводчикам и избегать предоставления им каких-либо преимуществ по сравнению с остальными представителями туземного населения. По мнению Лыкошина, недопустимо, чтобы переводчику позволялось играть роль советника, ходатая или защитника

(пусть даже мнимого) интересов местных жителей перед лицом представителя власти [315; сс. 91–93].

Автор, публиковавшийся под псевдонимом Алибий в «Туркестанских ведомостях», имел своё особое мнение по этому вопросу. Он не видел пользы в работе устных переводчиков и предлагал ликвидировать эту должность, считая при этом письменных переводчиков необходимыми, поскольку «труд разборки разных почерков будет не по силам приставам, заваленных работою» [315; с. 114].

В итоге среди русских администраторов и ориенталистов региона не существовало единого взгляда на роль переводчиков — мнения существенно различались и не складывались в общую позицию. Тем не менее все они были согласны с идеей заменить местных переводчиков русскими служащими. Однако на практике среди русских чиновников, работающих в Туркестанском регионе, было мало тех, кто владел местными языками, из-за чего региональные власти оказывались зависимы от переводчиков из числа коренного населения.

Практически в каждой административной единице Семиреченской области имелись штатные переводчики, которые играли важную коммуникативную роль, связывая русских чиновников и местное казахское население. Молодые казахи, получившие образование в русско-туземных школах, гимназиях и университетах России, начали устраиваться на работу в местную систему управления, занимая должности устных и письменных переводчиков, предусмотренные законодательством.

Согласно «Положению» 1867 года, штат переводчиков в Семиреченской области включал должности в уездных и областных правлениях, а также при уездных судах. Однако с ростом взаимодействия местного населения с российской администрацией возникла необходимость увеличения числа переводчиков. Так, начиная с 1881 года в Туркестанском генерал-губернаторстве уездным врачам разрешили привлекать переводчиков при приёме казахских пациентов, на что уездному врачу ежегодно выделялось 180 рублей [224; с. 54].

По «Степному положению» 1891 года штат Семиреченского областного правления включал три должности переводчиков: один — по манчжурскому и китайскому языкам, и два — по «туземным» языкам. Переводчиками манчжурского и китайского языков обычно становились выпускники военных институтов, окончившие курсы восточных языков, и чаще всего это были не казахи. Казахи же занимали должности переводчиков «туземных языков», которым по Положению соответствовал IX класс по должности и VII разряд по пенсии, с годовым окладом в 1600 рублей (по 800 рублей на каждого) [224; с. 143].

В уездных управлениях, согласно статье 41 этого Положения, предусматривалось два штатных переводчика «туземных языков»: один письменный — при канцелярии, и один устный — для сопровождения русских чиновников в командировках по волостям и аулам. Их годовые жалованья составляли 800 и 400 рублей соответственно. Письменный переводчик имел чин

XIV класса по должности и IX класса по пенсии [205; с. 49]. Эти данные подтверждаются отчетом графа К.К. Палена о штатных единицах уездных управлений Семиреченской области [177; с. 161].

Кроме того, практика привлечения переводчиков уездными врачами, установленная с 1881 года, сохранялась [224; с. 54].

Переводчики также были предусмотрены в судебных учреждениях. Например, в Семиреченском областном суде штат предусматривал одного переводчика с годовой зарплатой в 800 рублей, классом должности IX и пенсионным разрядом VII. Мировым судьям и их помощникам выделялись средства на наём переводчиков [224; сс. 155-157].

Место работы	Количество переводчиков	Тип переводчика	Годовой оклад (руб.)	Класс должности	Пенсионный разряд	Примечания
Семиреченское областное правление	1 (манчжурский, китайский)	Письменный/устный?	—	—	—	Обычно не казахи, выпускник и военных институтов
Семиреченское областное правление	2 (туземные языки)	Письменный и устный	800 (каждый)	IX	VII	Казахи
Уездные управления	2	1 письменный, 1 устный	800 и 400	XIV (письм.) / —	IX (письм.) / —	По статье 41 «Степного положения»
Уездные врачи	По мере необходимости	Переводчики	180 (выделялось врачам)	—	—	Для приёма казахского населения Мировым судьям и помощникам
Семиреченский областной суд	1	Переводчик	800	IX	VII	выделялись отдельные средства

Подробное описание штатных должностей переводчиков содержится в отчетах сенатора графа К.К. Палена. Согласно его данным, в областном правлении Семиреченской области насчитывалось всего 36 штатных чиновников, из которых трое занимали должности переводчиков, двое из них были казахами [178; с. 109].

К.К. Пален также выделил основные обязанности переводчиков при уездных управлениях: письменный переводчик занимался переводом различных прошений и жалоб, а также рассмотрением и переводом решений народного суда. В то время как словесный переводчик выступал в роли посредника между

администрацией и просителями, жалобщиками и свидетелями во время дознаний.

Кроме того, Пален предложил меры по улучшению работы переводческой службы. Он рекомендовал уравнивать оклады письменных и словесных переводчиков, поскольку их обязанности значительно пересекались. Также он выступал за повышение заработной платы переводчиков с целью привлечения в администрацию «вполне подходящих лиц» [177; сс. 52-53].

На основании изучения фондов центральных архивов Казахстана, Узбекистана и России, а также справочных материалов Семиреченского областного правления, адрес-календарей и списков «служащих гражданского и других ведомств, служащих в Семиреченской области», были восстановлены имена казахских переводчиков, работавших в областном и уездных правлениях в период с 1897 по 1905 годы:

Таблица 6.

Год	Областное правление	Верненский уезд	Копальский уезд	Лепсинский уезд	Пишпекский уезд	Пржевальский уезд	Джаркентский уезд
1897 [147]	Турдыбек Сыртанов; Асылходжа Курманбаев	Бакий Чалымбеков	Калыгул Чигиров	Нур-Ахмет Нурджанов; Абуш Нурджанов	Ягуда Кушуков; Ибрагим Ногаев	Мухамет Али Мураталин	Калмыкы Булатов
1898 [148]	Турдыбек Сыртанов; Асылходжа Курманбаев	Бакий Чалымбеков	Абуш Нурджанов	Нур-Ахмет Нурджанов	Калыгул Чигиров	Ягуда Кушуков	Джумадыль Кожугулов
1900 [149]	Турдыбек Сыртанов; Калыгул Чигиров	Бакий Чалымбеков	Абуш Нурджанов	Нур-Ахмет Нурджанов	Сатылган Сабатаев	Ягуда Кушуков	-
1901 [150]	Турдыбек Сыртанов; Калыгул Чигиров	Бакий Чалымбеков	Абуш Нурджанов	Джуман Тышкамбаев	Сатылган Сабатаев	Ягуда Кушуков	-
1902 [152]	Турдыбек Сыртанов; Калыгул Чигиров	Бакий Чалымбеков	-	Джуман Тышкамбаев	-	Ягуда Кушуков	Сатылган Сабатаев
1905 [151]	Калыгул Чигиров	Бакий Чалымбеков	Джумадыль Кожугулов; Асылходжа Курманбаев	Джуман Тышкамбаев	Мухамет-Али Мураталин; Найзабек Тулин	Ягуда Кушуков	Сатылган Сабатаев; Ибрагим Джайнаков

Как показывает приведённая таблица, казахские чиновники занимали должности не только в канцелярии областного правления, но и во всех уездных управлениях на протяжении рассматриваемого периода. Анализ данных позволяет отметить, что в некоторых уездах переводчики казахского происхождения оставались на своих постах в течение длительного времени, тогда как в других административных единицах кадровая ротация была достаточно частой. Архивные материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан содержат множество прошений, заявлений и иных

документов, объясняющих подобную подвижность кадров. Причинами перемещений являлись как личные обстоятельства самих переводчиков, так и внутренние решения, а также взаимоотношения с региональной и уездной администрациями.

Кроме того, эти данные дают веские основания предполагать, что к концу XIX — началу XX века представители казахского народа составляли большинство переводчиков, занятых в системе управления региона. Должности переводчиков казахского происхождения были широко распространены и занимались ключевой коммуникативной функцией между властью и местным населением. Данное наблюдение подтверждается и мнением графа К.К. Палена, который в начале XX века отмечал, что почти все переводчики Семиреченской области — за исключением единичных случаев — происходят из числа местных киргизов, то есть казахов [177; с. 52].

Практически все упомянутые переводчики получили образование в учебных заведениях Российской империи, расположенных непосредственно на территории Семиреченской области. Вместе с тем среди них встречались выпускники Омской фельдшерской школы, такие как Бакий Чалымбеков и Ягуда Кушуков, которые занимали переводческие должности в управлении Верненского, Пишпекского и Пржевальского уездов [296]. По социальному статусу эти специалисты преимущественно происходили из семей простых кочевников, лишь немногие принадлежали к родам, представители которых занимали позиции управляющих. В качестве примера можно привести род Сыртановых, глава которого исполнял функции управляющего рода найман [236; л. 25].

Кроме того, необходимо учитывать, что работа переводчика требовала от чиновника высокого уровня устной и письменной грамотности, способности точно передавать специализированные термины, знания местных обычаев и глубокого понимания контекста описываемых событий. Должность письменного переводчика пользовалась значительной востребованностью и воспринималась как почетная. Это объяснялось не только размером жалованья, но и присвоением чина, пенсионными выплатами и другими льготами. Например, в послужном списке коллежского регистратора и переводчика туземных языков при Семиреченском областном правлении Турдыбека Сыртанова отмечено, что его годовое содержание составляло 800 рублей. По выходу в отставку ему была назначена пенсия в размере 114 рублей 30 копеек, что составляло две трети от его годового жалованья. Однако после подачи прошения размер пенсии был увеличен до 214 рублей 60 копеек в год. Помимо этого, за девятилетнюю службу Турдыбек Сыртанов был удостоен серебряных медалей и ценных подарков, а также вошел в состав казахской делегации 1896 года, отправленной в Москву от Копальского и Лепсинского уездов Семиреченской и Семипалатинской областей [236; л. 28].

С другой стороны, размер жалованья переводчиков напрямую зависел от того, на какие языки они специализировались. Так, например, коллежский регистратор и переводчик казахского языка Копальского уездного управления

Мухамед Али Мураталин получал ежегодное жалованье в размере 800 рублей, которое состояло из основной суммы в 533 рубля 33 копейки и дополнительных 266 рублей 66 копеек на столовые расходы. В то же время переводчик маньчжурского и татарского языков при военном губернаторе Семиреченской области, Иш-Мухамед Аблайханов, получал более высокое вознаграждение — 1200 рублей в год. Кроме того, при выходе на пенсию ему была назначена повышенная пенсия в размере 800 рублей ежегодно, вместо стандартных 285 рублей [278]. Все эти привилегии, почести и материальные вознаграждения, которыми пользовались письменные переводчики, были заметным стимулом для местного населения стремиться дать своим детям образование в системе Российской империи и войти в административную службу.

При рассмотрении роли казахских переводчиков Семиреченской области полезно обратиться к современным научным концепциям, которые сформировались на стыке XX и XXI веков благодаря развитию постколониальных исследований. Так, английский ученый Кристофер Бэйли в своих работах, посвященных механизмам управления Британской империей в Индии, подчеркивает важность информации, которую аккумулируют местные чиновники и служащие административной системы. По мнению Бэйли, эффективное создание и поддержание коммуникационных сетей между колониальными властями и местным населением играет ключевую роль в сохранении контроля над колонией. В отсутствие таких информационных каналов управление теряет устойчивость, что может привести к серьезным социальным конфликтам, восстаниям и даже сепаратистским движениям [208].

Применяя эту теоретическую модель к ситуации в Семиреченской области, можно предположить, что казахские переводчики выполняли функцию своеобразных информационных посредников и информантов для колониальной администрации Российской империи. Их деятельность, будь то письменный или устный перевод, не ограничивалась лишь технической передачей слов. Переводчики также играли важную роль в сборе, систематизации и интерпретации данных о политической, социально-экономической и культурной жизни региона. Благодаря этому они способствовали формированию устойчивых сетей коммуникации, которые связывали царскую власть с местным населением, обеспечивая обмен информацией и облегчая управление.

Американский историк Йан Кемпбелл, изучавший роль казахских посредников в структуре власти Российской империи, подтверждает подобный взгляд на их функцию. Он отмечает, что в начале XX века колониальная администрация не всегда использовала полноценно информацию, собранную такими посредниками, как писари и переводчики. В результате ослабления коммуникации и недооценки знаний местных агентов власти сложилась напряженная ситуация, которая в конечном итоге стала одной из причин восстания 1916 года [130]. Это свидетельствует о том, что недостаток искажения и пренебрежение каналами коммуникации с местным населением через посредников приводили к ослаблению контроля и росту конфликтов.

Таким образом, с учетом постколониальных теорий можно видеть казахских переводчиков не только как технических специалистов в сфере языка, но и как ключевых фигур в управлении колониальной территорией, чья деятельность оказывала влияние на политическую стабильность и социальную динамику региона. Их роль выходит за рамки простой передачи информации — они становились своеобразными «мостами» между двумя мирами, поддерживая жизненно важные коммуникационные сети, без которых колониальная власть могла утратить контроль над территорией.

Вопрос о роли переводчиков в Семиреченской области можно проанализировать с опорой на идеи зарубежных исследователей, работающих в русле постколониальной теории. В частности, заслуживает внимания книга Тэджасвини Ниранджан «Siting Translation», в которой автор подвергает критике практику перевода в колониальном контексте. По её мнению, межъязыковой перевод в условиях имперского властвования не способен выполнять функцию культурного посредничества, так как служит не диалогу, а является инструментом, обеспечивающим и закрепляющим механизмы колониального подчинения. На примере Британской Индии Ниранджан показывает, как перевод становился ключевым механизмом трансляции и внедрения определённых идеологических установок, выгодных колониальной власти. Ниранджана демонстрирует, как под влиянием идеологии сначала Ост-Индской компании, а затем и Британской империи, индийская образованная элита постепенно перенимала колониальный взгляд на собственный народ, воспринимая его как иррациональное, хаотичное и культурно «отсталое» множество. В колониальном контексте Индии исследовательница выделяет ряд социальных групп, которые активно участвовали в этом процессе. В частности, она обращает внимание на деятельность миссионеров, занимавшихся образованием: управляя школами, финансируемыми колониальными властями, они одновременно выступали в роли лингвистов и переводчиков. По сути, такие фигуры, по её мнению, выполняли функцию колониальных агентов, способствуя формированию подданных с внутренне усвоенной системой колониальных ценностей и иерархий — то есть участвовали в «практике субъективации» [317, с. 21].

Американский исследователь и переводчик, специалист в области права Дуглас Робинсон в своей работе «Translation and Empire: Postcolonial Theories Explained» поднимает вопрос о глубинной связи между понятиями «перевод» и «империя», которые на первый взгляд кажутся несвязанными. Однако, по мнению автора, эти понятия тесно переплетены, поскольку перевод на протяжении истории был неотъемлемым инструментом колониального владычества. Робинсон подчеркивает, что постколониальные исследования перевода возникли как реакция на осознание того, что перевод испокон веков служил важнейшим средством имперской экспансии, облегчая завоевание и удержание территорий. Более того, он утверждает, что перевод в колониальном контексте выполнял функции не только коммуникации, но и идеологического воздействия — он использовался для утверждения власти, навязывания

образовательных моделей и целенаправленного формирования сознания покорённых народов [318, с. 10].

Колониализм охватывал не только аспекты территориального захвата, политического контроля и экономической эксплуатации, но также включал в себя систематическое культурное подчинение завоеванных народов. Одним из ключевых инструментов этого процесса стало насаждение языка метрополии. При этом, как отмечает Дуглас Робинсон, колонизаторы стремились не просто наладить эффективное общение с покорённым населением, но и выработать такие формы взаимодействия, которые способствовали бы трансформации колонизированных в покорных, «кооперативных» подданных. В этом контексте, по его мнению, одной первоочередных задач из колониальной администрации становился поиск и подготовка лояльных переводчиков, способных выполнять роль посредников между властью и местным населением, одновременно передавая не только языковые смыслы, но и необходимые имперские установки [318, с. 10].

Таким образом, казахские переводчики, занимавшие официальные должности при российской администрации, воспринимались в кочевом обществе двойственно и неоднозначно. С одной стороны, они вызывали уважение как люди, добившиеся успеха: владеющие русским языком, обладающие социальным капиталом, поддерживающие связи с представителями имперской власти, получающие знаки признания — например, государственные награды или почётные грамоты от царя. Для своих земляков они могли олицетворять пример адаптации к новым реалиям и даже символизировать возможность социальной мобильности в условиях колониального порядка. Как отмечал Мухамеджан Тынышпаев, служба переводчиком в колониальной администрации сулила казахам быстрый социальный и материальный рост. Он писал: «каждый вновь приезжий бедный переводчик-киргиз [казах] через год становился уже богачом, имел табуны лошадей, красивые юрты и т.д.; не мудрено, что для киргизских [казахских] учеников гимназии быть переводчиком стало заветной мечтой» [288; с. 37]. Таким образом, профессия переводчика воспринималась как эффективный способ достижения успеха в новых политико-административных условиях. Однако сам Тынышпаев критически относился к подобной карьере, считая, что материальное процветание зачастую достигалось за счёт податливости перед властью. Исключение, по его мнению, составляли братья Сыртановы из Верного, которые, в отличие от большинства, «пользовались заслуженным уважением как народа, так и областной администрации» [288; с. 37], то есть сумели сохранить репутацию честных и уважаемых посредников между обществом и властью.

Высокий уровень материального достатка казахских переводчиков подчёркивал и Санджар Асфендияров. Он писал, что «царская колониальная система являлась основным хребтом, фундаментом, опираясь на который организовалась и оформилась казахская верхушка в лице баев — полуфеодалов, переводчиков и аткаминеров» [52, с. 304]. Хотя это суждение несёт на себе

яркий отпечаток коммунистической идеологии, с её акцентом на классовую борьбу и критику феодально-колониальных структур, оно всё же содержит важные наблюдения. Асфендияров, исходя из марксистской методологии, показывает, как в условиях царского колониализма формировалась новая социальная иерархия, где переводчики заняли значимое место среди привилегированных слоёв. Таким образом, его оценка, несмотря на идеологическую заданность, даёт дополнительную перспективу для понимания роли переводчиков как части местной элиты, интегрированной в колониальный порядок и получающей от него реальные социальные и экономические выгоды.

Таким образом, во II половине XIX века значительно возросла роль казахских переводчиков, находившихся на службе у Российской империи. Представители местного населения, владевшие как родным, так и русским языками, становились важным связующим звеном между колониальной администрацией и туземным обществом. Переводчики активно вовлекались в управленческую практику, входили в штат практически каждой административной единицы и выполняли функции, выходящие за рамки простой передачи смыслов: они участвовали в делопроизводстве, судебных заседаниях, переговорах и сборе информации. Для империи их деятельность, с одной стороны, компенсировала языковой барьер между русскими чиновниками и коренным населением, с другой — способствовала более глубокой инкорпорации казахского общества в общую систему колониального управления, формируя слой посредников, лояльных к властной вертикали и способных транслировать её интересы на местном уровне.

К началу XX века казахские переводчики прочно заняли своё место в административной системе Семиреченской области, входя в штат практически всех звеньев регионального управления. Согласно данным канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства за 1900 год, именно должность переводчика оказалась единственной в структуре областной власти, где численно преобладали представители коренного населения. Все переводческие посты в уездных управлениях Семиреченской области на тот момент были заняты казахами, что подчёркивает их значимость как неотъемлемых посредников между колониальной администрацией и местным населением [319; лл. 66–67]. Этот факт свидетельствует не только о высоком спросе на лингвистическую и культурную компетентность казахских служащих, но и о том, что в условиях языкового и этнокультурного барьера между метрополией и колонией именно переводчики становились ключевыми фигурами в системе административного взаимодействия.

Таким образом, в регионе на рубеже веков наблюдалось существенное изменение в отношении казахского населения к профессии переводчика. Должность стала восприниматься как престижная и перспективная, что способствовало росту интереса к образованию, предоставляемому русскими школами и гимназиями. Все больше семей стремились дать своим детям такое образование, видя в нем путь к социальной мобильности и успешной карьере в государственной службе. В результате наблюдалось устойчивое увеличение

числа желающих занять переводческие посты. Причём даже в тех случаях, когда вакантных должностей не было, существовал резерв претендентов, готовых немедленно приступить к исполнению обязанностей как устного, так и письменного переводчика.

Казахские переводчики получали официальное жалование от государства, а при выходе в отставку им, как правило, назначались пенсии. В отдельных случаях, особенно за долгую и усердную службу, им даже предоставлялось повышенное пенсионное содержание. Многие из них были отмечены наградами — орденами и знаками отличия — за преданность и активную деятельность на благо Российской империи. Однако наличие поощрений со стороны власти не означает, что колониальная администрация была полностью удовлетворена их работой. Тем не менее, как уже упоминалось ранее, имперская власть в значительной степени нуждалась в этих переводчиках и зависела от их участия в административных процессах. Таким образом, казахские переводчики Семиреченской области не просто выполняли вспомогательные функции, но занимали устойчивое место в структуре управления, становясь частью унифицированной царской системы местного администрирования.

3.3 Деятельность волостных управителей в контексте общественного управления

Во второй половине XIX – начале XX века волостные управители в Семиреченской области, как и во всей Казахской степи, были неотъемлемой составной частью местного управления. Они непосредственно участвовали в управленческих делах в кочевых волостях области. Были связующим звеном между царской властью и местным населением.

Установленная российской властью выборная система лиц местной, так называемой «туземной» администрации, способствовала росту статуса волостных управителей в кочевом обществе. Ведь данные должностные лица теперь считались высшими управленцами среди местного населения.

В Семиреченской области также, как и по всей Казахской степи, волостные избирались на трехлетний срок, получали жалования от государства. Выборные, которые назначались в аульном съезде от имени 50 кибитковладельцев, голосовали за выбор волостного управителя. Набравший самое большое количество избирательных голосов, становился волостным, тогда как второй – был кандидатом к нему. Последнего избирали на случаи болезни, смерти, отстранения от службы или другой необходимости волостного управителя. Их кандидатуры уездным начальником отправлялись на рассмотрение военного губернатора области, который мог утвердить их или же отклонить. В случае отклонения назначались новые выборы или замещались кандидатом к нему [68; 289-291 бб.].

Если согласно «Временному положению» волостные обретали полицейскую и распорядительную функции, отвечали за «сохранение спокойствия и порядка в волости», пресекали баранты и «наблюдали за исполнением всех законов и повинностей», то к концу XIX века круг их

обязанностей расширился. К названным обязанностям добавились ряд функций. Теперь волостные были обязаны исполнить разные правительственные распоряжения и судебные решения, присутствовать на аульных съездах без права вмешательства на итоги выборов аульных старшин, вести учет кибитковладельцев, производить контроль за прибылью и убылью населения, произвести своевременное поступление всех сборов с населения [58; 392 б.].

Кроме того, отдельные моменты, касающиеся круга обязанностей волостных управителей в зависимости от локальных особенностей, иногда уточнялись. Иногда даже добавлялись отдельные функции в зависимости от специфики региона. Например, в северных районах Семиреченской области, где пролегли почтовые тракты, волостные управители отвечали и за сохранность разных караванов или правительственных, почтовых транспортировок. В связи с этим, на страницах газеты «Семиреченские областные ведомости» за 1870 год был напечатан приказ военного губернатора области Г.А. Колпаковского волостным управителям, где он четко указывает, что должны делать последние при грабеже или атаке на разные транспортировки.

В приказе написано, что волостные управители обязаны:

1) «Неослабно наблюдать за подведомственными им людьми худого поведения, замеченными в грабежах и кражах, надзирая за их поступками и не дозволяя без необходимой надобности отлучаться с места кочевков.

2) У ненавестных людей, в особенности подозрительных, спрашивать законные виды на отлучку из мест жительств и в случае неимения видов и паспортов отсылать их к уездному начальнику, как бродяг.

3) Делать волостным по дорогам волости, а аульным старшинам по дорогам, пролегающим через места расположения аула, частые разъезды, особенно по почтовому тракту, для наблюдения за безопасностью проезжих.

4) В случае покраж, грабежей, нанесения обид, особенно проезжающим, как волостные управители, так и аульные старшины обязаны немедленно о преступлениях против всех не киргиз донести уездному начальнику, отослав к нему и обвиняемых, при важности преступления под стражею, а такие же преступления между киргизами кроме грабежей передавать в суд биев, наблюдая, чтобы разбирательство делалось без замедления, и убытки, с виновных присужденные, тотчас же взыскивались» [266; 37-38 бб.].

Очевидно, здесь начальник области возлагает ответственность за спокойствия и порядок в волости на волостных управителей, а в случае неисполнения данного приказа грозит волостным управителям отстранением от должностей.

Другим фактором уточнения или добавления круга обязанностей волостного управителя в Семиреченской области можно назвать содержание циркуляра военного губернатора области № 412 от 04 июня 1901 года. В нем начальник края призывает волостных управителей бороться с теми, кто «варварски расхищают древние памятники, разрушают монументы, раскапывают могилы». Поэтому он «предлагает обязать волостных управителей

строго следить за поведением населения, не допускать уничтожения и разрушения древних памятников и могил» [321]

Кроме того, как известно, после волостных выборов утвержденные списки избранных волостных управителей области печатались на страницах местной газеты «Семиреченские областные ведомости». В них хорошо отражались все детали процесса избрания управителей по всем волостям области за разные трехлетия вплоть до указания набранных голосов каждого кандидата. Также в газете ясно были напечатаны и другие официальные сведения и инструкции, касающиеся деятельности волостных управителей. Характер таких сведений о волостных управителях области на страницах периодической печати был разнообразен: в газете публиковались информации, статьи и приказы о назначениях, награждениях, отстранениях от должности или других особенностях их деятельности. Все они, конечно, имели официальный характер и отражали позицию царского правительства.

Другим также значимым источником по истории волостных управителей в Семиреченской области являются официальные справочные публикации, изданные областным правлением или генерал-губернаторством. Здесь стоит отметить роль «Адрес-календарей» и «Памятных книжек». В них также содержатся имена всех управителей по всем волостям области. Однако, в отличие от «Семиреченских областных ведомостей», в подобных справочных изданиях имеется лишь список волостных управителей. Подробные сведения о выборах волостного, особенностях их деятельности в регионе и другие сведения не встречаются. К тому же, охват списка волостных управителей области также несопоставим по сравнению с местной газетой. Если «Семиреченские областные ведомости» имеют сведения о волостных управителях начиная с 70-х годов XIX века, то официальные справочные книжки ограничиваются лишь периодом на рубеже XIX-XX веков, так как они были опубликованы лишь в эти периоды. Тем не менее, подобные материалы также представляют особую ценность для изучения истории и характера института волостных Семиреченской области в системе управления Казахской степью.

Таким образом, изучение особенностей института волостных в Семиреченской области показало, что волостные управители в регионе назначались, награждались, а в случае надобности отстранялись от службы или же увольнялись в соответствии с законами царского правительства. Таким образом, система волостных полностью была скоординирована царской властью. К тому же на такую ситуацию у правительства имелись все инструменты влияния.

В 1867 году в год учреждения Семиреченской области было создано 76 волостей, что заложило основу для нового административного устройства региона. Этот процесс был частью политики Российской империи, направленной на установление контроля над кочевыми народами. В 1870-е годы темпы формирования новых волостей значительно снизились – за это десятилетие появилось лишь 13 дополнительных административных единиц, и

их общее количество увеличилось до 89. Вероятно, это связано с тем, что изначально созданная система все еще функционировала без значительных изменений. Однако в 1890-е годы вновь наблюдается резкий рост числа волостей – было добавлено 36 новых единиц, доведя общее количество до 125. Причины этого могли включать в себя рост численности населения, переселенческую политику империи и необходимость более детального управления территорией. В начале XX века (1900–1909) административное расширение замедлилось – появилось лишь 9 новых волостей, доведя их общее число до 134. Возможно, это объясняется тем, что к тому моменту административная структура области уже в значительной мере стабилизировалась. В 1910-е годы процесс фактически прекратился – были созданы всего 3 новые волости, доведя их общее количество до 137. Таким образом, наиболее активные этапы формирования волостей пришлись на 1867 год и 1890-е годы, а после 1900 года темпы их увеличения резко снизились [43; сс. 143-149].

Волости, учрежденные в уездах, где доминировало казахское кочевое население (Верненский, Джаркентский, Копальский, Лепсинский уезды), составляли значительную часть административных единиц области. В 1867 году в этих уездах было создано 64 волости из 76 кочевых волостей всей области. В 1870-е годы в кочевых уездах появилось 13 новых административных единиц, 9 из которых были казахскими, а 4 – киргизскими, что довело их общее количество до 89. При этом казахские волости продолжали составлять большинство среди всех кочевых волостей области. В 1890-е годы наблюдался значительный рост числа волостей – появилось 36 новых единиц, из которых 28 приходились на казахские уезды, что увеличило их общее количество до 101. Однако их доля в структуре местного управления постепенно уменьшалась. В начале XX века (1900–1909) в казахских уездах появилось еще 6 новых волостей, что довело их количество до 107. В этот период процесс административного разделения продолжался, но уже не столь интенсивно, а влияние казахских волостей на общее управление постепенно снижалось. В 1910-е годы административные изменения практически остановились – было добавлено лишь 3 волости, из которых 2 приходились на казахские уезды, доведя их число до 109 [43; сс. 143-149]. Несмотря на рост числа волостей, их административное влияние ослабевало на фоне переселенческой политики Российской империи, перераспределения земель в пользу русских крестьян и изменений в системе местного управления.

Таблица 7. Динамика роста казахских волостей в Семиреченской области (1867–1910-е гг.)

Период	Количество казахских кочевых волостей	Общее количество кочевых волостей области
1867 год	64	76
1870-е годы	73	89
1890-е годы	101	125
Начало XX века	107	134

Рост количества волостей в Семиреченской области являлся частью колониальной политики Российской империи, направленной на усиление контроля над кочевым населением. Разделение территорий на более мелкие административные единицы подрывало традиционные родовые структуры казахов и киргизов, препятствуя их самоорганизации и ограничивая свободу передвижения. Новые волости создавались в том числе для упрощения переселенческой политики, поскольку лучшие земли передавались русским крестьянам, а кочевники вынуждены были приспособляться к изменяющимся условиям. Административные реформы также позволяли более эффективно собирать налоги и регулировать хозяйственную деятельность местного населения. В начале XX века, на фоне нарастания недовольства среди коренных народов, имперские власти стремились окончательно закрепить систему управления, исключаящую возможность возвращения к традиционному самоуправлению. Таким образом, рост числа волостей был не просто административной реформой, а инструментом колониального давления, который подрывал основы кочевого уклада и способствовал усилению контроля над регионом.

С расширением числа казахских волостей росло и количество волостных управителей, которые занимались сбором налогов, учетом населения и поддержанием административного порядка. Каждый вновь созданный административный центр требовал назначения волостного управителя, который был ответственен перед колониальной администрацией. Таким образом, увеличение количества волостей приводило к усилению системы местного управления, где каждое звено выполняло свою роль в обеспечении контроля над населением. Чем больше волостей – тем больше управителей, что создавало разветвленную сеть подчиненных Российской империи местных чиновников, встроенных в колониальную систему.

Также в изучении деятельности волостных управителей Семиреченской области можно заметить, что в регионе имелись отдельные династии волостных управителей. Бывали волости, в которых представители одной большой семьи – братья или близкие родственники, меняли друг друга на позиции волостного или максимально способствовали избранию своих близких. Они старались даже занять позиции кандидата к волостному своими приближенными.

Одним из влиятельных подобных династий волостных управителей можно назвать семью Мамана Калкабаева. Он и его потомки после него управляли Арасанской волостью Семиреченской области практически весь период ее существования с 1871 по 1917 годы. Сначала волостным стал сам Маман Калкабаев в 1874 году, спустя два года после основания волости. До него волостным был сначала Есимбек Танекин, тоже являвшийся его близким родственником. Отец Мамана Калкабай был родным братом отца Есимбека – Танеке. Однако, в августе 1870 года «по заявленным на него Главному Начальнику края жалобам» он был отстранен от занимаемой должности и его

служебные обязанности были поручены «старшине № 1 аула той же волости Сарсену Мынжасарову» [322; с. 5]. Сарсен Мынжасаров был отмечен властью усердным и добросовестным государственным служащим, в следствие чего 15 октября 1870 года приказом № 1115 был награжден «почетным кафтаном 3 разряда» [323; л. 7об]. А осенью 1873 года уже был избран волостным управителем на следующее трехлетие 1873-1876 годов. Именно на этом избирательном процессе кандидатом к волостному управителю был назначен Маман Калкабаев [324; с. 124]. Однако, награды и усердия волостного Сарсена Мынжасарова не помогли ему продолжить быть на своей позиции, так как в марте 1874 года он был обвинен в «злоупотреблений в раскладке податей и неисполнении установленного на этот предмет правила» и отстранен от должности [325; с. 46]. Соответственно его должностные обязанности перешли к его кандидату – Маману Калкабаеву. С этого момента уже в истории Арасанской волости устанавливается гегемония власти его сыновей.

Одним из первых шагов прихода к управленческим делам сыновей Мамана Калкабаева было назначение его сына Турыспека Маманова кандидатом по волостным управителем Арасанской волости «согласно рапорту Копальского уездного начальника от 11 августа за № 3563» [326; с. 153]. Данный шаг явно обозначал приближение сына Мамана к рычагам управления в волости. Ведь в случае отстранения, увольнения, временного смещения или замещения волостного управителя по разным причинам вместо него мог быть волостным его сын Турыспек Маманов. Как следствие, это открыло дорогу последнему к занятию общественными делами волости.

Таким образом, в последующие годы Турыспек Маманов, одерживая победы над своими конкурентами в выборах, становится единоличным управителем волости. Он избирается волостным управителем на выборах 1876 [327; с. 118] и 1879 годах [328; сс. 181-182]. При нем кандидатами к волостному назначались Кайгайбек Кусебаев и Атпас Алдияров соответственно. В последних выборах волостного управителя в 1885 году, в которых он в очередной раз одержал победу, кандидатом к его должности был назначен Толкын Калкабаев, родной младший брат его отца Мамана Калкабаева [329; с. 163]. Однако Толкын Калкабаев не задерживается в кругу управленческих дел, так как уже младший брат Турыспека – Сейтбаттал Маманов начинает свою общественную деятельность.

За годы своей службы Турыспек Маманов был не раз награжден царской властью. Он был удостоен ордена святого Георгия III-й степени [330], Большой золотой медали [331], а также Малой золотой медали, прикрепленных к лентам Станиславского и Анненского [332; л. 30]. Данные сведения позволяют нам констатировать, что Турыспек Маманов был признан региональной администрацией за свою лояльность и деятельность.

Также известно, что Турыспек Маманов славился не только своей должностью волостного управителя, но и своей активной меценатской деятельностью. Он спонсировал строительства школы «Мамания» для местных казахских детей в селении Караагач, дважды совершил полонничество в Мекку,

активно занимался возрождением просветительского дела в Копальском уезде в целом. В одном из своих воспоминаний алашордынец Жакып Акбаев отмечает годы службы Турыспека следующим образом: «Турыспек 18 лет был волостным правителем. За это время он ни разу не уличался в казнокрадстве и взяточничестве, никто не ощущал его притеснений, тем более не лил слез от его бесчинств. Он не продавал интересы народа за деньги. Да возвратятся его добрые дела благостью Божьей на том свете...» [333].

После Турыспека волостным становится его родной младший брат Сейтбаттал Маманов, который продолжил дело своего брата. Он сначала избирается волостным вместо своего брата в конце 1887 года [334; с. 352]. Затем он также становится единоличным лидером в гонке за должность волостного управителя Арасанской волости. Таким образом, Сейтбаттал Маманов занимает позицию управителя волости на трехлетние периоды 1889-1891 [335; сс. 208-209], 1892-1894 [336; с. 192] и 1895-1897 [337; с. 134] годов. При этом за все годы его службы волостным кандидатом к его позиции был один и тот же человек, Чалкарбай Касабулатов.

Также за годы своей службы в качестве волостного Сейтбаттал Маманов отличился своей «отлично-усердной и ревностной службой», за что был награжден похвальным листом [337; с. 139]. При нем был естественный рост населения волости, количество аулов росло, в связи с этим в 1891-1892 годах с Арасанской волости отделилась Кульдей-Джумаевская волость с 9 аулами [43; с. 166]. Кроме того, известно, что он активно участвовал в общественной жизни не только своей волости, но и целого Копальского уезда. Помимо службы волостным управителем, Сейтбаттал Маманов способствовал развитию образования в регионе. Выделил финансовые средства на строительства мечети и школы в своей волости. На свои деньги приглашал преподавать достойных учителей, получивших образования в передовых университетах Турции и Египта. Назначал стипендии талантливым казахским студентам на их обучение в ведущих учебных заведениях Российской империи [338; сс. 178-179].

По сообщению отдельных источников по истории школы «Мамания», у истоков которой стоял меценат-волостной Сейтбаттал Маманов, он в последние годы своей жизни находился на должности народного судьи, добровольно отказавшись от должности волостного управителя в пользу Кудайбергена Турыспекова – сына своего брата Турыспека [339]. Данную точку зрения подтверждают и другие сведения. Ведь согласно приказу военного губернатора Семиреченской области за № 228 от 2 августа 1897 года на трехлетие 1898-1900 годов Сейтбаттал Маманов утверждается в должности народного судьи №1 аула, тогда как волостным Арасанской волости избирается Кудайберген Турыспеков [340; л. 14]. Таким образом, очередной представитель рода Мамановых-Турыспековых занимает должность волостного управителя.

Кудайберген Турыспеков сначала избирается волостным управителем на два трехлетия 1898-1900 [340; л. 14] и 1901-1903 [341; л. 24] годов. В эти периоды кандидатами к его должности были Чалкарбай Касабулатов и Бимулда Аркабаев соответственно. Также известно, что он был победителем на

волостных выборах в августе 1903 года на следующее трехлетие 1904-1906 годов, где кандидатом к его должности был избран Адильбек Майтабанов [342; с. 342]. Кудайберген Турыспеков пользовался определенным доверием со стороны власти, чему может свидетельствовать награждение его «почетным членом Копальского уездного попечительства детских приютов со 2 августа 1903 года» [343; с. 461]. Однако, его репутацию подпортил приказ № 537 военного губернатора Семиреченской области от 18 декабря 1903 года. В нем начальник области обвиняет Кудайбергена Турыспекова вместе с другими управителями ряда волостей Копальского уезда в превышении своих полномочий и злоупотреблении власти. Следовательно, несмотря на то, что в августе этого 1903 года Кудайберген Турыспеков уже был избран волостным управителем на следующее трехлетие 1904-1906 годов, его отстранили от занимаемой должности, поручив его обязательства кандидату к его позиции Адильбеку Майтабанову [344; сс. 565-566].

Кроме того, Кудайберген Турыспеков в истории известен тем, что он был одним из меценатов казахского общества в начале XX века, активно спонсировавший дела развития образования в Копальском уезде, обучения казахских студентов в ведущих учебных заведениях Российской империи, а также он выделял деньги на содержание редакций газет «Қазақ» и «Қазақстан» [345].

Так, служебные обязанности волостного управителя были переданы Адильбеку Майтабанову. Кроме того, известно, что в эти годы во время его болезни временно обязанности волостного управителя поручались также сначала старшине аула № 2 Мусе Мусрепову [346; с. 373], однако позже его заменили старшиной аула № 3 Биеке Тогузбаевым [347; с. 384]. Таким образом, трехлетие 1904-1906 годов стало первым периодом в истории Арасанской волости, когда волость управлялась не представителем рода Мамановых-Турыспековых.

Однако, представители рода Мамановых-Турыспековых все-таки вернули себе власть в волости осенью 1906 года. Сначала Кудайбергену Турыспекову удалось быть избранным на должность волостного управителя на следующее трехлетие 1907-1909 годов [348; с. 489]. Затем его сменил родной брат Кудайбергена Солтанкул Турыспеков. Он был избран волостным управителем Арасанской волости в течении двух трехлетий 1910-1912 и 1913-1915 годов [349; с. 371]. Даже тогда, когда Солтанкула Турыспекова отстранили от должности «за бездеятельность по службе», его заменили кандидатом к волостному управителю Кожахметом Сейтбатталовым, который является сыном Сейтбаттала Маманова [350; с. 382]. То есть, заменили одного представителя рода Мамановых-Турыспековых другим. Фактически власть в волости все равно оставалась в руках представителей одного рода.

Таким образом, на протяжении почти всего существования Арасанской волости управителями были лишь представители одного рода. Близкие родственники друг друга меняли на данной позиции и способствовали укреплению своей власти. Так, сразу шесть представителей рода Мамановых-

Турыспековых занимали должность волостного управителя. Некоторые из них имели хорошие отношения с местной властью и даже были награждены разными орденами, почетными кафтанами и похвальными листами. Практически все представители данного рода славились своими меценатскими деятельностями. Известно немало источников, по которым можно сказать, что они помимо своей службы в качестве волостного управителя, также занимались возрождением образования в волости и уезде в целом. Несмотря на наличие отдельных архивных сведений отрицательного характера, касающихся деятельности волостных Кудайбергена, Солтанкула Турыспековых, в материалах устного народного творчества, краеведческого характера, в целом все они описываются только с положительной стороны. Следовательно, можно утверждать, что представители рода Мамановых-Турыспековых являются одним из влиятельных династий волостных в Семиреченской области, у которых были свои особенности во взаимодействии с колониальной властью и кочевым обществом.

Кроме того, при изучении истории института волостных управителей Семиреченской области обращаем внимание и на волостных Кульдей-Джумаевской волости, которые также приходились родственниками династии волостных Арасанской волости, от которой же они отделились в 1891 году. Именно в этом году потомки Танеке батыра – брата Мамана Калкабаева образовали свою волость в окрестностях Копала, куда входили в основном казахи подрода Кульдей и Джумай ветви Матай племени найманов.

Первым волостным данной волости был Кожабек Танекин, родной брат Есимбека, который был волостным в Арасанской волости в начале 70-х годов XIX века. Он был избран волостным на три трехлетних периода. При этом, в первых двух периодах его службы в 1892-1894 [351; с. 276] и 1895-1897 годах в качестве волостного, кандидатом к его должности был Козаир Джельдыбаев. Также в эти годы у него имелись близкие родственники, которые активно участвовали в общественной жизни волости. Например, его братья Есимбек и Ауельбек по очереди были народными судьями аула № 2 Кульдей-Джумаевской волости, их кандидатом был сын Есимбека Ишмухамед Есимбеков [337; с. 134]. Последний позже стал вовсе кандидатом к должности волостного, когда Кожабек уже был избран волостным управителем на следующее трехлетие 1898-1900 годов [352; л. 1]. Таким образом, три сына и один внук Танеке Досетова имели административные рычаги управления населением волости на протяжении одного десятилетия с момента образования волости. Они, являясь родственниками династии волостных Мамановых-Турыспековых Арасанской волости, на их примере максимально были задействованы в управлении на локальном уровне. Возможно, этот фактор послужил причиной тому, что в неофициальных источниках, в основном, в материалах устного народного творчества, Кульдей-джумаевскую волость иногда называли «волостью Танеке» [286].

Однако, стоит добавить, что в отличие от рода Мамановых-Турыспековых, потомкам Танеке батыра не удалось удержать власть больше трех трехлетних

периодов. Вмешательства уездного и областного начальств, а также взаимоотношения между Кожабекком и Есимбекком стали причиной избрания волостным не потомка Танеке батыра. Все началось с того, что волостной Кульдей-джумаевской волости Кожабек Танекин рапортом № 89 от 12 февраля 1899 года просит Копальского уездного начальника освободить его от должности «по изменившимся семейным обстоятельствам» [352; л. 13]. Перепровождая его прошение военному губернатору области, уездный начальник сомневается в искренности причин Кожобека. Он усмотрел в его действиях намерение успокоить населения волости в следствии противостояния волостного Кожобека с его родным братом Есимбекком, последний из которых хотел поставить на должность волостного своего сына Ишмухамеда [352; л. 17-18]. В свою очередь, военный губернатор Семиреченской области отказывается удовлетворять просьбу Кожобека из-за ряда причин. Во-первых, начальник области также сомневается о состоянии здоровья волостного, вследствие чего требует предъявить медицинское свидетельство. Кстати, Кожабек позже предоставляет такую справку о состоянии его здоровья [352; л. 21]. Во-вторых, военный губернатор ссылается на жалобы, поступившие на имя волостного управителя. И самое главное, в-третьих, он подозревает Кожобека в намерении передать таким образом должность волостного своему родственнику Ишмухамеду, который является к нему кандидатом. Следовательно, он отказал в удовлетворении данного прошения [352; л. 21]. Итогом данной истории стал рапорт уездного начальника военному губернатору от 11 июня 1899 года. В данном рапорте начальник уезда уведомляет вышестоящее начальство об интриге, инициированной Кожабекком для передачи власти Ишмухамеду. Именно поэтому он просит «устранить обоих и назначить новые выборы на текущее трехлетие» [352; л. 27-28]. Как следствие, в волости были организованы волостные выборы, где Джумабай Байбеков и Бекберген Байгубеков были утверждены как волостной и кандидат к нему соответственно [352; л. 40]. Таким образом, в данной волости позиции как волостного, так и его кандидата заняли не представители рода Танеке батыра.

Такой поворот событий не мог остаться без последствий. Как свидетельствуют архивные материалы, недовольные потомки Танеке батыра устроили в волости смуту, настроив половину населения против новых волостного и кандидата к нему. В рапорте № 820 уездного начальника военному губернатору сообщается, что представители четырех из девяти аулов под воздействием Есимбека Танекина и его братьев искусственно сделали срыв, не явившись на съезд выборных. В связи с этим, понимая трудность организации подобного съезда, уездный начальник просит военного губернатора дать разрешение не проводить выборы волостного управителя и народных судей волости. При этом «согласно статьи 70 Степного Положения» он предлагает оставить на своих должностях волостного Джумабая Байбекова и его кандидата Бекпергена Байгубекова на трехлетие 1901-1903 годов без производства выборов. Начальник уезда считает, что «большинство населения стоит на их

стороне, предпочитая их хищникам Танекиным». Также его предложение о производстве новых выборов касалось и народных судей волости [180; л. 11].

Более того, начальник уезда добавляет: «Возбуждавшие народ к послушанию киргизы братья Есимбек, Кожабек, Муса, Разбек и Ауельбек Танекины и Ишмухамед Есимбеков (сын первого) привлечены к ответственности и по постановлению Мирowego судьи 1 участка Копальского уезда, заключены под стражу в Копальскую тюрьму. Этот не данный народом оборот дела значительно повлиял на него и в данное время являются уже посредниками в лице богатого киргиза Арасанской волости Туруспека Маманова и других между Танекиными и населением волости, симпатизирующим последним, и склоняют к примирению с Танекиными, возбужденная Танекиными партия до сего времени еще находится под влиянием их, как это доказала неявка аулов 2, 5, 6 и 7 на последний съезд 8 июня». Здесь нетрудно усмотреть серьезность намерений действий уездного начальника В.С. Гаврилова, направленного против потомков Танеке батыра, оставшихся без рычага управления волостью. По его мнению, главным из братьев Танекиных является Есимбек, которого он описывает следующим образом: «очевидно эта личность уже десятки лет руководит доверчивым и неразвитым родом в целях личных корыстных интересов, постоянно и незаконно добиваясь власти в среде своего общества, чего и достигал, благодаря огромному числу родственников его» [180; л. 11].

Серьезность такого положения дел подтверждает и рапорт военного губернатора самому Туркестанскому генерал-губернатору. Он уведомляет генерал-губернатора о своем решении одобрить предложение уездного начальника о производстве выборов [180; л. 26]. В ответ на это Туркестанский генерал-губернатор утверждает волостным Джумабая Байбекова и его кандидата Бекпергена Байгубекова. Таким образом, последние становятся участниками исключительных административных решений, так как они избираются должностными лицами на трехлетие 1901-1903 годов без организации на то выборов. Однако, генерал-губернатор не одобряет инициативу о назначении народных судей, считая, что последние «во всяком случае, должны быть выбраны от населения» [180; л. 37].

Волостной Джумабай Байбеков не смог исправить обязанности должности волостного до конца трехлетия 1901-1903 годов, так как 2 марта 1901 года он скончался [180; л. 96]. Вместо него волостным становится его кандидат по должности Бекберген Байгубеков [180; л. 97]. Однако ему не удалось быть избранным на следующее трехлетие.

В следующих волостных выборах на трехлетие 1904-1906 годов из пяти претендентов волостным был избран 63-летний Джабыкпай Кокубаев. Он опередил по набранным избирательным шарам не только прежнего волостного Бекпергена Байгубекова, но и трех других кандидатов в лице представителей рода Танекина [353; л. 2]. Несмотря на очередную попытку Танекиных вернуть к себе должность волостного, Кожабек, Ауельбек Танекины и их племянник Ишмухамед Есимбеков потерпели поражение на этих выборах. Самое

интересное, что Ишмухамед Есимбеков в баллотировочных листах также указывается как кандидат к должности волостного, набравший больше шаров, чем его оппонент Козаир Джельдыбаев. Однако, в окончательном списке должностных лиц за трехлетие 1904-1906 годов, его кандидатура на кандидата к волостному не утверждается. Вместо него приказом военного губернатора кандидатом к волостной должности назначается Козаир Джельдыбаев, который был ранее на аналогичной позиции еще при волостном управителе Кожабек Танекине [353; л. 22-23]. А сам Кожабек и Ауельбек Танекины утверждены как народные судьи аулов №2 и №3 соответственно. Таким образом, данная ситуация отлично демонстрирует нам, как Танекины пытались быть задействованы в управленческих делах волости.

Еще одним интересным фактом является то, что волостной управитель Кульдей-жумаевской волости Джабыкпай Кокубаев 20 марта 1904 года был освобожден от должности «по преклонному возрасту и болезненному состоянию» и «в виду крайней его бездеятельности». Вместо него волостным становится его кандидат Козаир Джельдыбаев [353; с. 31]. Стоит отметить, что ему впервые удалось занять данную позицию, так как он еще с 1892 года был трижды просто кандидатом к волостному управителю. Однако, ему не удалось дослужить текущий трехлетний срок в качестве волостного управителя. Осенью 1906 года, незадолго до наступления следующего трехлетия, на него завели уголовное дело и он был осужден «к трехмесячному заключению за ложные показания на суде». Соответственно он был освобожден от должности, а его место должен был занять его кандидат. Однако он сам был из кандидатов и был назначен вместо смещенного с должности Джабыкпая Кокубая. В таком случае, «исполнение обязанностей волостного управителя в названной волости, впредь до наступления предстоящего трехлетия, т.е. до 1 января 1907 г., за неимением кандидатов по управителю (Джельдыбаев сам из кандидатов), поручено старшине №3 аула Джуванкулу Арипову» [353; л. 37].

Сами выборы на следующее трехлетие состоялись осенью 1906 года, в которых, согласно баллотировочному листу, участвовали два претендента. Ими были Кожабек Танекин, очередной раз пытавшийся взять власть в свои руки, и старшина аула №1 Науай Тартыспаев. В голосовании Науай Тартыспаев, набрав больше шаров, избирается волостным Кульдей-жумаевской волости. Кандидатом к волостному был избран Садык Илекулов [354; л. 4]. Однако, уездный начальник уведомляет военного губернатора о том, что Науай Тартыспаев ранее «за неисполнительность по службе был наказан в 1904 году три раза и в 1906 году четыре раза, да за ним есть еще взыскания по тринадцати перепискам», следовательно его назначение он называет «безусловно нежелательным». Самое интересное, что вместо Тартыспаева уездный начальник ходатайствует назначить проигравшего его оппонента – Кожабек Танекина [354; л. 1]. Здесь явно видим, как менялось отношение уездной администрации по отношению к последнему. Ранее объявленный одним из организаторов смуты в Кульдей-жумаевской волости Кожабек уже характеризуется с положительной стороны. Ведь сам уездный начальник

называет его достойным занять должность волостного, объясняя свою позицию следующим образом: «Иметь волостным управителем лицо, уважаемое обществом и имеющее большой служебный опыт более чем желательно». Также в данном рапорте уездный начальник ссылается на разногласия между Кожобеком и Есимбеком Танекиными, последний из которых пытается поставить своего сына Ишмухамеда волостным управителем [354; л. 1].

Здесь ставится вполне логичный и проблемный вопрос. Почему уездная администрация поменяла свои позиции по отношению к Кожобеку Танекину? Или же почему уездный начальник был против назначения волостным Науая Тартыспаева? Также, действительно ли были разногласия между Кожобеком и Есимбеком по поводу должности волостного управителя?

Вполне возможно, что уездный начальник был против назначения Науая Тартыспаева по той причине, что он выходец из аула №1. Данный аул он называет «самым воровским аулом в волости». Он не желал назначения Тартыспаева, так как считал, что это может привести к негативным последствиям со стороны волостного управителя. Следовательно, он предлагает назначить волостным его оппонента Кожобека. С другой стороны, определенную трудность в поддержании порядка в волости доставлял ему и Есимбек Танекин. Может именно из-за этого уездный начальник придерживался принципа «из всех зол выбрать наименьшее». Поэтому администрация поставила ставку на Кожобека, вместо Науая Тартыспаева или Есимбека Танекина.

Кроме того, по поводу взаимоотношения между Кожобеком и Есимбеком Танекиными мы не располагаем достоверными сведениями о них. В казахскоязычных материалах краеведческого, фальклорного характера всегда они описываются дружными братьями. Однако, в рапорте уездного начальника сообщается о противостоянии между ними. Также не исключаем, что подобные разногласия между братьями Танекиными могли быть посеяны местной администрацией с целью ослабить блок протестующих в волости. Ведь именно Танекины до этого описывались властью как главные организаторы смуты в волости.

Но тем не менее кандидатура ни Науая Тартыспаева, ни Кожобека Танекина не были утверждены военным губернатором [354; л. 32]. И в конце 1906 года были организованы новые выборы, в которых волостным был избран родной брат Науая Джокей Тартыспаев [354; л. 33]. Однако, уже через год в конце 1907 года он был снят с должности «за неисполнительность». Уездный начальник описывает данную ситуацию следующим образом: «Тартыспаеву мной приказано розыскать лошадей, украденных у казака Долбинова, и несмотря на мои настояния в этом и наложенные взыскания, он доложил, что ни лошадей, ни воров не розыскал». Следовательно, Джокей Тартыспаев устраняется от должности и вместо него его обязанности поручаются кандидату к его позиции Садыку Илекулову [354; л. 74].

На следующих волостных выборах, состоявшихся 4 мая 1909 года на 1910-1912 годы, больше всех избирательных шаров набирает Малмак Танекин,

опередив Айтхожы Отарбаева. Последний соответственно становится кандидатом к волостному управителю [355; л. 22]. Малмак Танекин за годы своей службы в качестве волостного управителя не раз был предупрежден уездным начальником о его «нераспорядительности» [355; л. 51]. Дело доходило до того, что даже один раз Копальский уездный начальник отстранял его от занимаемой должности за неисполнение его поручений, однако военный губернатор своим приказом восстановил его на должности [355; л. 65-66].

Также, самое интересное, при занятии должности волостного управителя Малмаком Танекиным, в аулах №2, №3 и №11 Кульдей-джумаевской волости народными судьями были Кожабек Танекин, Ауельбек Танекин и Ишмухамед Есимбеков соответственно [355; л. 23-24]. Однако, это не говорит о том, что волостной управитель является представителем рода Танеке батыра. Ни в архивных источниках, ни в краеведческих работах о Танеке батыре не упоминается о Малмаке. Также нами его имя не были найдены в списке потомков Танеке Досетова [356; с. 75-79]. Следовательно, не исключаем, что Малмак Танекин может быть лишь однофамильцем известных волостных и народных судей Кульдей-Джумаевской волости из семьи Танекиных.

Затем на следующее трехлетие волостным стал Джексенбай Джабыкпаев, а кандидатом к его позиции был Солтан Джумаев [357; л. 3]. И в этот раз хотя бы один представитель Танекиных фигурирует в списке должностных лиц Кульдей-джумаевской волости. Кожабек Танекин снова избирается народным судьей аула № 2, хотя уже в это трехлетие на 1913-1915 годы другие его братья отсутствуют в списке местных чиновников [357; л. 4]. Тем не менее, невозможно не заметить, как братья Танекины предпринимали очередную попытку взять власть в волости в свои руки.

Стоит добавить, что еще больший интерес данной проблеме придает сопоставление названных данных с приведенными сведениями в материалах устной истории и краеведческого характера. Дело в том, что подобные неофициальные источники по вопросу института волостных в Семиреченской области позволяют нам рассмотреть проблему уже с другого ракурса. Здесь обращаем особое внимание на труды Баянды Кусмолдина, краеведа, известного общественного деятеля, жившего в XX веке и собиравшего сведения по устной истории Семиречья, особенно Копальского уезда. В его работах можно встретить две интересные точки зрения.

Первое, как отмечает автор, Кульдей-Джумаевскую волость образовали Танекины, которые сами были из подрода Кыдырали ветви Матай племенного объединения найманов. Они долгие годы не отдавали власть в волости представителям родов Кульдей и Джумай. Последние смогли разрушить гегемонию Танекиных лишь с появлением на свет «седьмого поколения» [358; с. 121]. До этого все они придерживались того «проклятия Танеке батыра», который обещал не давать власть, пока Кульдей и Джумай не родят своего седьмого поколения. Данная позиция фигурирует только в этом источнике по устной истории края и служит одной из причин устранения узурпации власти представителями династии Танекиных.

Второе, также в его трудах отмечается, что в Кульдей-Джумаевской волости, после гегемонии семьи Танекина, был некий негласный консенсус между представителями родов Кульдей и Джумай. То есть после устранения доминанции представителей рода Танекиных, выходцы из родов Кульдей и Джумай договорились о назначении своих сородичей по очереди. В качестве примера автор приводит сведения о волостных управителях данной волости с названиями их родов. В частности, он сообщает: «Первым волостным был Жабькпай (Джумай), вторым волостным – Козаир (Кульдей), третьим – Джексенбай (Джумай), четвертым – Малмак (Кульдей), пятым – Айтхожа (Джумай), шестым – Султан (Кульдей), седьмым волостным был – Бекмухамед Джокейулы (Джумай)» [358; с. 122]. Если рассмотреть данный список, действительно, можно заметить, как сохранялся поочередный порядок назначения волостных из двух названных родов.

Однако при тщательном сопоставлении утверждения местного краеведа Баянды Кусмолдина с другими официальными источниками, нетрудно заметить отдельные неточности. Здесь проявляются уже слабые стороны устной истории, по методам которой были собраны данные в представленном труде. В частности, в его списке волостных управителей Кульдей-Джумаевской волости не из династии Танекиных первым стоит Джабыкпай Кокубаев, тогда как в действительности он таковым был лишь третьим. Потому что до него уже были два волостных управителя, которые не относились к Танекиным. Ими были Джумабай Байбеков и Бекперген Байгубеков. Также стоит отметить, что автор-краевед указывает третьим волостным Джексенбая, после него четвертым – Малмака Танекина. Однако, по имеющимся архивным документам можно свидетельствовать, что Джексенбай Джабыкпаев был избран волостным уже после Малмака Танекина [357; л. 3]. И мы видим, что автор спутал периоды правления двух волостных управителей между собой. Соответственно, при всей ценности данных краеведческих материалов не беремся утверждать о правильности всех сведений, приведенных в них.

Кроме того, обращаем внимание на контрастность образов Танекиных как волостных управителей. В архивных материалах, официальных источниках потомки Танеке батыра, особенно среди них Есимбек и Кожабек, больше характеризуются как бунтовщики, организаторы баранты и смуты или же подстрекатели. Но, в то же время в казахскоязычных источниках фольклорного, краеведческого, генеологического характера как Есимбек, так и Кожабек описываются только с положительной стороны. В них последние предстают как храбрые воины своего народа или народные бии, отличающиеся своими справедливыми решениями [359].

С другой стороны, в отличие от династии волостных Мамановых-Турыспековых в Арасанской волости, Танекины не смогли удержать власть в волости на протяжении всего существования Кульдей-джумаевской волости. Но тем не менее, они предпринимали разные попытки по возвращению себе былых влияний. С этой целью Танекины каждый раз принимали участие в волостных выборах, в случае поражения, как минимум старались занять позиции народных

судей в своих аулах. Так они имели возможность в определенной степени повлиять на те или иные решения в волости.

Таким образом, из приведенных примеров мы видим, что должность волостного управителя пользовалась популярностью среди казахов Семиреченской области. Многие старались занять данную позицию, следовательно, предпринимали разные попытки быть избранными на волостных выборах. Однако, подобные стремления местных казахов иногда приводили к негативным последствиям. Как в официальных источниках, так и в неофициальных материалах об институте волостных управителей в Семиреченской области встречаются немало сведений о произволе волостных, их взяточничестве, коррупции и партийности. Известно, что такие тенденции не раз заставляли местную власть пересмотреть свои позиции по отношению к представителям «туземной» администрации. Иногда чиновники колониального аппарата вынуждены были переосмыслить отдельные моменты положений по управлению Семиреченской области. И здесь для нас большой интерес составляет проблема отношения местной власти к выборам должностных лиц «туземной» администрации.

Как известно, выборы волостных управителей в Семиреченской области производились согласно «Временному положению» и затем «Степному положению». Однако на рубеже XIX-XX веков наблюдается тенденция, по которой представители колониального аппарата – чиновники уездных и областных управлений предлагают изменить отдельные положения, вносят свои рекомендации по производству выборов или даже выступают с решительными ходатайствами о непроизводстве таковых. Обычно такие дискуссии уездных начальников с военным губернатором области происходят за год до организации волостных выборов. В них уездные начальники уведомляют военного губернатора о положении дел в волости в плане волостных выборов, партийности населения, ее настроении на предстоящие выборы [360]. В свою очередь военные губернаторы могут дать свои рекомендации уездным начальникам по определенным вопросам избирания местных волостных, назначить дату выборов, утвердить или же отклонить те или иные ходатайства, связанные с процессом избирания волостных управителей [361]. Кроме того, в подобных дискуссиях можно найти их идеи и предложения по производству волостных выборов в области.

Здесь особенный интерес представляет рапорт начальника Пржевальского уезда от 18 августа 1911 года военному губернатору. В нем автор, описывая свое личное мнение о производстве выборов на предстоящее трехлетие 1913-1915 годов, предложил свои идеи по совершенствованию выборов. Уездный начальник пишет: «Принимая во внимание то, что: 1. Производство выборов новых волостных управителей почти всегда влечет за собой партийные споры и крупные расходы для образования партий, что в конце концов пагубно отражается как на служебной деятельности вновь избранных волостных управителей, так и на экономическом благосостоянии массы туземного населения. 2. Перемена состава волостных управителей в настоящий момент

еще более нежелательна потому, что нынешний состав управителей привык уже сознательно относиться к отчуждению земель в фонд Переселенческого управления для устройства крестьян переселенцев, а также подготовлен и к делу нынешнего частичного и предстоящего в близком будущем массового землеустройства и самих киргиз. В виду изложенного, считаю долгом ходатайствовать перед вашим превосходительством об оставлении без производства выборов всего состава настоящих волостных управителей на следующее трехлетие, а если возможно, то и навсегда, и делать замещение убывающих по той или иной причине управителей производством выборов лишь по мере надобности» [362; л. 1]. В дополнении к этому Пржевальский уездный начальник призывает своих коллег – других уездных начальников Семиреченской области поддержать «целесообразность настоящего ходатайства» [362; л. 1об].

Естественно, такие инициативы Пржевальского уездного начальника не могли остаться без внимания военного губернатора и уездных начальников области. Можно сказать, что все уездные начальники единогласно поддержали данную идею. Также по данному вопросу начальник Лепсинского уезда добавил, что необходимо назначать волостных управителей без их избирания именно только «в тех волостях, где кражи не прекращаются или ведется партийная вражда, мешающая спокойной и мирной жизни населения и при каких-либо нарушениях общественных беспорядках» [362; л. 15]. Поэтому он предложил объявлять населению волости о том, что пока у них не будет порядка и спокойствия, организация и проведение волостных выборов невозможно.

Данная инициатива о непроизводстве выборов и назначении волостных управителей была рассмотрена Туркестанским генералом-губернатором А.В. Самсоновым. Он в своем ответе лишь частично удовлетворил данное предложение. Генерал-губернатор не признал возможным сделать общее распоряжение об отмене волостных выборов, однако порекомендовал уездным начальникам представить список волостных управителей, которых он может утвердить «в исключительных случаях на основании примечания к 63 статьи Степного Положения, 101 статьи Степного и 229 статьи Туркестанского Положения» [362; л. 12]. Препровождая такой ответ начальника края, военный губернатор, в свою очередь, поручает уездным начальникам мотивированно обосновать их такие решения [362; л. 13].

Затем уездные начальники предоставляли свои мотивированные ответы с указанием имен волостных управителей, которых они хотели бы оставить в должности без проведения очередных выборов. Например, начальник Копальского уезда в качестве «наиболее достойных оставлению в занимаемых ими должностях за их служебную исполнительность и способность управлять населением» называет следующих волостных управителей: Биен-куяндинской волости – Бекиша Быльчикова, Нижне-Каратальской волости – Сердалы Копина, Чулаковской волости – Кушегана Джумартова и Чийской волости – Сакпая Байгоржунова. И далее уездный начальник рекомендовал к оставлению их в своих должностях и на будущие трехлетия. Кроме того, он считал, что

можно назначить волостным и экс -управителей, если они были лояльны. И соответственно писал, что «из киргиз, незанимающих в волостях административных должностей, необходимо упомянуть о киргизе Верхне-Каратальской волости Кареке Сабденове, бывшего управителя, оказавшемся весьма исправным во всех отношениях» [362; л. 16].

Самое интересное, что, посмотрев список избранных должностных лиц «туземной» администрации на 1913-1915 годы, можно удостовериться, что предложения начальника Копальского уезда были удовлетворены лишь частично. Потому что из предложенных четырех кандидатов на назначение волостным управителем без производства выборов, лишь двое были утверждены волостными управителями на следующее трехлетие. Ими стали Бекиш Быльчиков [363; л. 1] и Сакпай Байгоржунов [364; л. 1] в Биенкуяндинской и Чийской волостях соответственно.

Таким образом, при изучении института волостных управителей в Семиреченской области можно увидеть своеобразные особенности взаимоотношений между волостными и властью.

Во-первых, царская власть была зависима от деятельности волостных управителей, так как последние были прямыми проводниками новой политики управления Российской империи в регионе. Они были важной частью «туземной» администрации. Следовательно, для колониальной власти очень важно было иметь на местах волостных управителей, которые были бы лояльны и преданы им.

Во-вторых, как связующее звено между колониальной властью и местным народом волостные имели определенные права и обязанности. Также царская власть имела инструменты влияния на них. Российское правительство могло использовать систему награждения, поощрения, социального обеспечения для привлечения их к управлению. Кроме того, царская власть за собой оставляла права назначать или увольнять, отстранять или восстановить по должности волостных управителей.

В-третьих, с другой стороны, должность волостного управителя и без рекрутинговой политики царизма была популярна среди местного населения. Казахи, претендовавшие занять должность волостного, видели в ней разные перспективы как для себя, так и для своего рода или волости. В любом случае, они старались повлиять на те или иные решения в волости.

В-четвертых, в Семиреченской области существовали отдельные роды или группа близких родственников, которые стремились держать волостное управление в своей руке, отдавая его лишь друг другу. Подобные династии волостных управителей имели свои особенные отношения с царской властью и местным народом.

В-пятых, существуют немало источников, как официальных, так и неофициальных, которые прямо указывают на разные действия волостных управителей отрицательного характера. Их обвиняют в коррупции, взяточничестве, произволе или притяжении, конокрадстве или даже в убийстве. Также со стороны колониальной власти волостные часто подвергались критике.

Царская власть нередко указывала на их бездействия или нераспорядительность в плане выполнении определенных поручений со стороны уездных начальников. Не исключено, что подобные тенденции имелись. В то же время, не стоит забывать, что волостные управители могли таким образом проявить свои внутренние протесты, подрывая авторитет власти. Несмотря на то, что они, будучи казахами, служили колониальному государству, даже на уровне подсознания волостные, вполне вероятно, могли просто показать некую форму своего недовольства царскому режиму.

3.4 Роль народных судей Семиреченской области в системе местного управления

Должности народных судей были образованы в результате внедрения «Положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей» 1867 года. В данном Положении отдельное внимание уделяется на систему народного суда казахов. Согласно параграфам Положения, народные судьи, также известные как бии, производят разборы дел «по народным обычаям. Их выбирают вместе с волостными управителями и на тот же трехлетний срок. Должность бия могли занять каждый представитель местного населения, кто пользовался в определенной степени влиянием и авторитетом среди своих сородичей. Возрастной ценз к ним был установлен в возрасте не моложе 25 лет [1; сс. 298-299].

В Семиреченской области выборы народных судей начинаются с 1868 года. Они избирались на трехлетний срок. При этом ограничений по количеству занятия данных должностей в Положении нет. Следовательно, во многих волостях области одни и те же лица избирались сразу на несколько трехлетних сроков подряд. Например, бий № 3 аула Арасанской волости Копальского уезда Бейбит Алибеков избирался народным судьей на четыре трехлетия с 1868 по 1879 годы [327; с. 118], а его родственник Султанбай Алибеков позже вообще был избран на данную должность на пять трехлетий подряд [337; с. 134].

Также согласно Положению, последнее слово в утверждении народных судей в их должностях оставалось всегда за военным губернатором области. Несмотря на то, что выборные избирали своего кандидата на данную должность, начальство области могло и не утвердить их кандидатуры в силу разных обстоятельств. Избранные на выборах и утвержденные военным губернатором народные судьи осуществляли разборы дел ценностью не более 100 рублей, что было эквивалентно стоимости 5 лошадей или 50 баранов по курсу того времени [1; сс. 299-300].

В Семиреченской области с 1870 года все списки избранных лиц «туземной администрации» по всем волостям области печатались на страницах газеты «Семиреченские областные ведомости». В них можно проследить, как их кандидатуры были утверждены или отклонены по разным причинам.

Также они, как члены системы управления, пользовались некоторыми правами и привилегиями государственной службы. Со стороны правительства они были обеспечены атрибутами власти – им давали бронзовые знаки и печати

установленного образца. Все это подчеркивало их принадлежность к корпусу чиновников царского режима.

Однако, как свидетельствуют отдельные источники, имели место и события, по которым в Семиреченской области отдельные народные судьи отказывались использовать свои бронзовые знаки, объясняя свои действия религиозными мотивами. Дело в том, что они, опасаясь быть «изменниками» своей веры перед сородичами, категорически отказывались носить знаки с изображением, что было запрещено исламом [365; с. 155].

Также стоит отметить, что со стороны правительства народные судьи не были обеспечены стабильными жалованиями. Обычно им предусматривалось в виде оплаты 1/10 часть стоимости рассмотренного иска [1; с. 298]. Тем не менее данная должность, как свидетельствуют множество исторических источников, всегда была популярна среди представителей местного населения.

Обращаем внимание также на содержание параграфа 182 «Временного положения», где отмечено, что количество биев может быть от 4 до 8 в каждой волости. Однако, в следующем параграфе 184 дается уточнение, что количество таких должностей определяется числом кибиток в волости [1; с. 298]. В действительности, «проектная норма» количества народных судей в каждой волости была выше указанного предела. По факту, в каждой волости Семиреченской области количество биев было намного больше 8 единиц. Например, в Арасанской волости Копальского уезда еще с момента образования самой волости количество народных судей было в районе 11 или 12 единиц. В конечном итоге, их количество определялось числом аулов в данной волости. Ведь такая система соответствовала утверждению комиссии по выработке предложений по управлению Туркестанским регионом 1884 года под руководством графа Н.П. Игнатьева. Она заключила, что «комиссия нашла полезным постановить, чтобы у кочевников в каждом ауле полагается особый бий» [366; с. 105]. Следовательно, они были за должность одного бия в одном ауле, но при этом, ни в коем случае не превышая количество народных судей числа аулов в волости.

Как бы там не было, в начале XX века на территории Семиреченской области, по официальным сведениям, насчитывалось 1260 народных судей. Учитывая количество кочевых волостей области того времени, а их было ровно 142, то можно заключить, что в среднем в одной волости были по 8-9 биев [230; л. 18].

Также следует заметить, что поощрительная система царского режима касалась и народных судей. За заслуги перед правительством их деятельность была отмечена царской властью. Например, в списке награжденных «туземных» лиц в Семиреченской области, составленным областным правлением, имеются сразу несколько имен народных судей. Только с Арасанской волости Копальского уезда в данном списке числятся такие бии как Бейбит Алибеков, Мусреп Джараскулов, Есенбек Танекин, Толкын Калкабаев [299; л. 25]. Приведем другой пример: приказом № 47 Степного генерал-губернатора от 15 мая 1886 года бий № 5 аула Арасанской волости Копальского уезда Картайган

Чокобаев был награжден халатом III разряда «За усердную службу и особые заслуги» [367; с. 151]. И в исторических сведениях таких случаев немало, когда народные судьи были награждены разными наградами со стороны правительства. Нетрудно заметить, что подобные меры колониального аппарата могли послужить дополнительным инструментом влияния на деятельности народных судей.

Еще одной особенностью деятельности народных биев было отправление их в отпуск. Со стороны местной администрации по представлению уездных начальников давались отпуска народным судьям. Например, бии Арасанской волости Нурлан Толкунов и Сеитбаттал Маманов, по представлении Копальского уездного начальника, были отправлены в отпуск в г. Верный на 28 дней [368; с. 185]. При этом их отправление, а также возврат с отпуска строго фиксировались и опубликовывались на страницах местной печати.

Также при изучении особенностей деятельности народных судей в Семиреченской области нетрудно было заметить, что их должности всегда вызывали интерес у представителей казахского населения. В качестве доказательств данному утверждению можно привести три тенденции.

Первое, сильное стремление местных казахов занять должности народных судей породило произволы, подкупы и междоусобийцы среди кочевого населения. Данная тенденция множество раз была отмечена разными царскими чиновниками, учеными дореволюционного, советского периодов и даже современными исследователями отечественной и зарубежной историографии [369].

Второе, в материалах устного народного творчества имеются творчество многих казахских акынов-литераторов, которые в резкой форме осуждают страстные желания казахов занять должности волостных управителей и народных судей. Они обвиняют их в меркантильности и пособничестве с волостными управителями в произволе, творимых ими [216]. Также в народном фольклоре имеются немало стихотворений, которые критикуют народных судей за их яростное желание быть награжденными со стороны колониальной власти [272]. Данная тенденция также доказывает нам, как должность народных судей была привлекательна для представителей кочевого населения.

Третьей же тенденцией является то, как отдельные личности старались быть у власти в своей волости максимально побольше сроков. При этом они пытались занять должности волостных управителей, однако, в случае неуспеха в данном намерении, хотя бы старались быть народными судьями. Так они были около власти и имели определенные влияния на свое общество. Например, в исторических источниках упоминается, как тогда еще волостной управитель Арасанской волости Копальского уезда Есимбек Танекин вместе со своими близкими родственниками были высланы из Копальского уезда в Верный во время выборов 1873 года. Он, его отец и братья были обвинены в организации произвола и беспорядка в волости [180; л. 11]. Однако, несмотря на это, в окончательном списке утвержденных лиц «туземной администрации» за 1873-1875 годы Есимбек Танекин уже значится как народный судья №3 аула Байгали-

Койчилинской волости [370; с. 185]. То есть, Есенбек Танекин, будучи высланным из своего родного края, смог быть избранным в должности бия, находясь уже в другой волости, которая близко находилась к Верному. Более того, дальнейшая судьба и общественная деятельность Есенбека Танекина еще раз доказывает о его сильном стремлении быть у власти.

После возвращения в свою родную Арасанскую волость, Есимбек Танекин дважды был избран народным судьей. Сначала в 1886-1888 [329; с. 163], затем в 1889-1891 годы он был бием [335; с. 208]. В следующий трехлетний период 1892-1894 годов происходят административные изменения в составе волостей Копальского уезда. С состава Арасанской волости выделяется Кульдей-джумаевская волость, соответственно определенная часть аулов также переходит в введение новообразованной волости. С этого момента начинается уже новая общественная жизнь Есимбека Танекина в качестве народного судьи. Теперь он уже становится бием № 3 аула в Кульдей-джумаевской волости, после него уже от этого аула народным судьей становились по очереди его брат Ауельбек Танекин и сын Ешмухамед Есимбеков [337; с. 134]. В исторических источниках после этого периода Есимбек Танекин уже не значится как народный судья. Однако, это вовсе не говорит о том, что он отошел от общественной жизни. В последующих годах он часто был одним из тех влиятельных лиц в Кульдей-джумаевской волости, которые решали, кого избрать, а кого – нет. Он также старался оказать поддержку своему брату Кожабеку удержать позицию волостного управителя, другому брату Ауельбеку и своему сыну Ешмухамеду всегда быть около власти. Как отмечал уездный начальник Копальского уезда В.С. Гаврилов, именно Есимбек постоянно наводит смуту в своей волости с целью избрать своего кандидата на должность как волостного, так и народных судей [180; л. 11]. Таким образом, из данных сведений становится понятным то, что Есимбек Танекин был народным судьей сразу в трех волостях. Сначала, будучи ссыльным, в Байгалы-Койчилинской, затем в своей родной Арасанской волости два раза, и еще один раз в новообразованной Кульдей-джумаевской волости. На протяжении почти четверти века он активно участвовал в общественной жизни не только своей волости, но и всего Копальского уезда. В последующие годы он, согласно официальным информациям, уже описывается как организатор смуты среди населения.

С другой стороны, в материалах краеведческого, генеологического и фольклорного характера нередко можно встретить, как Есимбек Танекин предстает защитником своих сородичей, справедливым бием и умелым управленцем [371]. В одном из стихотворений известного казахского акына Джамбула Джабаева встречается следующее сведение о нем:

«Не о тебе ли, смелый человек,

Побивши Эренталя при народе,

Воскликнул острословый Есимбек:

«Героя сын на что-нибудь да годен!» [372; с. 34].

Здесь акын описывает, как Есимбек Танекин избил начальника Копальского уезда П.Я. Реинталя, которого казахи называли как «Эрентал» или «Ерентал». При этом данное сведение в произведении приводится в контексте восхваления, гордости. Исходя из этого, можем увидеть, как его образ в устном народном творчестве противопоставляется официальным сведениям.

Из данного кейса мы видим, как Есимбек Танекин старался держаться у власти в рамках своего региона. Вся его деятельность сначала как волостного управителя, затем как народного судьи воспринималось неоднозначно.

Таким образом, анализируя вышеприведенные факты, приходим к заключению, что народные судьи в Семиреченской области имели важную роль в общественной жизни кочевого населения. Они пользовались всеми правами и условиями, предоставленными царской властью. Однако, их образ как чиновника воспринимался неоднозначно.

К тому же, блок народных судей в волости был в качестве некоего «кадрового резерва» должности волостного управителя. Нередко народные судьи готовы были быть избранными и на должности волостного управителя. Или же волостной управитель старался держать у себя в волости в качестве своих единомышленников народных судей, состоящих из своих близких родственников. Таким образом, отмечаем высокую степень взаимодействия биев с волостными управителями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение вопроса формирования казахского чиновничества в XIX – начале XX веков в контексте региональной истории позволило на основе исторической литературы, архивных документов, опубликованных источников и материалах устной истории изучить представленную проблему и прийти к следующим выводам:

1. В настоящей мировой социо-гуманитарной науке недостаточно определены смысловые границы таких понятий как «чиновник», «служащий» и «бюрократ». В результате рассмотрения множества источников и сопоставления их между собой, достигнуто, что данные категории хоть и взаимосвязаны, но все же имеют свои отличия. Так, служащий определяется как лицо, задействованное в управлении как низшее звено, не имеющее особые чины и награды. Тогда как чиновник – это актер управленческой системы с определенными правами, условиями, чинами и поощрительной системой со стороны правительства. Группа чиновников, пользующихся определенными привилегиями в управлении, составляет социальную группу бюрократов.

2. Историография данной темы отличается своей особенностью в зависимости от периодов. В дореволюционной историографии в основном русские ориенталисты и исследователи-чиновники рассматривали данную тему, при этом ограничиваясь лишь поверхностными описаниями и критикой системы местного управления на территории Семиреченской области. В советское время исследователи в рамках уже новой советской идеологии рассматривали казахских чиновников при царизме как «помощников царской власти». Практически все советские исследователи резко осуждают как систему «туземной администрации», так и деятельность казахских чиновников области. С другой стороны, появление данной позиции в условиях политико-исторических парадигм советского периода, неудивительно.

В годы независимости отечественные ученые стараются смотреть на проблему комплексно. Они, используя уже разные междисциплинарные методы, показывают механизм вхождения казахских чиновников в единое управленческое звено, их интеграции и особенности социального происхождения. К тому же, современные отечественные исследователи обращаются к данной теме с разных аспектов, делая попытки охватить все больше граней исследуемой проблемы. Также отмечаем, что ни один из авторов по дореволюционной или советской историографии прямо не использует термин «казахское чиновничество». Все они обозначают их «туземной администрацией», «местными чиновниками» или «туземными чиновниками». Само слово «казахское чиновничество» больше свойственно использованию современными исследователями. Зарубежные исследователи, которые в контексте разных вопросов рассмотрели данную проблему, использовали разные заменяющие слова, такие как «посредники», «коллабораторы» или же «информанты». При этом они казахских чиновников рассматривали не как

пассивную группу или просто служащими колониальному аппарату, а неким звеном, которые имели свои как личные, так и национальные интересы.

Источники по проблеме казахского чиновничества в Семиреченской области во второй половине XIX – начале XX веков имеют очень своеобразный различный характер. Они охватывают как официальные, так и неофициальные материалы, которые дают возможность услышать «голос изнутри». Рассмотрение их, а также сравнение и сопоставление между собой определили неоднозначный образ казахских чиновников.

3. Система должностей для представителей казахского населения была представлена в Семиреченской области следующим образом: на уровне областного правления – чиновник особых поручений, письменный и словесный переводчик, писари; на уровне уездного правления – младший помощник уездных начальников, переводчики и писари. На низовом же уровне казахи могли занять должности волостных управителей, народных судей и аульных старшин. Данные должности были закреплены на законодательном уровне при царской власти.

4. В подготовки местных кадров в управленческие структуры опередеонную роль сыграли учебные заведения, созданные имперской властью на территории Семиреченской области. Тем самым колониальная власть обеспечивала себя в определенной степени местными чиновниками, которые были задействованы в разных сферах управления в административном устройстве области. В большинстве случаев позиции низового аппарата управления области занимали казахи, ограничившиеся обучением в приходских училищах, сельско-хозяйственных или русско-туземных школах. С другой стороны, их профессиональные подготовки соответствовали тем минимальным требованиям, которые были обязательными в осуществлении деятельности в управлении. Здесь особо стоит отметить роль Верненской мужской гимназии в подготовке казахских чиновников области, ставшей неким «трамплином возможностей» для казахских выпускников. Нельзя также не отметить тенденцию, по которой многие представители местного населения начали менять свои взгляды относительно «полезности» имперских светских учебных заведений.

5. Круг мотивов вступления казахов на государственную службу в Семиреченской области намного шире, чем обычно они представляются в разных исследованиях. Эти причины охватывают как личные интересы чиновника, так и интересы всего народа. Так, казахские чиновники области не всегда имели возможности выбирать себе должности, а занимали лишь те, которые были доступны им. Поэтому они старались охватить все больше сфер государственной службы. С другой стороны, казахские чиновники отлично понимали, что у них будет возможность в определенной степени самим повлиять на те или иные решения в жизни населения.

6. В Семиреченской области, как и во всей Казахской степи, колониальная власть использовала представителей местной аристократии, назначая их младшими помощниками уездных начальников. Они способствовали первым

контактам и другим взаимоотношениям уездных начальников с местным населением. Однако, данная должность просуществовала в данной области лишь десять лет с 1868 по 1878 годы. Таким образом, царская власть использовала позицию младших помощников уездных начальников в качестве плавного перехода от использования услуг местной элиты к замене их русскими чиновниками. Ведь казахи-помощники уездных начальников перестали быть нужными для власти после того, как русские администраторы уже успели «совершенно ознакомиться с бытом подведомых им кочевого населения».

7. Одним из важных элементов механизма государственного управления в Семиреченской области был корпус переводчиков-чиновников, без участия которых невозможно представить историю казахско-русских отношений в XIX – начале XX века. Они были неотъемлемой частью взаимоотношений между российской властью и местными казахами, так как они обеспечивали связь русской администрации с населением. Они выполняли определенную роль в управленческих делах и были в штате каждой административной единицы. Все позиции переводчиков в уездных управлениях Семиреченской области были заняты казахскими переводчиками.

Переводчики пользовались неоднозначной репутацией. Реакции на их деятельность со стороны царского правительства были отрицательными. Но, несмотря на это, колониальная власть все же была зависима от деятельности местных переводчиков.

Еще одной важной частью «туземной администрации» царского режима в Семиреченской области были волостные управители. Они, как связующее звено между колониальной властью и местным народом, имели определенные права и обязанности. Также царская власть использовала систему награждения, поощрения, социального обеспечения для привлечения их к управлению. С другой стороны, должность волостного управителя и без рекрутинговой политики царизма была популярна среди местного населения. Казахи, претендовавшие занять должность волостного, видели в ней разные перспективы как для себя, так и для своего рода или волости.

Также стоит отметить, что существуют немало источников, которые прямо указывают на разные действия волостных управителей отрицательного характера. Их обвиняют в коррупции, взяточничестве, произволе или притяснении, конокрадстве или даже в убийстве. Также со стороны колониальной власти волостные часто подвергались критике. Царская власть нередко указывала на их бездействия или нераспорядительность в плане выполнении определенных поручений со стороны уездных начальников. В то же время, не стоит забывать, что волостные управители могли таким образом проявить свои внутренние протесты, подрывая авторитет власти. Несмотря на то, что они будучи казахами, служили колониальному государству, даже на уровне подсознания волостные, вполне вероятно, могли просто показать некую форму своего недовольства царскому режиму.

Должности народных судей также были популярны среди кочевого населения. Они выполняли определенную функцию в системе местного

управления области. Часто народные судьи были в тандеме с волостными управителями. Нередко из биев назначались волостные управители. Или же волостные также старались назначать на должности биев своих приближенных лиц. По сути, корпус казахских чиновников, состоящих из народных судей, осуществлял некую функцию «кадрового резерва» должности волостных управителей.

Таким образом, казахские чиновники Семиреченской области во II половине XIX – начале XX веков были неотъемлемой составной частью системы местного управления. Они непосредственно участвовали в управленческих делах в кочевых волостях области. Были связующим звеном между царской властью и местным населением, у которых с ними имелись особые взаимоотношения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ЛИТЕРАТУР

1. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской соц. революции): сборник / сост. М.Г. Масевич. — Алма-Ата: Изд-во Академии наук КазССР, 1960. — Т. 1. — 441 с.
2. Васильев В.А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины: введение к проекту. — Петроград, 1915. — 281 с.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Семиреченская область / под ред. Н.А. Тройницкого. — СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета МВД, 1905. — Т. LXXXV. — 170 с.
4. Выступление Главы государства К. Токаева на третьем заседании Национального курултая «Адал адам – Адал еңбек – Адал табыс». URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenieglavy-gosudarstva-ktokaevana-tretem-zasedaniinacionalnogo-kurultaya-1525116> (дата обращения: 30.04.2025).
5. Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской Империи (XVIII – начало XX в.). — М.: МПГУ, 2001. — 358 с.
6. Matsuzato K. The creation of the Priamur governor-generalship in 1884 and the reconfiguration of Asiatic Russia // Russian Review. — N.Y., 2012. — Vol. 71, No. 3. — P. 365–390.
7. Злобин Ю.П. Генерал-губернаторства в системе российского регионального управления в XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2014. — № 7 (168). — С. 124–129.
8. Злобин Ю.П. Генерал-губернаторы Российской империи как субъекты управленческой деятельности в XIX – начале XX века // Известия Самарского научного центра РАН. — 2018. — № 3-2. — С. 294–298.
9. Дамешек И.Л. Имперская география генерал-губернаторской власти в России: от Александра I до Николая II // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. — 2016. — № 15. — С. 15–21.
10. Марюткин В.В. Институты военного губернатора и генерал-губернаторской власти и их эволюция в истории Российской империи // Вестник Башкирского университета. — 2020. — № 1. — С. 220–225.
11. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России XVIII – начало XX в. — СПб.: Искусство-СПб., 1999. — 477 с.
12. Дегтярев С.И. Чины как инструмент национально-унификационной политики Российской империи на землях Левобережной Украины, Кавказа, Бессарабии (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Русин. — 2016. — № 1 (43). — С. 177–195.
13. Оспанова А.А. Некоторые аспекты повседневности чиновников в Российской империи в начале XX века (по материалам «Вестника чиновника») // СНВ. — 2016. — № 3 (16). — С. 128–131.
14. Макей А.Д. Эволюция гражданского чиновничества в Российской империи в XVIII-XIX веках // Вестник Балтийского федерального университета

им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2023. — № 1. — С. 39–52.

15. Минеева И.А. Общий порядок чиновничества в Российской империи в XIX — начале XX веков // Право и государство: теория и практика. — 2017. — № 1 (145). — С. 15–17.

16. Иванов В.А. Профессиональная подготовка чиновников местных государственных учреждений Российской империи к концу правления Николая I // *Via in tempore*. История. Политология. — 2019. — № 2. — С. 305–313.

17. Ремнев А.В. Западно-сибирские генерал-губернаторы первой половины XIX в. (Биографические очерки) // Страницы исторического прошлого Омска (XIX — начало XX вв.). — Омск, 1994. — С. 5–31.

18. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. — Омск, 1995. — 237 с.

19. Матханова Н.П. Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. — 2016. — С. 22–30.

20. Казарин В.Н. Управление Сибирью в XIX в.: личность и/или система? Новейшие исследования к 195-летию реформ М.М. Сперанского // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. — 2017. — С. 106–114.

21. Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства / Саид мурза князь Еникеев ; науч. ред. С. В. Думин ; Акад. наук Респ. Башкортостан, Отд. ние социальных и гуманитарных наук. — [2-е изд., стер.] — Уфа : Гилем, 2007. — 350 с.

22. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству / И. Р. Габдуллин. — М., 2006. — 320 с.

23. Кадыров Р.В. Формирование этносословной группы служилых татар в Мещерском крае: конец XIV—XVI вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Кадыров Рамиль Васильевич; [Место защиты: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ]. — Москва, 2010. — 222 с.

24. Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. — 1983. — № 4. — С. 35–47.

25. Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII — нач. XX в.) / Ж. А. Калмыков. — Нальчик : Эльбрус, 1995. — 123 с.

26. Малахова Г.Н. Становление Российской администрации на Северном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX века / Г. Н. Малахова. — Пятигорск : Изд-во Рос. Акад. Гос. службы, 1999. — 180 с.

27. Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX — нач. XX вв.). — М. : Изд-во «Русь», 2001. — 238 с.

28. Бобровников В.О. Как русские на Кавказе и французы в Алжире XIX в. управляли туземцами-мусульманами // Кавказский сборник. — Т. 7 (39). — М., 2011. — С. 239–262.

29. Проект Всеподданнейшего отчета Ген.-Адъютанта К.П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г. — СПб.: Военная типография, 1885. — 539 с.
30. Остафьев В.А. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. — Омск : Тип. Окр. штаба, 1895. — 62 с.
31. Гейнс А.К. Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса: с портретом и планом. — Типография М.М. Стасюлевича, 1897. — 589 с.
32. Гейнс А.К. Киргиз-кайсаки (в Зауральской степи) // А.К. Гейнс. Собрание литературных трудов. Т. I. — СПб., 1897.
33. Гейнс А.К. Объяснительная записка к положению и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей // Собрание литературных трудов А.К. Гейнса. Приложение ко второму тому. — СПб., 1898. — С. 5–6.
34. Гирс Ф. Отчет ревизующего, по Высочайшему повелению, Туркестанский край, Тайного советника Гирса. — 1884. — 463 с.
35. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Составил старший советник Тургайск. обл. И. И. Крафт. — Оренбург, 1898. — 234 с.
36. Южаков Ю.Д. Итоги двадцатисемилетнего управления нашим Туркестанским краем / [Соч.] Ю.Д. Южакова. — Санкт-Петербург : тип. т-ва "Обществ. польза", 1891. — 84 с.
37. Шкапский О.А. Киргизы-крестьяне (Из жизни Семиречья) // Известия Императорского Русского географического общества. — Т. ХLI. — 1905 г. — СПб., 1906.
38. Шкапский О.А. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области // Вопросы колонизации. — 1907, № 1.
39. Гейер И.И. Весь Русский Туркестан. — Ташкент : С.Р. Конопка, 1908. — 308 с.
40. Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. — СПб., 1910. — 65 с.
41. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Областное управление. — СПб., 1910. — 353 с.
42. Гинс Г.К. В киргизских аулах // Исторический вестник. — Восточная литература, 1913. — № 10. — 49 с.
43. Недзвецкий В.Е. Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области : (По свед. на 1 янв. 1913 г.) / Сост. член-секр. Стат. ком. В.Е. Недзвецкий. — Верный : Семиреч. стат. ком., 1913. — 209 с.
44. Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь: Очерк В.П. Наливкина. — Ташкент : А.Л. Кирснер, 1913. — 144 с.
45. Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. — Петроград : Тип. Б.Д. Брукера, 1916. — 415 с.

46. Бартольд В.В. Сочинения. Том 2. Часть 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. — М. : Наука, 1963. — 1024 с.
47. Сафаров Г.И. Колониальная революция: (Опыт Туркестана). — М. : Гос. изд-во, 1921. — 148 с.
48. Муравейский С.Д. Очерки по истории революционного движения в Средней Азии (опыт краткого пособия для совпартшкол и школ политграмоты). — Ташкент : Узбек. гос. изд-во, 1926. — 37 с.
49. Галузо П.Г. Туркестан — колония: (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года) / П.Г. Галузо. — Москва : Ком. ун-т трудящихся востока им. И.В. Сталина, 1929. — 162 с.
50. Галузо П.Г. Аграрные отношения на Юге Казахстана в 1867-1914 гг. / Под ред. С.М. Дубровского. — Алма-Ата : Наука, 1965. — 347 с.
51. Рыскулов Т. Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 году. В двух частях. — Кызыл-Орда : Государственное издательство К.С.С.Р., 1927. — 124 с.
52. Асфендияров С. Д. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. — Алма-Ата = Москва : Казахстанское Краевое Издательство, 1936. — 150 с.
53. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. — М. : Высшая школа, 1968. — 368 с.
54. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России. — М., 1978. — 288 с.
55. Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. — М., 1957. — 342 с.
56. Сулейменов Б.С. Об административном устройстве казахской степи по реформе 1867–1868 гг. // Вестник АН Казахской ССР. 1951. № 2. — С. 118–126.
57. Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. — Алма-Ата : Изд-во АН Каз.ССР, 1958. — 296 с.
58. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. — Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1960. — 296 с.
59. Покровский С.Н. Победа Советской власти в Семиречье. — Алма-Ата : Изд-во Акад. наук КазССР, 1961. — 368 с.
60. Реформы управления 60-х годов XIX века в Казахстане и их политические и правовые последствия: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. — Алма-Ата, 1979. — 196 с.
61. Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX – нач. XX веков. — Алматы : Жеты жарғы, 1996. — 352 с.
62. Абдрахманова Б.М. Органы государственной власти и управления в Казахстане, 20-е гг. — конец XIX в.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / МГУ. — Москва, 1989. — 232 с.
63. Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. — Караганда, 2010. — 242 с.

64. Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации / отв. ред. Аргынбаев Х., Кузембайулы А. — Караганда : «Полиграфия», 1993. — 331 с.
65. Мәшімбаев С.М. Патшалық Ресейдің Қазақстандағы мемлекеттік басқару мекемелерінің тарихы. — Алматы : «Қазақ университеті», 2000. — 324 б.
66. Джампеисова Ж.М. Казахское общество и право в пореформенной степи. — Алма-Ата, 2006. — 269 с.
67. Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов / отв. ред. Г.С. Султангалиева, сост.: Г.С. Султангалиева, Т.Т. Далаева, С.К. Удербаяева. — Алматы : Қазақ университеті, 2014. — 418 с.
68. Институт волостных в системе управления Казахской степью (XIX – начало XX вв.): монография в документах / отв. ред. Г.С. Султангалиева, сост.: Г.С. Султангалиева, Т.Т. Далаева, Б.У. Маликов, У. Тулешова. — Алматы : «Қазақ университеті», 2018. — 396 с.
69. Казахское дворянство. XIX – начало XX вв.: монография в документах / отв. ред. Г.С. Султангалиева, сост.: Г.С. Султангалиева, У.Ж. Тулешова. — Алматы : «Қазақ университеті», 2020. — 429 с.
70. Sultangalieva G.S. Kazahskoe chinovnichestvo orenburgskogo vedomstva: formirovanie i napravlenie dejatel'nosti (XIX) // Acta Slavica Iaponika. — 2009. — № 27. — P. 77-101.
71. Султангалиева Г.С. Послужные списки как исторический источник по истории формирования казахского чиновничества в XIX в. // Вестник КазНУ. — 2010. — № 4 (67). — С. 37-42.
72. Султангалиева Г.С. Казахские чиновники Российской империи XIX в.: особенности восприятия власти // Cahiers du Monde russe, 2015/10/1. — сс. 651-679
73. Сайфулмаликова С.С. Жетісу, Сырдария областарындағы болыстардың құрылу тарихынан: қазақ қоғамындағы рулық қоғамды жою бағытындағы 1844, 1867 ж. Ережелердің әлеуметтік салдары // ҚазМУ хабаршысы. Тарих сер. — 2012. - № 4. — 18-22 б.
74. Қойгелдиев М. Жетісудағы Ресей билігі (XIX ғ. — 1917 ж.). — Астана: Елорда, 2004. — 216 б.
75. Исабай Қ. Патшадан шен-шекпен алған қазақтар. Тарихи эссе. — Алматы: «Өлке» баспасы, 2007. — 120 б.
76. Макажанова З.Ш. Политика российских властей по подготовке кадров для управленческого аппарата (60-90е годы XIXв.) // Вестник КазНПУ имени Абая, серия «Исторические и социально-политические науки». — Алматы, 2004. — сс. 46-50
77. Макажанова З.Ш. Проблема формирования и своеобразие деятельности казахского чиновничества в системе органов колониального управления царизма (вторая половина XIXв.): автореферат дис. ... кандидата исторических наук: - Алматы, 2010. — 28 с.

78. Калиева Г.К. Влияние особенностей управления чиновничества в лице волостных управителей и аульных старшин на их социальный статус // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. – 2010. - № 3. – С. 18-24.

79. Еспенбетова А.М. Формирование новых сословий в казахском кочевом обществе в XIX – начале XX вв. Автореферат дис.... кандидата исторических наук: - Караганда, 2010. – 31 с.

80. Рахимкулов Д.А. История института старшин в Казахстане (20-60 гг. ХЖв.). автореферат дис. ... кандидата исторических наук: - Алматы, 2010. – 168 с.

81. Айтмухамбетов А.А. Казахские служащие Российской империи: формирование, профессиональная и общественно-политическая деятельность в XIX начале XX вв. (исторический аспект): Автореф. дис.... доктора историчес. наук: – Семей, 2010. – 346 с.

82. Адельбаева Н.А. Особенности формирования и становления школьного образования в Семиреченской и Сырдарьинской областях в XIX – нач. XX вв./Н. А. Адельбаева // Вестник ЗКГУ, 2010. т.№4.-С.145-154

83. Удербаева С.К. Интеграция казахской элиты в начале XX века в административно-управленческие структуры Российской империи // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI). Сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием (Оренбург, 30 октября – 2 ноября 2012 года). – Оренбург, 2012 – 520с. – С. 501-503.

84. Удербаева С.К. Казахский чиновник ИшМухамед Суюк-оглы Абылайханов на службе Российской империи / / Материалы международной конференции «10th International Conference on the Society. University of Tsukuba, Al-Farabi Kazakh National University, ICCARE - International Center for Central Asian Research and Education. - Tsukuba, Almaty, 2013. - 524 с. - С 405-409.

85. Uderbaeva S. Social origin, educational level and regional peculiarities of the formation of Kazakh officials in Semirechensk area // The Steppe and the Sown. Abstracts for the Biennial Conference of the European Society for Central Asian Studies. August 4-7, 2013. - Astana: Nazarbaev University, 2013. - P. 41.

86. Удербаева С.К. Казахский чиновник Семиречья, востоковед, агроном, переводчик Сабатаев Сатылган // Российская деревня в XVIII-XXI веках: социокультурное измерение: сб. статей XI Междунар, науч.- практ. конф. / науч. ред. Г. В. Корнилов, В. А. Лабузов; Мин- во образования и науки Рос. Федерации; Правительство Оренбургской области, Мин-во образования Оренбургской области; ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Оренбургский филиал ФГБУН «Ин-т истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук». - Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. - 292 с. - С. 231- 236.

87. Удербаева С.К. Почетнейший ордынец, кадровый офицер Российской армии, казахский чиновник Алатавского округа Гази Булатович Валиханов /

Материалы международной научной конференции «Социальные и культурные практики Евразии в имперском пространстве» 28-29 июля 2014 г. - Усть-Каменогорск: Берел ВКГУ им. С. Аманжолова, 2014. - 202 с - С. 63-70

88. Удербаева С.К. Учебные заведения Туркестанского региона в подготовке казахских чиновников для региональной администрации // Материалы республиканской научно-практической конференции «Фарабиевские чтения» «Актуальные проблемы изучения отечественной истории в рамках программы «Народ в потоке истории». - Алматы: Казак университеті, 2014. - 186 с. - С. 144-146

89. Удербаева С.К. Интеграция казахских чиновников в административный аппарат управления Российской империи. (XIX-XX вв.). Доклады Национальной Академии Наук Республики Казахстан №3. 2014. С. 171-175.

90. Удербаева С.К. Особенности социального положения волостных управителей Семиреченской области // Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан. № 3. 2017. – сс. 277-285

91. Удербаева С.К. Волостные управители Семиреченской области: круг функциональных обязанностей и общественная деятельность // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. — 2017. — № 4. — С. 189-195.

92. Удербаева С.К. Механизм назначения волостных управителей в Семиреченской области // Материалы, посвященные 25-летию Независимости Республики Казахстан «Мәңгілік ел стратегический курс к национальному единству, духовности и устойчивому развитию. — Алматы, 2016. — С. 203-206.

93. Удербаева С.К. Архивные документы из фондов Центрального Государственного архива Республики Казахстан по материальному обеспечению чиновников Семиреченской области Туркестанского Генерал-губернаторства // Известия Национального центра археологии и источниковедения. — Астана, 2014. — № 3. — С. 38-45.

94. Удербаева С.К. Семиреченское областное правление // Известия Национального центра археологии и источниковедения. — Астана, 2015. — № 4. — С. 22-31.

95. Удербаева С.К. Принципы создания волостей в Семиреченской и Сырдарьинской областях (XIX - начало XX вв.) // Материалы круглого стола «Кочевая цивилизация: наследники и судьбы», посвященного 550-летию образования Казахского ханства. — 27 ноября 2015 года. — Алматы : Interconsult Info, 2016. — С. 24-32.

96. Особенности создания, географического расположения волостей в Семиреченской и Сырдарьинской областях (XIX - начало XX вв.) // Электронный журнал «edu.e-history.kz». — 2021.

97. Uderbaeva S. Kazakh Officials of the Turkestan Governor-Generalship: Positions Held and Professional Careers // Joint regional conference of the Association for Slavic, East European and Eurasian studies and the Central Eurasian studies society. — Astana, 2014. — 14 p. — P. 52.

98. Удербаета С.К. Деятельность и полномочия казахского чиновничества Туркестанского генерал-губернаторства // Известия Национальной Академии наук МОН РК. — 2016. — № 4. — С. 144-154, также на сайте «edu.e-history.kz» № 4(08), режим доступа: <https://edu.e-history.kz/en/publications/view/543>
99. Удербаета С.К. Архивные документы из фондов Центрального Государственного архива Республики Казахстан по казахским чиновникам Туркестанского генерал-губернаторства // Известия Национального центра археологии и источниковедения. — Астана, 2014. — № 2. — С. 58-62.
100. Удербаета С.К. Казахские чиновники Туркестанского края: монография в документах и материалах. — Алматы : Қазақ ун-ті, 2021. — 246 с.
101. Далаева Т.Т. Характер и эволюция социокультурной идентичности казахских должностных лиц XIX – нач. XX вв. (по личным письмам и прошениям) // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». — 2018. — № 1 (56). — С. 30-37.
102. Далаева Т.Т. Казахские волостные управители: стратегии легитимации местной власти в 1917-1919 гг. // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». — 2018. — № 4 (59). — С. 56-61.
103. Далаева Т.Т. От пожалования к производству: механизм получения военного чина казахами в Российской империи (перв. пол. XIX в.) // Международный электронный научный журнал «e-history.kz» (edu.e-history.kz). — 2019. — № 3 (19). — [Http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1255](http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1255)
104. Далаева Т.Т. «Награждаю их серебряными печатями ...» // «Отан тарихы». — 2019. — № 2 (86). — С. 103-115.
105. Избасарова Г.Б. Принципы функционирования властной элиты Степи в политической организации Российской империи (на примере службы султана Ахмета Джантюрина) // Вестник Московского университета. Серия 08. История. — 2015. — № 5. — С. 64–79.
106. Избасарова Г.Б. Казахские Чингизиды на службе Российской империи. Султаны-правители Западной части Младшего жуза (1824–1867) // Клио. — 2016. — № 11. — С. 121–129.
107. Избасарова Г.Б. Казахские Чингизиды дома Жадик на службе Российской империи (1824–1869) // Клио. — 2017. — № 1. — С. 81–86.
108. Сактаганова З.Г. К 100-летию национально-освободительного движения: о причинах восстания казахов 1916 года // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». — 2016. — № 4(84). — С. 96-104.
109. Бисенова А., Медеуова К. Давление метрополий и тихий национализм академических практик // Ab Imperio. — 2016. — № 4. — С. 207-255.
110. Ильясов Ш.А. Деятельность административного аппарата в системе органов колониального управления Степного края (1891-1917 гг.). Диссертация на соискание степени доктора философии PhD. — Караганда, 2017. — 181 с.

111. Tuleshova U.Zh. The Kazakh nobility in the service of the Russian Empire in 19th century: the formation and activity. The thesis for a scientific degree competition doctors of philosophy (Ph.D.), doctors on a profile. — Almaty, 2019. — 171 p.
112. Бисембаева Л.А. Жетісу облысы ауыл және село тұрғындарының күнделікті өмірі (1867-1917 жж.). Философия докторы (PhD) дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация. — Алматы, 2019. — 179 б.
113. Бимолданова А.А. Аппарат власти и практики реализации местного управления в кочевых волостях Акмолинской области (вторая пол. XIX - нач. XX вв.). Диссертация на соискание степени доктора философии PhD. — Алматы, 2021. — 178 с.
114. Raeff M. Patterns of Russian imperial policy toward the nationalities // Soviet nationality problems / Ed. by Allworth E. — N.Y., 1971. — P. 22–42.
115. Raeff M. The bureaucratic phenomena of imperial Russia, 1700–1905 // Amer. hist. rev. — Wash., 1979. — Vol. 84, N 2. — P. 399–411.
116. Starr F. Decentralization and local self-government in Russia, 1830–1870. — N.Y., 1972. — 321 p.
117. Russian officialdom from the 17th through the 20th centuries: The bureaucratization of Russian society / Ed. by Pintner R., Rowney D.K. — Chapel Hill, 1980. — XVIII, 312 p.
118. Robbins, R.G., jr. The tsar's viceroys: Russian provincial governors in the last years of the empire. — Ithaca, 1987. — XIV, 271 p.
119. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. / Пер. с нем. : Червонная С. — М., 1997. — 343 с.
120. Rieber A. From reform to empire: Russia's «new» political history // Kritika. — Bloomington, 2001. — Vol. 2, N 2. — P. 261–268.
121. Немецкие исследователи в Казахстане. Ч. 2 / пер. с нем. Л. А. Захаровой ; сост. И. В. Ерофеева. — Алматы : Санат, 2006. — 408 с.
122. Martin V. Kazakh Chinggisids, land and political power in the nineteenth century: a case study of Syrymbet // Central Asian Survey. — 2010. — Vol. 29, № 1. — P. 79–102.
123. Martin V. Using Turki-Language Qazaq Letters to Reconstruct Local Political History in the 1820s–30s // Explorations in the Social History of Modern Central Asia (19th–Early 20th Century) / ed. by Paolo Sartori. — Leiden ; Boston : Brill, 2013. — (Brill Inner Asian Library Series ; 29). — P. 207–246.
124. Martin V. Engagement with empire as norm and in practice in Kazakh nomadic political culture (1820s–1830s) // Central Asian Survey. — 2017. — Vol. 36, № 2. — P. 175–194.
125. Morrison A. S. Russian Rule in Samarkand 1868–1910: A Comparison with British India. — Oxford : Oxford University Press, 2008. — 368 p.
126. Моррисон А. Беженцы, реабилитация и «революционное» насилие после восстания 1916 года // Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии: сб. статей / Междунар. науч. совещание. — Бишкек : Нео Принт, 2017. — С. 180.

127. Uyama T. *The Geography of Civilizations: a Spatial Analysis of the Kazakh Intelligentsia's Activities, from the mid-Nineteenth to the Early Twentieth Century // Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World. Towards a Discipline of "Regionology"* / ed. by Kimitaka Matsuzato. – Sapporo : Slavic Research Centre, 2000. – P. 70–99.
128. Uyama T. *Invitation, Adaptation, and Resistance to Empires: Cases of Central Asia // Comparing Modern Empires: Imperial Rule and Decolonization in the Changing World Order* / ed. by Uyama Tomohiko. – Sapporo : Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2018. – 235 p.
129. Ohayon I. *Foreword: Mediators of the Empire in Central Asia (1820–1928) // Cahiers du Monde russe.* – 2015. – Vol. 56, № 4. – P. 621–624.
130. Campbell I. *Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731–1917.* – Ithaca ; London : Cornell University Press, 2017. – 376 p.
131. Сартори П., Шаблей П. *Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи.* – Москва : Новое литературное обозрение, 2019. – 280 с.
132. Afinogenov G. *Languages of Hegemony on the Eighteenth-Century Kazakh Steppe // The International History Review.* – 2018. – P. 1–19.
133. Jacquesson S. *Reforming pastoral land use in Kyrgyzstan: from clan and custom to self-government and tradition // Central Asian Survey.* – 2010. – Vol. 29, № 1. – P. 103–118.
134. Jacquesson S. *The Time of Dishonour: Land and Murder under Colonial Rule in Tian-Shan // Journal of the Economic and Social History of the Orient.* – 2012. – Vol. 55, № 4/5. – P. 664–687.
135. Duishembieva J. *Visions of Community: Literary Culture and Social Change among the Northern Kyrgyz, 1856–1924.* – Washington, 2015. – 300 p.
136. Akiyama T. *Why was Russian direct rule over Kyrgyz nomads dependent on tribal chieftains "Manaps"? // Cahiers du Monde russe.* – 2015. – Vol. 56, № 4. – P. 625–649.
137. Akiyama T. *The Qırghız Baatır and the Russian Empire: A Portrait of a Local Intermediary in Russian Central Asia.* – Leiden ; Boston : Brill, 2021. – 144 p. – (Islamic Area Studies ; Vol. 5).
138. Абашин С. Н. *Империя и местное самоуправление: идеология реформ в русском Туркестане в конце XIX – начале XX вв. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности.* – М., 2001.
139. *Азиатская Россия: люди и структуры империи : сб. науч. ст. к 50-летию со дня рождения проф. А. В. Ремнева / под ред. Н. Г. Суворовой.* – Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. – 600 с.
140. Безвиконная Е. В. *Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20–60-х гг. XIX в.* – Омск, 2005. – 240 с.
141. Суворова Н. Г. *Волость как инструмент интеграции русского и инородческого населения Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. //*

Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 2. – С. 160–173.

142. Шушкова М. Е. Организация управления Туркестаном в начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 2015. – 313 с.

143. Шушкова М. Е. Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом // Новый исторический вестник. – 2012. – № 32. – С. 6–19.

144. Туркестан в имперской политике России : монография в документах / отв. ред. Т. В. Котюкова. – М. : Кучково Поле, 2016. – 800 с.

145. Васильев Д. В. Организация управления в Русском Туркестане по проектам Положения об управлении 1870-х гг. // Вестник евразийской науки. – 2014. – № 5 (24). – С. 1–23.

146. Волков И. В. Военно-стратегическое управление в царской России: региональный аспект (1865–1917 гг.) // Власть. – 2014. – № 4. – С. 162–166.

147. Почекаев Р. Ю. Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч. 2: от правового компромисса к окончательной интеграции в имперское правовое пространство (1824–1868 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2010. – № 2. – С. 85–96.

148. Янченко Д. Г., Андреев А. А., Шорохов В. А. Выборы депутатов – «инородцев» от Средней Азии в первую и вторую думы // Клио. – 2017. – № 12 (132). – С. 83–95.

149. Тиллебаев С. Б. Система административно-территориального управления Туркестанского края в конце XIX – начале XX вв. и участие в ней представителей местного населения (на примере Ферганской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 2006.

150. Алимджанов Б. А. Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX вв.). – СПб., 2016. – 376 с.

151. Борубашов Б. И. Кыргызстан в системе государственного устройства и управления Российского государства // Вестник КРСУ. – 2008. – Т. 8, № 2. – С. 109–114.

152. Борубашов Б. И. Органы общественного самоуправления кыргызов в составе Российской империи // Из истории России. Муниципальное право. – 2010. – № 2. – С. 73–76.

153. Маматова А. Роль выборного начала в местной административной системе управления Кыргызстана второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник НАН РК. – 2011. – № 5. – С. 48–52.

154. Волости и населенные места 1893 года / изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел. Вып. 7: Семиреченская область. – СПб., 1895. – 43 с.

155. Батырбаева Ш. Д. Особенности «Обзоров» статистических комитетов областей как источника изучения этнодемографической ситуации в Кыргызстане в конце XIX – начале XX века // Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов: сб. ст. XI

Уральского демографического форума: в 2 т. – Екатеринбург, 2020. – Т. 1. – С. 12–21.

156. Адрес-календарь должностных лиц правительственных и общественных установлений Степного генерал-губернаторства. – Омск: Тип. Акмол. обл. правл., 1891. – 113 с.

157. Адрес-календарь должностных лиц правительственных и общественных установлений Степного генерал-губернаторства. – Омск: Тип. Акмол. обл. правл., 1892. – 116 с.

158. Адрес-календарь на 1893 г. должностных лиц правительственных и общественных установлений Степного генерал-губернаторства. – Омск: Тип. Акмол. обл. правл., 1893. – 52 с.

159. Справочная книжка на 1894 г. о должностных лицах правительственных и общественных установлений Омского военного округа и Степного генерал-губернаторства. – Омск: Тип. окр. штаба, 1893. – 31 с.

160. Справочная книжка на 1895 г. о должностных лицах правительственных и общественных установлений Омского военного округа и Степного генерал-губернаторства. – Омск: Тип. окр. штаба, 1894. – 31 с.

161. Справочная книжка на 1896 г. о должностных лицах правительственных и общественных установлений Омского военного округа и Степного генерал-губернаторства. – Омск: Тип. окр. штаба, 1895. – 35 с.

162. Справочная книжка на 1897 г. о должностных лицах правительственных и общественных установлений Омского военного округа и Степного генерал-губернаторства. – Омск: Тип. окр. штаба, 1896. – 40 с.

163. Справочная книжка о должностных лицах правительственных и общественных установлений Омского военного округа и Степного генерал-губернаторства на 1898 год / Сост. Фридландер, Поляков. – Омск: Тип. окр. штаба, 1897. – 48 с.

164. Балацкая Н. М., Раздорский А. И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи: сводный каталог-репертуар / Рос. нац. б-ка. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – 645 с.

165. Адрес-календарь служащих в Семиреченской области на 1897 год. – Верный: Тип. Семир. обл. правл., 1897. – 99 с.

166. Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1898 год. – Верный: Семиреч. обл. стат. ком., 1898. – 188 с.

167. Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1900 год. – Верный: Семиреч. обл. стат. ком., 1900. – 181 с.

168. Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1901 год. – Верный: Семиреч. обл. стат. ком., 1901. – 242 с.

169. Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1905 год. – Верный: Семиреч. обл. стат. ком., 1905. – 393 с.

170. Список лицам гражданского и других ведомств, служащим в Семиреченской области, 1902 г. (по сведениям до 1-го мая) / Изд. Семиреч. обл. стат. ком. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1902. – [3], 122, 4 с.

171. Список лицам гражданского и духовного ведомств, служащим в Туркестанском крае: 1900 год. – Ташкент: Типо-лит. бр. Порцевых, 1900. – 200 с.
172. Список лицам гражданского и духовного ведомств, служащим в Туркестанском крае: 1901 год. – Ташкент: Типо-лит. бр. Порцевых, 1901. – 206 с.
173. Список лицам гражданского и духовного ведомств, служащим в Туркестанском крае: 1902 год. – Ташкент: Типо-лит. бр. Порцевых, 1902. – 212 с.
174. Махмудова Н. Б. Историко-источниковедческий обзор отчетов ревизии сенатора К. К. Палена // *Метаморфозы истории*. – 2019. – № 13. – С. 125–150.
175. Сельское управление. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению сенатором, гофмейстером, графом К. К. Паленом. – СПб., 1910. – 226 с.
176. Городское управление. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению сенатором, гофмейстером, графом К. К. Паленом. – СПб., 1910. – 483 с.
177. Уездное управление. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению сенатором, гофмейстером, графом К. К. Паленом. – СПб., 1910. – 168 с.
178. Областное управление. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению сенатором, гофмейстером, графом К. К. Паленом. – СПб., 1910. – 353 с.
179. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. Т. VIII. Ч. 1 / Сост., предисл., коммент. и указатели Б. Т. Жанаева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 716 с.
180. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1490. – 100 л.
181. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. XXXVIIIА (76): Человек – Чугуевский полк. – СПб.: Семеновская типолитография (И. А. Ефрона), 1903. – 497 с.
182. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. XXXIX (77): Чугуев – Шен. – СПб.: Семеновская типолитография (И. А. Ефрона), 1908. – 480 с.
183. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1984. – 797 с.
184. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 1456 с.
185. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
186. Нелидов Н. К. Юридические и политические основания государственной службы. – Ярославль, 1874. – 294 с.

187. Евреинов В. А. Гражданское чиновничество в России: ист. очерк. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1887. – 87 с.
188. Карнович Е. П. Собрание сочинений: в 4 т. / Сост. Т. Прокопов. – М.: Изд. центр «Терра», 1995.
189. Ольшевский М. Бюрократия. – М.: Изд. В. М. Сабина, 1906. – 471 с. – С. 53–68.
190. Бразоленко Б. Очерк развития бюрократии в России // Вестник знания. – 1903. – № 8. – С. 15.
191. Мачинский В. Бюрократия с точки зрения социологии // Образование. – 1906. – № 5. – С. 49–66.
192. Рубакин Н. А. Россия в цифрах. – СПб.: Вестник знания, 1912. – 214 с. – С. 7–11.
193. Батырев М. Что такое бюрократия? – М.: Народная мысль, 1906. – С. 2–4.
194. Ипатова А. А. Зачем современной России чиновник? // Вестник РУДН. Сер. Социология. – 2013. – № 1. – С. 117–129.
195. Raeff M. The Russian Autocracy and its Officials. – The Hague: Mouton, 1957. – 91 p.
196. Pintner W. M. Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980. – 416 p.
197. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М., 1993. – 427 с.
198. Hara T. Empire and Society: New Approaches to Russian History. – Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 1997. – 218 p.
199. Лазукова Е. А. Категории «Госслужащие», «Чиновничество» и «Бюрократия» // Вестник ПНИПУ. Соц.-экон. науки. – 2013. – № 18(45). – С. 52–59.
200. Заграничнов Е. С. Коннотативная семантика актуального слова «чиновник» // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2013. – Т. 3, № 2. – С. 97.
201. Градовский А. Д. Начала русского государственного права : сб. соч. : в 9 т. Т. 9. — СПб., 1901.
202. Ивановский В. В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Русская мысль. — 1903. — № 8.
203. Чевтаева Н. Г. Социология чиновничества в России: дореволюционное наследие и современность // Мир России. — 2009. — № 3. — С. 85–113.
204. Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России : сравн. ист. исслед. — М. : Текст, 1993. — 320 с.
205. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка : толково-словообразоват. — М. : Русский язык, 2000. — 1233 с.
206. Моррисон А. «Мы не англичане...» К вопросу об исключительности российского империализма // Восток Свыше. — 2015. — № 3. — С. 69–78.

207. Fitzpatrick S. Impact of the Opening of Soviet Archives on Western Scholarship on Soviet Social History // *The Russian Review*. — 2015. — Vol. 74, № 3. — P. 377–400.
208. Bayly C. A. *Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780–1870*. — New York, 1996.
209. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 42. Отд. 1. 1867 г. — СПб. : Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1871. — 1209 с.
210. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. 2. 1882 г. — СПб. : Гос. тип., 1886. — 1144 с.
211. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. 11. 1891 г. — СПб. : Гос. тип., 1894. — 1410 с.
212. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. 17. 1897 г. — СПб. : Гос. тип., 1900. — 1571 с.
213. Morrison A. The Pahlen Commission and the Re-Establishment of Rectitude in Transcaspia, 1908–1909 // *Monde(s). Histoire, Espaces, Relations*. — 2013. — No. 4. — P. 48.
214. Русская периодическая печать (1702–1894) : справ. / под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова. — М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959.
215. Лапин С.-А. Вспомнили о Туркестане // *Слово*. — 1908. — № 503.
216. Абдрахим М. Е. Қазақ халық ауыз әдебиетіндегі қазақ шенеуніктерінің образы // *Вестн. КазНУ. Сер. ист.* — 2018. — № 4. — С. 298–303.
217. Аронұлы С. Шығармалары. — Алматы : Нұрлы Press.kz, 2014. — 288 б.
218. Бактыбай Жолбарысұлы, Майлықожа Сұлтанқожаұлы. Шығармалары. — Алматы : Нұрлы Press.kz, 2014. — 288 б.
219. Жаббаев Ж. Екі томдық таңдамалы шығармалар жинағы. Т. 2. — Алматы : Ғылым, 1996. — 384 б.
220. Жансүгіров І. Құлагер : поэмалар мен өлеңдер / құраст. Б. Сахариев. — Алматы : Жазушы, 1974. — 574 б.
221. Орманов Ғ. Көптомдық шығармалар жинағы: Өлеңдер. — Алматы: «Қазығұрт» баспасы, 2012. — 384 б. Т. 4.
222. Обзор Семиреченской области за 1882 год. — Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1883. — 78 с.
223. Султанғалиева Г.С. Младшие чиновники особых поручений в системе административного управления Казахской степью во второй половине 19 в.: чины, функции и направления деятельности // *Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки»*, №1 (48). С. 71-75.
224. Степное положение 25 марта 1891 года с объяснениями по официальным источникам: [Сборник]. — Санкт-Петербург: Зем. отд. М-ва вн. дел, 1891. — 208 с.

225. Қойгелдиев М. Қазақ Елі: Ұлттық бірегейлікті сақтау жолындағы күрес (XIX ғ. – XXI ғ.басы). Монография. М. Қойгелдиев. – Алматы: «Қаратау КБ» ЖШС, «Дәстүр», 2014. – 430 б.
226. Обзор Семиреченской области за 1897 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1898. – 73 с.
227. Обзор Семиреченской области за 1895 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1896. – 80 с.
228. Обзор Семиреченской области за 1900 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1901. – 68 с.
229. Обзор Семиреченской области за 1905 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1906. – 112 с.
230. ЦГА РУз. Ф.И-1 Оп.28 Д.602 Л.20.
231. Обзор Семиреченской области за 1906 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1907. – 121 с.
232. Обзор Семиреченской области за 1910 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1911. – 111 с.
233. Kelly, Gail P. and Altbach, Philip G. Introduction: “The Four Faces of Colonialism.” Education and the Colonial Experience / Ed. by Gail P. Kelly and Philip G. Altbach. – New Brunswick: Transaction, 1984.
234. Kachru, B.V. The Indianization of English: The English Language in India. – New York: Oxford University Press, 1983.
235. Остроумов Н.П. К истории народного образования в Туркестанском крае: Личные воспоминания. – Ташкент, 1895. – 286 с.
236. ЦГА РК. Ф.44, Оп.1, Д.1804, л.35.
237. Обзор Семиреченской области за 1883 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1884. – 96 с.
238. Обзор Семиреченской области за 1884 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1885. – 66 с.
239. Обзор Семиреченской области за 1885 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1886. – 71 с.
240. Обзор Семиреченской области за 1886 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1887. – 66 с.
241. Обзор Семиреченской области за 1887 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1888. – 82 с.
242. Обзор Семиреченской области за 1888 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1889. – 55 с.
243. Обзор Семиреченской области за 1899 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1900. – 89 с.
244. Семиреченские областные ведомости. №20 от 20 мая 1895 г.
245. Семиреченские областные ведомости. №17 от 26 апреля 1897 г.
246. Обзор Семиреченской области за 1898 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1899. – 75 с.
247. Обзор Семиреченской области за 1901 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1902. – 63 с.

248. Обзор Семиреченской области за 1902 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1903. – 71 с.
249. Обзор Семиреченской области за 1903 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1904. – 56 с.
250. Обзор Семиреченской области за 1904 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1905. – 80 с.
251. Обзор Семиреченской области за 1907 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1908. – 116 с.
252. Обзор Семиреченской области за 1908 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1909. – 93 с.
253. Обзор Семиреченской области за 1909 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1910. – 87 с.
254. Обзор Семиреченской области за 1911 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1912. – 103 с.
255. Обзор Семиреченской области за 1912 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1913. – 104 с.
256. Обзор Семиреченской области за 1913 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1914. – 110 с.
257. Удербаетаева С.К. Казахский чиновник Семиречья, востоковед, агроном, переводчик Сабатаев Сатылган // Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение: сб. статей IX Междунар. науч.-практ. конф. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. – 292 с. – сс. 231-235.
258. Кенжалин Ж. Алаш оқығандары // Абай атындағы ҚазҰПУ-дың Хабаршысы, «Әлеуметтік және саяси ғылымдар» сериясы, №3(39), 2012 ж. – 30-34 бб.
259. Толенова З.М., Оразов Р.Е. История Алаш в судьбах исторических личностей (исторический образ Семиреченского деятеля Алаш – Ыбрайыма Джайнакова) // Мир Большого Алтая. 2019. №5 (4). – сс. 566-585.
260. Жүгенбаева Г.С. Мұхамеджан Тынышбаевтың өмірі мен қызметі (1879-1938) Алматы: ҚазККА, 2000. – 228 б.
261. ЦГА РК. Ф.44. Оп.1. Д.28427. Л.50.
262. ЦГА РК. Ф.94. Оп.1. Д.2867. Л.12.
263. Образование среди семиреченских киргиз // Семиреченские областные ведомости. – №79. – 1911.
264. Алаш в истории государственности Казахстана: идеи, судьбы, наследие. Сборник архивных документов и материалов. / Сост.: М.М. Козыбаева, З.Т. Садвокасова, Ф.Р. Лебаев – Алматы: ТОО «Литера-М», 2018. – 365 с.
265. Қыдырбек Б. «Қазақ дегенде жүрегі шын соғатын...» // <https://egemen.kz/article/24774-qazaq-degende-dguregi-shyn-soghatyn>
266. Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865-1924 годы). М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1960. – 509 с.

267. Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Народное Просвещение в центральноазиатских владениях российской империи как объект аккультурации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. №1. – сс. 5-13.
268. Бобровников Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресы Средней Азии: Путевые заметки / Н.А. Бобровников. – Санкт-Петербург: Сенат. тип., 1913. – 90 с.
269. РГИА РФ. Ф.391, Оп.2, Д.184, Л.189.
270. Мухамедов Ш.Б. Учебное дело в русском Туркестане: организация краевого управления и первые шаги // Метаморфозы истории. 2017. №10. – сс. 236-254.
271. «Қазақ» газеті. 1913 жыл. 2-ші басылымы / Құраст.: С. Смағұлова, Ғ. Өнес, Т. Замзаева. – Алматы: «Арыс» баспасы, 2018. – 480 б.
272. Абдрахим М.Е., Тулешова У.Ж. Вопросы «чина» и наград Российской империи в казахском устном народном творчестве // E-history журналы, №4. – 2019.
273. Тлепина Ш.В. Устав «Қазақ елі» - первый проект казахской конституции, как отражение государственно-правовых взглядов Барлыбека Сыртанова // Право и государство. – 2015. – №3 (68). – С. 66-74.
274. Мұхатова О.Х. Верный ерлер гимназиясы және Жетісу Алаш қайраткерлері // Электронный научный журнал «edu.e-history.Kz». - №10(1). – 2023. – 138–153 бб.
275. Қапалбекұлы Н. Елінің данасы халқының панасы болған // <https://7-su.kz/news/cat-12/1940/>
276. Күмісбек М. Балқаштың тұңғыш болысы // <https://7-su.kz/news/cat-12/3951/>
277. Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Монография. – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. – 476 с.
278. Сатенова М.Р. наброски к портрету султана Иш-Мухаммеда Аблайханова // <https://iie.kz/?p=4213>
279. Удербаетова С.К. Интеграция казахских чиновников в административный аппарат управления Российской империи (XIX-XX вв.) // Доклады Национальной академии наук Республики Казахстан. №3. – 2014. – сс. 171-175.
280. Оразов Р., Алтай А. Тезек Төренің құжаттар негізіндегі шежіресі қандай? // <https://alash24.kz/news/14002>
281. Султанғалиева Г.С. Казахские султаны – чиновники империи в контексте административной политики Российского государства (20-60-е годы XIX в.) // 10th International Conference on the Crossroad of Civilizations: Aspects of Language, Culture and Society. Tsukuba. – 2013. – сс. 400-404
282. ЦГА РК. Ф.44, Оп.1, Д.29145, Л.9
283. Мамания: Тарихи деректер, естеліктер, өлеңдер, құжаттар, пікірлер. – Алматы: Атамұра, 1999. – 272 б.
284. ЦГА РК. Ф.345. Оп.1 Д.1672. Л.1 – 2 об.

285. Семиреченские областные ведомости. №44 от 2 ноября 1891 года
286. Қазбанбетов М. Қорғаған ұлан-байтақ даласын батыр бабам – рухы биік данасың! // <https://aksuoniri.kz/or-a-an-lan-bajta-dalasyн-batyr-babam-ruhy-biik-danasy/>
287. Сәдірбекұлы Н. Дүйсебай қажы мен оның ұлы Түлембай // <https://e-history.kz/kz/news/show/873>
288. Тынышпаев М. Политические выступления, научные труды, документы. – Алматы: «Қазақстан», 2009. – 312 с.
289. ЦГА РК. Ф.44. Оп.1. Д.1120. Л.7.
290. Аллаберген Қ. Тарих және баспасөз (Қазақ мерзімді баспасөзінде тарихтың «ақтаңдақ» мәселелерінің жазылуы). – Бірінші кітап. С.Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университетінің «Кереку» баспасы, 2009 жыл, 148 б.
291. Өзбекова Г. Қазақ баспасөзі және сатира // А. Ясауи университетінің хабаршысы, №4-5, 2010. – 70-74 бб.
292. Мұхаметқалиқызы А. Абай мұрасының орыс тілінде танылуы // <https://ult.kz/post/abay-murasynyn-orys-tilinde-tanylyu>
293. Қыдырбекулы Д. Деятель Алаш-Орды Иса Тергеусизов // <https://mysl.kazgazeta.kz/news/1328>
294. Қыдырбек Б. «Қазақ дегенде жүрегі шын соғатын...» // <https://egemen.kz/article/24774-qazaq-degende-dguregi-shyn-soghatyn>
295. Бағысбек Қ. Иса Тергеусізұлы – Жетісу әншілік музыка мектебінің өкілі // <https://musicnews.kz/isa-tergeusizyly-zhetisu-anshulik-muzyka-mektebinin-okili/>
296. Попов Ю. Доктор Садывакас Чалымбеков (1880-1917) // <http://inkaraganda.kz/articles/145357>
297. Любичанковский С.В. Уездный начальник как институт управления и аккультурации (на материалах юго-восточной окраины Российской империи 2-й половины XIX – начала XX века) Res Historica, 2018. Т.44. Р.137-145
298. Далаева Т.Т. Казахское чиновничество Западно-Сибирского ведомства: эволюция функциональных обязанностей и социального положения в XIX веке / Абай атындағы аз ПУ-ні Хабаршысы, «Тарих және саяси-әлеуметтік ғылымдар» сериясы, №4(39), 2013 ж.
299. ЦГА РК. Ф.44 Оп.1 Д.47 Л.36
300. ЦГА РК. Ф.44 Оп.1 Д.29016 Л.22
301. Семиреченские областные ведомости. №9 от 27 февраля 1871 г.
302. Семиреченские областные ведомости. №18 от 1 мая 1871 г.
303. Семиреченские областные ведомости. №2 от 12 января 1874 г.
304. Нұртай Н. Алашорданы қаржыландырған Есім төреге меценат Оспанов кесене тұрғызды // <https://qamshy.kz/article/25782-alashordany-qarzhylandyrghan-esim-torege-metsenat-ospanov-kesene-turghyzdy>
305. Қазақстан: ұлттық энциклопедия; бас ред. Б. Аяған, ред. алқасы: С. Әбиев [ж. б.] - Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2004. – 696 б.

306. Қазақстандағы азаттық қозғалыс тарихы. Оқу құралы. / Б.А.Жүрсінбаев, Б.Т.Жұбанышов – Алматы: «Қыздар университеті» баспасы. 2013. – 377 б.
307. Семиреченские областные ведомости. №6 от 6 февраля 1871 г.
308. Семиреченские областные ведомости. №6 от 5 февраля 1872 г.
309. ЦГА РУз, Ф.И-1 Оп.1 Д.71 Л.4
310. ЦГА РУз, Ф.И-1 Оп.1 Д.292 Л.4
311. Семиреченские областные ведомости. №8 от 25 февраля 1878 г.
312. Brower D. Turkestan and the fate of the Russian Empire. Londres–New York, Routledge Curzon. 2003.
313. Записки Н.О. фон-Розенбаха. Русская старина. №5. 1916, с. 192
314. Сумарокова О.Л. К вопросу о лингвистической подготовке административных служащих Туркестанского края // Власть. №2. 2016. с. 169-173 с. 172
315. Ягелло Н.Л. Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков служащими по военно-народному управлению Туркестанского края. Ташкент. 1906. С.2
316. Дмитриев С.В. Материалы по этнографии и фольклору казахов из фонда генерала Н.И. Гродекова // Лавровский сборник : Материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений, 2010–2011 гг. : Этнология, история, археология, культурология / Отв. ред. Ю.Ю. Карпов, М.Е. Резван; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: МАЭ РАН. 2011, с. 88
317. Tejaswini N. Siting Translation. History, Post-Structuralism, and the Colonial Context. University of California Press. 1992, p. 21
318. Robinson D. Translation and Empire: Postcolonial Theories Explained, Manchester: St. Jerome. 1997, p. 10
319. ЦГА РУз. Ф.И-1, Оп.28, Д.435, Л.87
320. Семиреченские областные ведомости. №11 от 3 октября 1870 года.
321. Семиреченские областные ведомости. №46 от 8 июня 1901 года.
322. Семиреченские областные ведомости. №3 от 1 августа 1870 года.
323. ЦГА РК. Ф.44, Д.47, Л.36.
324. Семиреченские областные ведомости. №36 от 6 октября 1873 года.
325. Семиреченские областные ведомости. №11 от 16 марта 1874 года.
326. Семиреченские областные ведомости. №38 от 21 сентября 1874 года.
327. Семиреченские областные ведомости. №38 от 25 сентября 1876 года.
328. Семиреченские областные ведомости. №45 от 10 ноября 1879 года.
329. Семиреченские областные ведомости. №37 от 14 сентября 1885 года.
330. Тұрысбекова Е. Тұрысбек Маманұлы-175: мектеп ашқан меценат // <https://7-su.kz/news/cat-1/4749/>
331. Туруспекова Е. Турысбек хаджи Маманов // <https://ognialatau.kz/news/cat-11/5151/>
332. ЦГА РУз. Ф.И-1, Оп.1, Д.1758, Л.71.
333. «Айқап», 1913 ж. №7, 12-15 б.
334. Семиреченские областные ведомости. №50 от 12 декабря 1887 года.

335. Семиреченские областные ведомости. №27 от 2 июля 1888 года.
336. Семиреченские областные ведомости. №28 от 13 июля 1891 года.
337. Семиреченские областные ведомости. №21 от 21 мая 1894 года.
338. Энциклопедия «Айқап» / Бас редактор Р. Нұрғалиев. Алматы: «Қазақ энциклопедиясы» Бас редакциясы, 1995.
339. Нұрахмет Е. Қазақ байлары: Мамания мектебінің тарихы // <https://e-history.kz/kz/news/show/32626>
340. ЦГА РК, Ф.44, Оп.1, Д.875, Л.75.
341. ЦГА РК, Ф.44, Оп.1, Д.1348, Л.32.
342. Семиреченские областные ведомости. №65 от 15 августа 1903 года.
343. Семиреченские областные ведомости. №85 от 21 октября 1903 года.
344. Семиреченские областные ведомости. №102 от 23 декабря 1903 года.
345. Алаш идеясын қолдаған қазақ байлары. Олар кімдер еді? // <https://abai.kz/post/62741>
346. Семиреченские областные ведомости. №72 от 8 сентября 1906 года.
347. Семиреченские областные ведомости. №74 от 15 сентября 1906 года.
348. Семиреченские областные ведомости. №91 от 14 ноября 1906 года.
349. Семиреченские областные ведомости. №55 от 10 июля 1909 года.
350. Семиреченские областные ведомости. №69 от 10 июля 1909 года.
351. Семиреченские областные ведомости. №44 от 2 ноября 1891 года.
352. ЦГА РК. Ф.44, Оп.1, Д.955, Л.57.
353. ЦГА РК. Ф.44, Оп.1, Д.1995, Л.38.
354. ЦГА РК. Ф.44, Оп.1, Д.2362, Л.75.
355. ЦГА РК. Ф.44, Оп.1, Д.3102, Л.76.
356. Тәнеке батыр: тарихи-көпшілік жинақ / Құраст. Ж. Қалиұлы. – Алматы, 2002. – 158 б.
357. ЦГА РК. Ф.44, Оп.1, Д.3853, Л.39.
358. Толымбеков Ж. Баянды баяны. Зерттеу, ізденіс / Жемісбек Толымбеков. – Алматы: Everest, 2022. – 192 б.
359. Мұқатайқызы Г. Бабаларыма бас иемін // <https://abai.kz/post/41265>
360. ЦГА РК. Ф.44, Оп.1, Д.1499, Л.46.
361. ЦГА РК. Ф.44, Оп.1, Д.1718, Л.52.
362. ЦГА РК. Ф.44, Оп.1, Д.3543, Л.28.
363. ЦГА РК. Ф.44, Оп.1, Д.3815, Л.5.
364. ЦГА РК. Ф.44, Оп.1, Д.3945, Л.9.
365. Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917): (По архив. материалам) / Литвинов П.П.; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Елец. гос. пед. ин-т. - Елец: ЕГПИ, 1998. – 319 с.
366. Салиев А.Л. О народных судах кочевого населения Туркестана (1865–1917 гг.) // Вестник КРСУ. – 2015. – Том 15. – №6. – сс. 102-106.
367. Семиреченские областные ведомости. №25 от 21 июня 1886 года.
368. Семиреченские областные ведомости. №101 от 17 декабря 1904 года.
369. Салиев А.Л. Об усилении конфликтности внутри кочевого населения Туркестана в связи с введением практики выборности народных судей (1865–

1917) (По архивным, правовым и иным материалам) // Журнал «Вестник КРСУ», 2014 год, Том 14, № 9, Стр. 74-77.

370. Семиреченские областные ведомости. №41 от 10 ноября 1973 года.

371. Толымбек Ж. Тәнекемен таласпас / <https://aksuoniri.kz/t-nekemen-talaspas/>

372. Жабает Ж. Избранные произведения: пер. с казахского / Жабает, Жамбыл ... – Астана: Аударма, 2010. – 464 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ А

*Список волостных управителей и кандидатов к ним Арасанской волости
Копальского уезда Семиреченской области*

Годы трехлетия	Волостной управитель	Кандидат к нему
1868-1870	Есимбек Танекин	Толкын Калкабаев
1871-1873	Сарсен Мынджасаров	Туганбай Сеитов
1874-1876	Сарсен Мынджасаров	Маман Калкабаев
1877-1879	Турыспек Маманов	Кайгайбек Кусебаев
1880-1882	Турыспек Маманов	Атпас Алдияров
1883-1885	Турыспек Маманов	Бокаш Тозанов
1886-1888	Турыспек Маманов	Толкын Калкабаев
1889-1891	Сейтбаттал Маманов	Чалкарбай Касабулатов
1892-1894	Сейтбаттал Маманов	Чалкарбай Касабулатов
1895-1897	Сейтбаттал Маманов	Чалкарбай Касабулатов
1898-1900	Кудайберген Турыспеков	Чалкарбай Касабулатов
1901-1903	Кудайберген Турыспеков	Бимудда Аркабаев
1904-1906	Кудайберген Турыспеков	Адильбек Майтабанов
1907-1909	Кудайберген Турыспеков	
1910-1912	Солтанкул Турыспеков	Уали Бисетпаев
1913-1915	Солтанкул Турыспеков	Омар Бурунбаев

*Список волостных управителей и кандидатов к ним Кульдей-джумаевской
волости Копальского уезда Семиреченской области*

Годы трехлетия	Волостной управитель	Кандидат к нему
1892-1894	Кожабек Танекин	Козаир Джельдыбаев
1895-1897	Кожабек Танекин	Козаир Джельдыбаев
1898-1900	Кожабек Танекин	Ишмухамед Есимбеков
1901-1903	Джумабай Байбеков	Бекберген Байгубеков
1904-1906	Джабыкпай Кокубаев	Козаир Джельдыбаев
1907-1909	Джокей Тартыспаев	Садык Илекулов
1910-1912	Малмак Танекин	Айтхожа Отарбаев
1913-1915	Джексенбай Джабыкпаев	Солтан Джумаев

*Список волостных управителей и кандидатов к ним Алакульской волости
Лепсинского уезда Семиреченской области с 1871 по 1900 годы*

Годы трехлетия	Волостной управитель	Кандидат к нему
1871-1873	Андас Чуймужин	Тюменбай Кунаков
1874-1876	Андас Чуймужин	Тюменбай Кунаков
1877-1879	Андас Чуймужин	Джакан Джангулов
1880-1882	Андас Чуймужин	Джакан Джангулов
1883-1885	Андас Чуймужин	Нурпеис Чайгожин
1886-1888	Бисарин Джангозин	Чанбай Бектурганов
1889-1891	Мейрман Тлеулин	Абиш Андасов
1892-1894	Мейрман Тлеулин	Абиш Андасов

1895-1897	Косет Курамысов	Болыспай Джальшев
1898-1900	Мейрман Тлеулин	Оспан Бисарин

Волостные управители Верненского уезда за 1897 год

№ п/п	Название волости	Волостной управитель	Кандидат волостному управителю	к
1.	<i>Бакайская</i>	Джантай Карачев	Курманали Аюкин	
2.	<i>Больше-Алматинская</i>	Хуснетдин Садыбеков	Малай Аккучуков	
3.	<i>Восточно-Кастекская</i>	Карымбай Тасыбеков	Самылтыр Диканбаев	
4.	<i>Восточно-Талгарская</i>	Саймасай Ушкempiров	Кайдаул Таймасов	
5.	<i>Джаильмышевская</i>	Сат Ниязбеков	Абиш Бекбатыров	
6.	<i>Западно-Кастекская</i>	Саке Ниязбеков	Тураппек Нуренов	
7.	<i>Западно-Талгарская</i>	Сарджан Базилов	Кучукпай Раимбеков	
8.	<i>Каракастекская</i>	Нуртай Куттуксаитов		
9.	<i>Каргалинская</i>	Тамабай Чаибаев	Тарликпай Косумов	
10.	<i>Курдайская</i>	Нурбай Ермеков		
11.	<i>Куртинская</i>	Алимбек Байгоджин	Джаркымбай Маденов	
12.	<i>Кызылбурковская</i>	Кульчи Джылкыбаев	Ораз Тлеубердин	
13.	<i>Мало-Алматинская</i>	Темирбек Тогатаев		
14.	<i>Нижне-Илийская</i>	Бельходжа Итекпаев		
15.	<i>Ргайтинская</i>	Рыскелди Каимбеков	Булемыс Саурымбаев	
16.	<i>Сарытокумовская</i>	Нурбек Битлесов	Сапакпай Битлесов	
17.	<i>Сюгатинская</i>	Кады Канаев	Бельгожа Сарсенбин	
18.	<i>Тургенская</i>	Батталгазы Садыханов	Джаланаш Серикпаев	
19.	<i>Узун-Агачская</i>	Байсерке Байчугуров	Батшибай Тогайбаев	
20.	<i>Чамалганская</i>	Алпыспай Тасбулатов	Умбеталы Исмаилов	

Волостные управители Лепсинского уезда за 1897 год

№ п/п	Название волости	Волостной управитель	Кандидат волостному управителю	к
-------	------------------	----------------------	--------------------------------	---

1.	<i>Акчаулинская</i>	Асан Майджалов	
2.	<i>Алакульская</i>	Косет Курамысов	Болыспай Джальчев
3.	<i>Арганатинская</i>	Босмоин Топканбаев	Иса Маусумбаев
4.	<i>Аягузская</i>	Исмаилгазы Бекбулатов	
5.	<i>Балхаш-Лепсинская</i>	Труспек Чалов	Еркинбек Толебаев
6.	<i>Барлыкская</i>	Кеньшпай Токуров	
7.	<i>Баскан-Сарканская</i>	Мырзагул Чотыков	Косабай Байтенов
8.	<i>Биен-Аксу́йская</i>	Томанбай Мурзагулов	
9.	<i>Каракольская</i>	Чалгерей Кебентаев	
10.	<i>Кыскач-Садыровская</i>	Байарстан Тлеулин	
11.	<i>Маканчы-Садыровская</i>	Бексултан Макин	
12.	<i>Мурзатай-Карасу́йская</i>	Нугман Хасенов	Утемис Бисенов
13.	<i>Ни́жне-Аксу́йская</i>	Танкабай Толебаев	Чатырбай Дюсюпов
14.	<i>Сарытаевская</i>	Ибрагим Алашев	Тазабек Мынджасаров
15.	<i>Урджарская</i>	Нуке Карашев	Килыбай Казангарин
16.	<i>Чербактинская</i>	Саирамбет Айдарбеков	Джуртугул Джабаев
17.	<i>Чинжилинская</i>	Есенбек Аркадаев	Алихан Биртемисов
18.	<i>Эмельская</i>	Канагат Сулейменов	Бектурган Телешов

Волостные управители Джаркентского уезда за 1897 год

№ п/п	Название волости	Волостной управитель	Кандидат волостному управителю	к
1.	<i>Айт-Аламановская</i>	Балапан Джетенов	Неембек Тлесов	
2.	<i>Айтовская</i>	Турлуходжа Джансеркин		
3.	<i>Байтюгеевская</i>	Мухамеджан Аджибеков	Назар Караулов	
4.	<i>Барохудзирская</i>	Хасан Копсалямков	Назарбай Кокенов	
5.	<i>Кожмамбетовская</i>	Койчибек Бектуров		
6.	<i>Конурбурговская</i>	Бушен Бармешов	Джексенбай Улджабаев	
7.	<i>Курмановская</i>	Досумбек Мунджубаев		
8.	<i>Кегенская</i>	Сарсемби Таксыков	Самак Баташев	

9.	<i>Темирлик-Кулуктавская</i>	Киргизбай Байбосунов	
10.	<i>Ток-Арустановская</i>	Исламшал Турлубаев	Ауельбек Турапов
11.	<i>Чиликская</i>	Джумабай Тайчибаев	
12.	<i>Чунджинская</i>	Баспак Карабаев	

Волостные управители Копальского уезда за 1897 год

№ п/п	Название волости	Волостной управитель	Кандидат волостному управителю	к
1.	<i>Ак-Ичкинская</i>	Кенсаба Джаманбалин	Малдыбек Джерчимбаев	
2.	<i>Алтын-Эмельская</i>	Мамек Дюсенбаев	Джаутук Койчимапов	
3.	<i>Андасовская</i>	Кузембай Бекмухаметов	Букат Букешов	
4.	<i>Арасанская</i>	Сеитбаттал Маманов	Чалкарбай Касабулатов	
5.	<i>Балгалинская</i>	Ходжахан Бабаев	Канходжа Джомартов	
6.	<i>Биен-Куяндинская</i>	Аязбай Ергоджин	Ускенбай Кобдалин	
7.	<i>Верхне-Каратальская</i>	Глеугул Айткулов		
8.	<i>Горно-Джалаирировская</i>	Джаманбай Джанкулин	Иманкул Камбаров	
9.	<i>Иле-Балхашская</i>	Койчугул Досбатыров		
10.	<i>Кучуковская</i>	Чалбай Нурджауов	Утеп Нурабаев	
11.	<i>Кульдей-Джумаевская</i>	Кожабек Танекин	Козаир Джельдыбаев	
12.	<i>Нижне-Каратальская</i>	Урман Усербаев	Сердалы Купенов	
13.	<i>Тазская</i>	Бектемир Карымбаев	Демсу Алимбетов	
14.	<i>Чулаковская</i>	Курманбек Диханбаев	Маке Каипов	
15.	<i>Южно-Прибалхашская</i>	Джальменде Даутбаев		

Расписание дней, назначенных для волостных съездов в волостях Копальского уезда повторяющихся ежемесячно (по состоянию на 18875 год)

№	Название волостей	Числа месяца	Места, где должны быть съезды
1.	Алтын-Эмельской	2, 3 и 4	На Басчи
2.	Барохудзирской	5, 6 и 7	Кунур-Улень
3.	Байгалы-Койчилинской	8, 9 и 10	Сарыбулак, летом на Сарнатай-Сынтасе, в 15

			вер. от п. Джангыз-Агач
4.	Горно-Джалаировской	8, 9 и 10	Сарыбулак, летом на Сарнатай-Сынтасе, в 15 вер. от п. Джангыз-Агач
5.	Кучуковской	8, 9 и 10	Сарыбулак, летом на Сарнатай-Сынтасе, в 15 вер. от п. Джангыз-Агач
6.	Верхне-Каратальской	9, 10 и 11	Талды-Курган
7.	Нижне-Каратальской	11, 12 и 13	Уч-Мулла
8.	Биен-Куяндинской	11, 12 и 13	Ак-Ички
9.	Арасанской	14, 15 и 16	Чет-Биен
10.	Баскан-Сарканской	17, 18 и 19	Саркан
11.	Нижне-Аксуйской	20, 21 и 22	Кур-Аксу
12.	Южно-Прибалхашской	26, 27 и 28	Чибинды

ПРИЛОЖЕНИЯ Б

Список народных судей Арасанской волости Копальского уезда Семиреченской области за 1870-1885 годы

Аулы	1870-1873	1873-1876	1877-1879	1880-1882	1883-1885
1	Коккуз Алыбаев	Жантас Карагаев		Жантас Карагаев	Жантас Карагаев
2	Малдыбай Иркыбаев	Жалгабай Турлубаев	Жалгабай Турлубаев	Толкын Калкабаев	Толкын Калкабаев
3	Бейбит Алибеков	Бейбит Алибеков	Бейбит Алибеков	Сейтказы Токжанов	Султанбай Алибеков
4	Дулат Самалыков	Чокоман Сейкин	Чокоман Сейкин	Итчемес Турсунов	Зикир Ильтенов
5	Кусебай Тышканбаев	Картайган Чакобаев		Картайган Чакобаев	Иса Сюттыбаев
6	Ташен Мынджасаров	Ташен Мынджасаров	Тубет Тебемчин	Мусеке Джананов	Мусеке Джанаков
7	Джанатай Тулеков	Ибрагим Умирбеков	Уали Мамамбаев	Уали Мамамбаев	Акбас Алдияров
8	Стамбек Бугумбай	Тлеуке Алибеков	Кызаубай Булатыков	Арап Джуланов	Тлеуке Алибеков
9	Туртай Худайбергенов	Амиргожа Кашкынов	Искак Садыков	Тлеу Джанатаев	Байсал Саменов
10	Мусреп Джараскулов	Бисемби Айтымбетов	Турлубай Ботогарин	Джолдаспай Джанасылов	Джолдаспай Джанасылов
11	Байсал Саменов	Байсал Саменов	Чингай Байтленев	Бопыжан Чалгынбаев	Бопыжан Чалгынбаев
12		Тулкибай Джайтабаров	Тулкибай Джайтабаров	Бадан Телемисов	Бадан Телемисов

Список народных судей Арасанской волости Копальского уезда Семиреченской области за 1886-1900 годы

Аулы	1886-1888	1889-1891	1892-1894	1895-1897	1898-1900
1	Джумабай Байбеков	Каскарау Байторин	Нурлан Толкунов	Нурлан Толкунов	Сеитбаттал Маманов
2	Есенбек Танекин	Есенбек Танекин	Карибай Коккузов	Исабек Андасов	Нурлан Толкунов
3	Султанбай Алибеков	Султанбай Алибеков	Битим Матышев	Султанбай Алибеков	Султанбай Алибеков
4	Козаир Джельдыбаев	Козаир Джельдыбаев	Исабек Андасов	Косылхан Амирходжанов	Косулкан Амиргожин
5	Иса Сюттыбаев	Иса Сюттыбаев		Иса Сюттыбаев	Иса Сюттыбаев
6	Мусреп Джараскулов	Мусреп Джараскулов		Аскарбек Чукуров	Кишкенебай Турапов
7	Бодан Тлемисов	Бодан Тлемисов			Бейсетпай Клысеев
8	Джакып Алтаев	Джананбай Блеукин			Омар Сатпаков
9		Джолдаспай Джанасылов			

10		Карачулак Бекпауов			Керимбек Сыртанов
11		Кусебай Тишканбаев			

Список народных судей Арасанской волости Копальского уезда Семиреченской области за 1901-1909 годы

Аулы	1901-1903	1904-1906	1907-1909
1	Сеитбаттал Маманов	Сеитбаттал Маманов	Сеитбаттал Маманов
2	Нурлан Толкунов	Нурлан Толкунов	Нурлан Толкунов
3	Султанбай Алибеков	Бимолда Аркабаев	Бекпосун Бейбитов
4	Косулкан Амиргожин	Косулкан Амиргожин	Косулкан Амиргожин
5	Барлыбай Койчугунов	Хайрулла Байбулов	Хайрулла Байбулов
6	Досымбек Кашкаров	Досымбек Кашкаров	Саурык Кудешов
7	Бейсетпай Клыеев	Бейсетпай Клыеев	Бейсетпай Клыеев
8	Тазабек Абданов	Тазабек Абданов	Омар Сатпаков
9	Салим Буданов	Салим Буданов	Салим Буданов
10	Керимбек Сыртанов	Керимбек Сыртанов	Молдахан Сыртанов
11			Рыскул Конуспаев

Список народных судей Алакульской волости Лепсинского уезда Семиреченской области за 1870-1891 годы

Аулы	1870-1873	1873-1876	1877-1879	1880-1882	1883-1885	1886-1888	1889-1891
1	Барак Каратаев	Барак Каратаев	Барак Каратаев	Сатпай Бараков	Сатпай Бараков	Нурпеис Чайгоджин	Нурпеис Чайгоджин
2	Тайшеке Уразбаев		Далабай Чококов	Хусаин Дайринов	Хусаин Дайринов	Серикпай Джанабаев	Хусаин Дайранов
3	Секинбай Алинев		Бисарин Джангозин	Бисарин Джангозин	Бисарин Джангозин	Айткул Раев	Айткул Раев
4	Джангельды Алипов	Джангельды Алипов	Джангельды Алипов	Джангельды Алипов	Амангельды Аликов	Нургоджа Утегенов	Курамыс Джайсанов
5	Кунак Тайсарин	Кунак Тайсарин	Кунак Тайсарин	Майкут Байбулов	Майкут Байбулов	Кульпеис Атыбаев	Бектемир Кобенов
6	Оскембай Бердекин		Джалпек Токчурин	Тайтоке Оразбаев	Тайтоке Оразбаев	Есен Баембаев	
7	Мейрман Тлеулин	Мейрман Тлеулин	Мейрман Тлеулин			Сырджан Утегенов	Сырджан Утегенов
8			Баянбай Кубеев				
9			Акпас Чогатов				